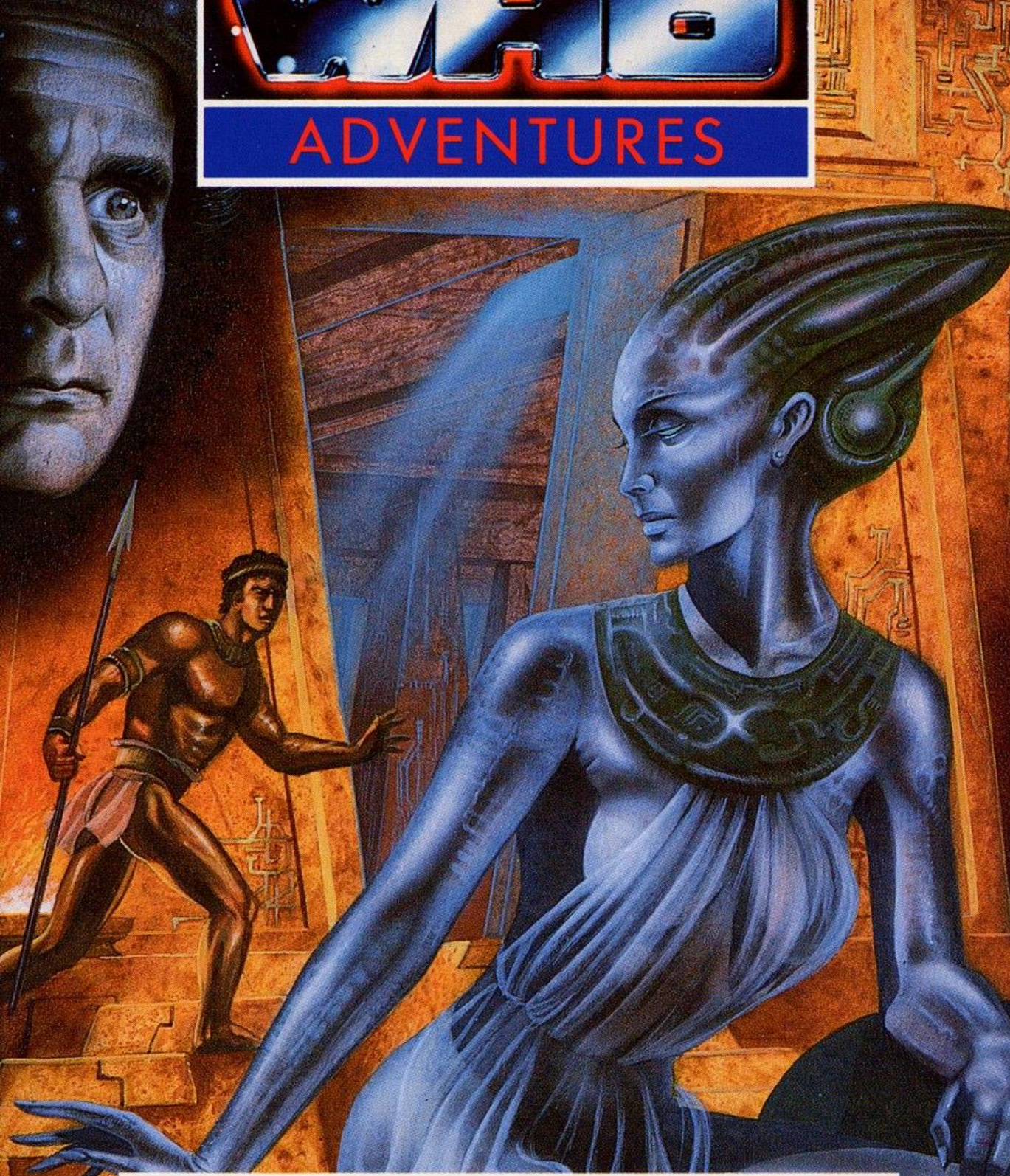

THE NEW

ADVENTURES

TIMEWYRM: GENESYS
JOHN PEEL

Доктор Кто

Новые Приключения

Книга 1

(NA 01)

Времяточец: Бытие (Книга Начала Бытия)

Джон Пил

Перевод осуществлён ssv310

на сайте [Notabenoid](http://Notabenoid.ru)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ К «НОВЫМ ПРИКЛЮЧЕНИЯМ»	5
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К КНИГЕ.....	7
ПРОЛОГ	10
1. ЗМЕЙ В САДУ	14
2. ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ ВОСПОМИНАНИЯ	25
3. КОГДА ЗАГАДЫВАЕШЬ НА ИШТАР	34
4. ПРОШЛЫЕ ЖИЗНИ	46
5. ЗАСАДА	58
6. В РАЗВЕДКУ!.....	67
7. ДОГОВОР О СОЮЗЕ	80
8. МУЗЫКАНТЫ В БЕГАХ	95
9. НИТРО-9, БОГИНЯ-0	108
10. ЭЙС В ЯМЕ.....	125
11. ПИР ГОРОЙ	139
12. СКАЗАНИЕ АВРАМА.....	154
13. ПУТИ РАСХОДЯТСЯ	163
14. ГОРЫ МАШУ	171
15. СТРАЖИ У ВРАТ ЗАРИ	179
16. ОЗЕРО ДУШ	190
17. УТНАПИШТИМ	203
18. ПОБЕГ	219
19. ПИРШЕСТВО ИШТАР	229
20. ЭЙС НА ВЫСОТЕ.....	241

21. АРМАГЕДОН	248
22. АПОФЕОЗ	259
23. ВРЕМЯТОЧЕЦ!	273
ЭПИЛОГ	280

ПРЕДИСЛОВИЕ

К «НОВЫМ ПРИКЛЮЧЕНИЯМ»

Это вступительное слово к новой серии книг «Доктор Кто – Новые Приключения».

Издавая эту серию романов, мы ставим перед собой такие цели: продолжить странствия Доктора и Эйс с того момента, когда мы в последний раз видели их на телевидении – в конце истории «Выживание»; продолжить традиционные для «Доктор Кто» захватывающие истории, переплетённые юмором, драмой, и ужасами; продолжить тенденцию последних сезонов телесериала к сложным сценариям с серьёзными темами.

Эти цели позволяют создать целую вселенную самых разных историй и стилей их изложения, и я поощрял авторов «Новых Приключений» воспользоваться всеми преимуществами, которые предоставляет формат романа. В книге «Времяточец: Бытие» Джон Пил создал насыщенное драками приключение, в котором много машут кулаками и мечами, которое не даст вам передохнуть от первой до последней страницы. Каждая последующая книга в тетралогии о Времяточце – «Исход» Терренса Дика, «Апокалипсис» Найджела Робинсона, и «Откровение» Пола Корнелла – написана в собственном стиле; все они, однако, являются развитием «Доктор Кто». Сейчас готовится к изданию трилогия, которая продолжит серию «Новые приключения».

Создание новой серии оригинальных романов «Доктор Кто» – предприятие не из лёгких, ведь ТАРДИС – не самый легко управляемый корабль, поэтому спасибо всем, кто сделал это возможным: Крису Уэллеру из BBC Books, за то, что разрешил нам это сделать; Джону Натану-Тёрнеру за его поддержку этого проекта вплоть до ухода с поста продюсера; Эндрю Картмелу, Марку Плэтту, Бену

Аароновичу, Джону Пилу, Йену Бриггсу, и Жан-Марку Лофисье за предоставление сценариев и описаний характеров, на основе которых я постарался создать непротиворечивую основу этой серии; Эндрю Скиллетеру за иллюстрации обложек; Сильвестру МакКою и Софи Алдред за яркие характеры Доктора и Эйс, за разрешение использовать их лица на обложках, и за поддержку «Доктор Кто» в целом и «Новых приключений» в частности, и отдельное спасибо Софи за написание вступительного слова к этому роману; Роне МакНамаре, моей ассистентке, без которой у меня бы просто ничего не вышло; и каждому из тех людей, кто прислал свои предложения для историй.

«Доктор» продолжается: он не регенерировал, но продлил аренду жизни.

Питер Дарвилл-Эванс, редактор серии.
Февраль 1991 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

К КНИГЕ

Легенда о Гильгамеше и Энкиду вызывает у меня ассоциации со второй половиной дня по четвергам, когда в кабинете истории я малевала что-то в тетради, в пол-уха слушая доносившийся от доски монотонный голос учительницы. И когда Джон Пил упомянул, что его новая книга каким-то образом использует этот древний сюжет, я расстроилась, вспомнив своё очень плохое школьное сочинение по Месопотамии. «Отлично. Просто фантастика», – пробормотала я, пытаюсь изобразить улыбку. Представьте себе моё облегчение, когда Джон прислал мне свой первый черновик, и я начала его читать и не могла оторваться. Ну почему учительница истории не могла описывать этих персонажей так, словно они действительно существовали и много тысяч лет назад формировали настоящий мир, наш мир? Ладно, её можно простить, у неё же не было ни ТАРДИС, ни повелителя времени и Эйс, которые могли бы ей помочь, рассказав о чём-то настолько удалённом во времени от нашей современной жизни.

Ни Доктора, ни Эйс. Именно это, как мы все боялись, однажды должно было случиться. Мне было очень горько прощаться с таким динамичным, интересным персонажем, который так хорошо оттенял вспыльчивого, необычного, привлекательного Доктора в исполнении Сильвестра. С персонажем, с которым даже незнакомцы могли найти общий язык, который мог быть моделью для подражания; настоящий товарищ, в котором отражалось наше общество, и особенно – роль молодой женщины в конце тысяча девятьсот восьмидесятых.

А теперь не всё потеряно! Эйс продолжает жить на печатных страницах, она всё такая же бунтарка, такая же несносная, такая же головная боль для «Профессора», какой она была на экране.

Я очень польщена тем, что меня попросили написать вступительное слово к началу интересного путешествия, которое предстоит «Доктору Кто». Я желаю писателям удачи и счастливой охоты, потому что есть ещё бесконечное множество нерассказанных историй.

И вы, читатели, своим интересом сделаете так, что этот странный чудесный человек и дальше будет вдохновлять воображения миллионов людей по всему миру своим подмигивающим глазом и своей неутолимой жаждой к знаниям и правде, где бы и когда бы он ни выглянул из двери своей старой полицейской будки.

И, наконец, спасибо всем, кто так тепло принял меня в семью «Доктор Кто». У меня есть предчувствие, что в этой семье я останусь навсегда.

Софи Алдред.

Февраль 1991 года.

Посвящается Джереми и Поле Бентэм.

Народ Эриду, слушай меня!

Вы, кто пришли на рынок, слушайте.

Вы, кто ухаживает за виноградом у Великой Реки, остановите работу.

Вы, кто стережёт стада от волков и львов, внимлите.

Велики дела Гильгамеша, царя людей!

Сильна рука Энкиду, брата зверя!

Загадочны пути Эа, бога мудрости.

Светлы обещания Айа, богини рассвета.

Вы, кто узнает их историю, слушайте!

Когда боги воюют, Земля дрожит.

Звёзды выпадают из своих жилищ, и проливают смерть на этот мир.

Великая и страшная Иштар сошла к нам.

Древний и хитрый Утнапиштим поведал нам о своём пути.

Если бы у нас не было заботящегося о нас Гильгамеша, где бы мы были?

Если бы Энкиду не встал на нашу защиту, разве мы не пали бы?

Если бы наши уши не услышали мудрость Эа, разве мы остались бы живы?

Если бы не сияние Айа, разве мы смогли бы видеть?

Так слушай же, народ Эриду, и услышь их историю.

Вы, кто живёт между рек, прислушайтесь.

Я Аврам, слагатель песен. Я говорю о том, что я видел.

ПРОЛОГ

Звездолёт дрожал. Ещё одна молния хлестнула сквозь эфир и врезалась в открытый бок корабля. Где-то зазвучала сирена, игнорируемая и непрекращающаяся. По тёмным коридорам струился дым. В кроваво-красном аварийном освещении ползущий дым был сюрреалистичен, он был похож на живое существо, ползущее к остаткам экипажа.

Зашипев от злости, она осмотрела отсек управления глазами умирающего пилота. Пытаясь подчиниться ей и выжить, он боролся с цепкими пальцами смерти. Боль в его груди ослабла, и он попытался правой рукой дотянуться до экрана. Его едва работающий ум понял, что правой руки у него нет. Наконец, ему удалось достать до панели левой рукой.

– Тебе ещё нельзя умирать! – прогремела в его угасающем сознании её команда. – Сосредоточься на показаниях! Сосредоточься, чёрт возьми!

Наконец он смог поднять голову настолько, что увидел цифры на экране. Он едва понимал, что они говорили о том, что защитные поля на большей части корабля отказали. Несколько сегментов были вспороты, и все, кто там был, либо сгорели, либо их высосало в космос. Их враг прошёл мимо и готовился ко второму заходу. Второй заход неизбежно будет последним. Повреждённый корабль и так держался до сих пор почти исключительно на силе её мысли.

– Имбецилы! – закричала она, и умы их всех – всех, кто ещё был жив – почувствовали её презрение и ярость.

Она чувствовала, что их у неё осталось не больше дюжины. В приступе злобы она извлекла своё сознание из пилота и почувствовала, как он умер. В другое время она бы зависла рядом, слизывая ментально его предсмертные страдания. Но сейчас не было времени на удовольствия. Очень скоро она и сама может погибнуть.

Она проникла в сознание навигатора. Он был ещё почти цел, и запустил по её приказу сканирование. В такой дали от оси спирали Маттерса для неё было очень мало подходящих убежищ. Пробегали колонки цифр. Была только одна планета, способная поддерживать гуманоидную жизнь, в небольшой солнечной системе прямо по курсу. Ей, конечно, такая среда для жизни не нужна, она нужна её рабам. Остальные планеты были абсолютно непригодны для её целей. Никакой жизни. А вот что касается третьей планеты...

Она выругалась, увидев результаты. Жизнь – да, но без разума! Ни радиоволн, ни радиоактивности, ни признаков индустриализации! Бесполезная, абсолютно бесполезная! Сквозь волны её ярости пробились паникующие мысли капитана, и она погрузилась в его сознание. Его снова охватывал безумный страх, так как их враг развернулся для нанесения последнего удара, удара, который им не пережить.

Она заставила себя успокоиться. Что же, придётся обойтись этой третьей планетой. Без технологий она там окажется в ловушке, но если там есть жизнь, она сможет питаться и выжить. Со временем, возможно, появится и то, что ей нужно – при условии, что она выживет сейчас.

Закрывшись в спасательной шлюпке, она запустила обратный отсчёт запуска. Но ей нужно замаскировать свой побег. Если они узнают, что она спасается, они её выследят. Ей нужно сделать это очень осторожно.

Она покрепче ухватила за сознание навигатора и заставила его сменить курс корабля. Отключив уже не нужные оставшиеся защитные поля, она заставила подвластные ей руки запустить самоуничтожение в ядре реактора. Пошёл обратный отсчёт. Её мысли вернулись к капитану, и она заставила его повернуть корабль. Затем она запустила двигатели, направив свой погибающий корабль прямо навстречу наступающему врагу.

– Выкусите! – мысленно дерзко крикнула она своим старым противникам.

Один из её изящных когтей завис над кнопкой. Осталось сделать лишь одно...

Оставшиеся одиннадцать членов экипажа едва держались на этом свете. Что же, кое-чем они всё ещё могут ей пригодиться. Они могут умереть. Она отдала приказ и поглотила их последнюю энергию, чувствуя, как её сознание становится сильнее с каждой новой смертью. На то, чтобы смаковать это пиршество, времени не было, ей нужно было торопиться. Она не знала, когда ей снова удастся поесть.

Когда все умерли, она нажала кнопку.

Она оказалась в космосе. Ей едва хватило времени на то, чтобы заметить корпус своего изодранного корабля, мчавшегося мимо неё, чтобы взорваться, оставляя за собой осколки мусора. Взрыв должен будет ослепить сенсоры нападающих на достаточно долгое время, чтобы они не заметили её побег. Она переключила двигатель в обычный режим, возвращаясь в обычное пространство-время. Крушение осталось позади её крошечного судна. Если повезёт, этот взрыв повредит атакующий корабль.

Под ней была третья планета. Половина сферы была освещена светом солнца и сияла белым и голубым. Почти как её родная планета. Она запустила подробное сканирование, и выругалась, когда все параметры лишь подтвердили то, что она видела с главного корабля. Никаких концентраций электромагнитной энергии; никаких выбросов отработанных газов; никаких систем транспорта; никаких сигналов связи. Какой бы ни была тут жизнь, она была настолько примитивна, что была для неё абсолютно бесполезна. Ей нужен был разум, а не простая животная жизнь. Она не могла питаться неразумными тварями. Не отбирая ни у кого сознание, она умрёт. Этот красивый шарик под ней станет её могилой.

Внезапно заревел сигнал тревоги. Снова посмотрев на экраны, она увидела, что её спасательная шлюпка повреждена. Она слишком долго тянула с побегом. Двигатели остались почти без топлива, и она теряла контроль над маленьким судном. Гравитация тянула её в объятия планеты.

Ей даже понравилась ирония этой ситуации. Сбежав, взяв под контроль звездолёт, умчавшись сквозь космос, она погибнет в этой бесплодной, безжизненной пустыне. Всё закончится здесь... Может быть, будет лучше умереть в огне при вхождении в атмосферу, чем потом в одиночестве, страдая от голода? После всех её усилий... умереть вот так, в изоляции, в этой жалкой дыре, на пустынной бело-зелёно-голубой планете...

1. ЗМЕЙ В САДУ

– Гильгамеш! – голос был шёпотом в ветерке, но Гильгамеш расслышал его чётко.

Нахмурившись, он обвёл взглядом поросшие деревьями склоны. Белый олень, за которым он гнался с самой долины, как сквозь землю провалился. Этот позвавший его идиот спугнул зверя раньше, чем он успел приблизиться на расстояние броска копья.

– Гильгамеш! – снова раздался голос, уже громче.

– Дурак, заткнись! – прошипел сердито охотник.

Прикрыв глаза от слепящего солнца, Гильгамеш осмотрел рощу. Вот ведь странно: он видел, как белый олень зашёл в эту рощу, но нигде не было ни следов, ни шевеления кустов. И тут он сообразил, что обладателя загадочного голоса тоже не было видно.

– Гильгамеш, – снова позвал голос. – Сюда, о человек.

Гильгамеш разочарованно швырнул на землю копье. Охотиться на оленя, когда рядом кричит какой-то идиот – всё равно, что с мухой на рынке сражаться. Затем, подумав, он поднял копье. В этих пограничных горах водились бандиты, так что лучше быть начеку, несмотря на то, что при нём не было ничего ценного, и вряд ли простой грабитель узнал бы в нём царя Урука. В данный момент он был ни капли не похож на царя: на нём были надеты лишь вязаная набедренная повязка, пара сандалий, и повязки на руках. Отправляясь в разведку, он с неохотой оставил всю свою царскую одежду во дворце Урука.

Это не он придумал. Он ненавидел шпионов. Грязные, лживые, и скрытные были поступки шпиона. Гильгамеш предпочитал честный открытый бой: удар копьём, метко пущенная из лука стрела, разламывающая череп противника булава. Таковы были поступки тех, о ком люди могли петь. Но красться, выслеживать, шпионить... боги, это выводило его из себя. Но его советники настаивали, что для начала войны нужно иметь больше сведений. Гильгамеш подчинился их

коллективной мудрости после того, как с ними согласился его верный друг Энкиду.

Напряжение молчания и скрытности скоро показалось Гильгамешу невыносимым. Покинув равнины своего царства, чтобы проникнуть во владения правителя города Киш, он очень быстро потерял терпение. Пробежавший перед ним в горы белый олень был достаточным поводом для того, чтобы оставить отряд на попечение умелых (хотя и волосатых) рук Энкиду, а самому уйти вверх по склонам за убежавшим зверем.

Его кожаные сандалии не издавали ни единого звука, когда он крался к источнику этого надоедливого голоса. Его бронзовая кожа, опалённая вечным солнцем, вздымалась под его мускулами. В огромном кулаке он сжимал копье – своё единственное оружие. На какой-то момент он подумал о том, разумно ли было оставить отряд и друга, и охотиться на этого странного оленя одному. Но он прогнал эту мысль. Разве он не Гильгамеш, сильнейший из сынов человеческих? Не стыдно ли ему убегать от какого-то загадочного голоса? Он пролез сквозь густые деревья и изумлённо остановился. Когда он, всего два года назад, вёл тут свой охотничий отряд, вершина горы была вся в деревьях. А сейчас вокруг валялись сломанные и обгоревшие ветки. В центре была яма. Всё говорило о том, что вырыли её недавно. Но кто мог вырыть яму здесь, на горе, куда никто обычно не ходит? И зачем? Гильгамеш осторожно пошёл вперёд. Голос снова позвал его, и в этот раз он понял, что голос доносится из ямы.

Быть может, кто-то упал в яму и не мог вылезти без чужой помощи? Вряд ли – ну кто не заметит такую большую яму? Разве что ночью... Но ведь голос не просил помощи, голос звал его... Если это кто-то, кто не может выбраться из ямы, откуда ему знать, что мимо шёл Гильгамеш, а не кто-то другой? Стоя с копьем наперевес на краю ямы, Гильгамеш всматривался в её дно.

Да там, внизу, словно гора богов! Из мрака поднимался дым, его завитки таяли на солнце. Гильгамеш не мог представить себе, что могло вызвать такое. Затем он вспомнил: две ночи назад, во время празднования Шамаша, один из жрецов увидел упавшую с неба звезду! Гильгамеш тогда подумал, что этот жрец выпил слишком много пива, но что, если он сказал правду? Не сюда ли упала звезда? Эта идея ему была по душе. Никто никогда ещё не находил упавшие звёзды. Все знали, что когда звёзды падают со своих мест на небе, они превращаются в обычный камень. Но Гильгамеш видел, что в яме есть что-то яркое. Если ему удастся стать первым человеком, который принесёт в Урук звезду, которая всё ещё горит, это станет ещё одной его победой, которую люди будут воспевать! Исполненный надежд, но по-прежнему осторожный, он начал спускаться вниз по склону ямы.

Когда он оказался в тени, ему стало лучше видно, и он снова остановился. Стены ямы были усыпаны рваными кусками чего-то блестящего. Он нагнулся и ткнул в один из этих кусков копьём. От удара предмет зазвенел, как медь. Но это явно была не медь. Он осторожно взял предмет в руки. На ощупь он был как медный, но выглядел матово-серебристым. Он был твёрдый и гладкий, как металл, но что это могло быть?

– Гильгамеш! – голос вернулся, он шептал откуда-то спереди. – Не бойся.

– Я не боюсь, о голос, – раздражённо сказал он. – Ни один человек не смеет говорить, что Гильгамеш боится.

– Прости, Гильгамеш, – сказал голос, скорее смеясь, чем извиняясь. – Но я не человек, как ты сам увидишь, если подойдёшь ближе.

Гильгамеш из осторожности остался на месте.

– Что же, о голос, который не принадлежит человеку, почему я должен подходить? Я царь этих гор. Думаю, это ты ко мне должен выйти, а не я к тебе.

– Ах, – раздался долгий вздох. – Если бы это было мне под силу, то так бы и было. Но я не смогу выйти так далеко.

– Кто же ты, тогда, если говоришь, как человек, но двигаться не можешь?

– Подойди и увидишь, – предложил голос.

Хотя это был всё тот же самый голос, сейчас он, казалось, приобрёл другие оттенки. Теперь он казался определённо женским. Гильгамеш знал, что женщины ему не страшны, и пошёл дальше в яму.

Он увидел, откуда взялись рваные куски неметалла, которые он нашёл. На дне ямы лежало что-то большое, что-то, похожее на огромный зиккурат, стоявший в центре самого Урука. Но этот зиккурат был сломан, в его идеальной пирамиде были дыры. Именно из этих дыр, шипя, медленно струились спирали дыма и пара. Одна из дыр была более правильной формы, чем остальные, она была похожа на дверь... Но кто бы стал строить зиккурат с такой дверью? И кто бы стал строить зиккурат такого размера, и затем прятать его в яме на вершине холма, вдали от селений?

В отверстии правильной формы Гильгамеш увидел существо, которое его звало. Чем бы оно ни было, оно сказала правду: оно не было человеком.

Оно было ростом как человек, и формой похоже на человека. Но вместо кожи оно было покрыто таким же блестящим неметаллом, как и сам зиккурат. Вместо глаз у него были два золотых огня, которые горели, но ничего не сгорало. У него были руки, ноги, и туловище. Но не было ни волос, ни одежды. Но оно и не было голым, в том смысле, в каком бывают голыми люди. И фигура была не женская.

Оно пошевелилось. Оно сидело, опираясь на что-то, словно устав. А теперь оно наклонилось вперёд, протянув к нему руку:

– Подойди ко мне, Гильгамеш, – сказал женский голос.

– Нет, – медленно ответил он. – Я же не дурак, чтобы незнакомцев слушаться. Как ты называешься и откуда ты?

Существо зашипело, и под его горящими глазами Гильгамеш увидел подобие рта.

– Меня зовут... Иштар.

– Иштар? – повторил он. Могло ли это быть правдой? – Иштар – богиня войны и сражений, – он указал на своё копье. – Твоя форма не годится для любви, а для сражений у тебя нет оружия.

– Моя форма такая, какую я захочу, Гильгамеш, – ответила Иштар. – Когда нужно, я могу изменять её на более подходящую.

– В таком случае, Иштар, я бы на твоём месте сменил бы её так, чтобы ты смогла ходить. Тогда ты смогла бы выйти ко мне. Если бы ты вышла как женщина, мы могли бы заняться любовью. Если бы как мужчина, мы могли бы сразиться. А в таком виде ты ни на что не годишься.

Существо снова протяжно вздохнуло.

– Ты не прав, Гильгамеш. Мой вид годится для очень многого... Например, для того, чтобы сойти с небес на землю.

– Да ну? – сказал он и громко рассмеялся. – Так ты, значит, с небес? Если ты можешь сойти с небес, то почему же это ты не можешь подойти сюда? Иштар, если ты и богиня, то лжи и мошенничества, а не честных любви и войны.

– Глупый человек! – её голос дрожал. – Я не пешком спускалась с небес, – слабой рукой она обвела зиккурат. – Я спустилась в этом.

– А, – усмехнулся он. – Значит, шла не ты, а твой дом. Непростое же было путешествие с неба, непростое. Я заметил, что ты потеряла по пути несколько кирпичей. Теперь, наверное, тому, что осталось, ходить будет легче.

– Ты упорно продолжаешь говорить глупости, – прошипела Иштар. – Но я могу доказать тебе правду своих слов. Это я вызвала тебя сюда с равнин Эриду.

Гильгамеш почесал свои умощенные кудри и снова усмехнулся.

– Я пришёл сюда за белым оленем, Иштар, а не на твой голос.

– За этим белым оленем, о человек? – спросила она, указывая рукой.

Гильгамеш обернулся и замер. На склоне ямы стоял тот самый олень. Он смотрел на него без страха. Охотник быстро занёс и бросил копьё.

Оно вошло в светлое тело оленя не разрывая шкуру, и встряло в склон ямы.

Олень медленно исчез.

Впервые уверенность начала покидать Гильгамеша. От этого несло колдовством, а не просто хитростью или мошенничеством. Возможно, это существо действительно говорило правду, как бы странно ни звучали его слова.

– Подойди ко мне, Гильгамеш, – позвала Иштар. – Подойди, и ты не разочаруешься.

При этих словах её форма задрожала, как дымка, поднимающаяся над песками южных пустынь, и изменилась. Теперь не-металл кожи превратился в плоть, и она стала похожа на женщину... И в то же время она не была похожа ни на одну из женщин, которых он видел. У неё была светлая кожа, тёмные волосы, манящие раскрытые объятия.

– Иди ко мне, Гильгамеш, сильный в войне и в любви.

– Госпожа, – сказал он, и в его голосе появилось уважение, – возможно, я был несправедлив, не поверив тебе. Но если ты и правда Иштар, богиня, то я не смею подойти к тебе.

– Значит, – сказала она, и он скривился от насмешки в её голосе, – могучий герой Гильгамеш боится объятий женщины?

– Нет, – возразил он. – Многие женщины побывали в моих объятиях, и всем им это нравилось. Но стать любовником богини, мягко говоря, рискованно. Я наслышан о том, как Иштар обходится с теми, кого любит. Говорят, её любовь поглощает их языками пламени. Она отбирает их силы одним объятием, после чего они умирают, забытые всеми, кто их знал. Нет, Иштар, не страх заставляет меня отвергнуть

тебя, а разум. Я был бы дураком, если бы обменял всю свою жизнь на одно твоё объятие.

– Гильгамеш, подчинись мне и подойди сюда! – манящего, упрашивающего голоса как не бывало, теперь в голосе звучала только жёсткая решительность. – Клянусь, если ты этого не сделаешь, я тебя найду и раздавлю.

– Ага, вот мы и докопались до правды, – сказал он. К нему вернулось его самообладание. – Нет, госпожа. Раз ты не можешь подойти ко мне, когда я стою рядом с тобой в этой яме, то когда я буду пировать у себя во дворце в Уруке, тебе до меня тем более не добраться. Спасибо тебе за эту странную охоту, но на этом всё. Прощай, госпожа... надеюсь, мы больше не увидимся, – он развернулся и пошёл прочь.

– Дурак! – закричала ему в спину Иштар. – Ты отверг меня, Гильгамеш, но ты об этом ещё пожалеешь. Скоро я до тебя доберусь... И тогда в Уруке камня на камне не останется, никто не узнает, что был когда-то царь Гильгамеш!

Ослабев, Иштар откинулась назад. Нет смысла тратить силы на то, чтобы проклинать этого хитрого, недоверчивого гуманоида. Но он за это заплатит... Он дорого заплатит за то, что отверг её! Она снова проверила запасы энергии. Если расходовать аккуратно, их можно растянуть ещё на шесть дней этой планеты. К тому времени появится другой человек. И вряд ли он будет столь же искущён, как Гильгамеш. Чтобы снизить энергозатраты, она отключила генератор изображения, её маскировка исчезла, и она приняла свой прежний вид.

Заползая обратно в разрушенную спасательную шлюпку, она вздрогнула, почувствовав, как сознание Гильгамеша ускользает от неё. Он мог быть таким славным пиршеством. В нём столько жизни, столько власти, столько гордости. За все месяцы, которые она провела в космосе, ей не довелось вкусить ни единой решительной души. Её силы

почти иссякли, её потребность переварить разум стала всепоглощающей.

Кто-то должен появиться в ближайшее время! И тогда она поест... а потом вырастет... а потом полностью разрушит эту жалкую планету...

Всё ещё думая о своей встрече на вершине холма, Гильгамеш чуть не налетел на командира своего патруля. Увидев солдата, он вначале по привычке замахнулся копьём, но затем остановился, узнав этого человека.

– Господин, – сказал капитан, падая на колени, – что-то случилось?

– Ничего, – ответил он. – У меня было... видение. Весьма загадочное видение, – внезапно он широко улыбнулся и так хлопнул солдата по плечу, что тот упал наземь. – Но мы не позволим этому нас отвлекать, да? У нас есть дело. Пора нам дальше идти. Киш не будет ждать нас вечно. Идём!

– Да, господин! – сказал капитан, отряхивая пыль с ног.

До конца путешествия Гильгамеш погрузился в размышления, практически игнорируя Энкиду, который пытался его отвлекать. Ему одновременно хотелось рассказать обо всём, чтобы его хвалили, и не хотелось рассказывать, чтобы с него за глаза не смеялись. Победил ли он Иштар? Или же он был жертвой розыгрыша? Разумеется, его подданные поверят тому, что он расскажет – он прикажет казнить любого, кто усомнится – но улучшит ли эта история его репутацию? Или этот рассказ можно изменить, улучшить? Жаль, что у него плохо получалось сочинять. Вот был бы у него придворный музыкант, – рассуждал он, – можно было бы велеть ему поработать над этой идеей и сделать из неё настоящее сказание, которое люди запомнят.

Он сделал себе на будущее две заметки: во-первых, держать эту историю при себе, пока не удастся придумать лучшую концовку; во-вторых, нужно нанять хорошего придворного сочинителя.

Та-Нин апатично смотрела на своё отражение в зеркале. Тело было хорошее, возможно, лучшее в Уруке. Гильгамеш нахваливал его много раз, когда они занимались любовью. Может быть, это тело царицы? – думала она. Быть может, Гильгамеш, когда вернётся, возьмёт её к себе как невесту, а не просто как любовницу... В таком случае столько сердец будет разбито. Многие женщины Урука надеялись из постели Гильгамеша попасть в его тронный зал.

Она тщательно умащивала своё тело, выбирая самые душистые масла. Чтобы соблазнить царя, нужно выглядеть как царица. Она надела платье из тончайшей пряжи, застегнула его на голом плече золотой брошью в виде головы леопарда. Её служанка завершила сборы своими искусными парикмахерскими навыками. Та-Нин повесила себе на шею простое ожерелье из ляпис-лазури, и в последний раз осмотрела своё отражение.

Она не могла не улыбнуться. Никогда она не была настолько красива. В этот раз она наверняка покорит сердце царя и разделит его власть. Повернувшись, она полюбовалась изгибом своей обнажённой спины. Разве он сможет устоять? Она выглядела в точности как царица.

Пришёл слуга и сообщил, что начинается пир. Гильгамеш велел ей быть там. Она ликовала. Сегодня она покажет всем насмешникам, всем коварным соперницам!

По мере прихода званых гостей в зале дворца становилось всё шумнее. Все говорили исключительно о разведке, с которой только что вернулся царь. Она заметила несколько почти не скрываемых недовольных взглядов. Она знала, что среди знати было много таких, кто предпочёл бы, чтобы их царя поймали и убили в Кише солдаты царя Агги. Жалкие завистники, не более. Наверное, каждый мужчина в Уруке мечтал о том, чтобы обладать хотя бы долей талантов Гильгамеша, будь то в войне или в любви. Та-Нин осмотрелась, но Гильгамеша ещё не было. Он любил делать из своего появления представление, наслаждаться аплодисментами и поклонениями. Но Та-

Нин не знала, куда ей сесть. Пойти и сразу сесть во главе стола, возле царя, могло быть слишком самонадеянным. Но занять любое другое место было бы ниже её достоинства.

Главные двери распахнулись, и с широкой улыбкой зашёл Гильгамеш. Все его гости встали и начали стучать по столам и выкрикивать его имя. Царь махнул рукой, чтобы аплодисменты стихли. Они, разумеется, не стихли: не нашлось таких дураков, которые бы восприняли его жест всерьёз. Наконец, он громко рявкнул, чтобы все замолчали, и в тот же миг наступила тишина.

Гильгамеш прошёл к столу и опустился на лежавшие на его месте подушки. Теперь могли занимать свои места и остальные. Та-Нин, потупив взгляд, продолжала стоять, ожидая, когда Гильгамеш её заметит и позовёт к себе. Когда, казалось, прошла целая вечность, он произнёс её имя, и она подняла взгляд. И оторопела.

С ним была другая женщина. Её сознание словно парализовало, когда она увидела, что царь лапает эту тварь. Это что, дочка этого дурака Гудеи? Вот же шлюха маленькая, ей же едва тринадцать исполнилось, только-только совершеннолетней стала! И вот она уже изображает из себя взрослую женщину, выставляет себя напоказ и позволяет себя лапать этому эгоистичному распутнику. Девушка захихикала – Гильгамеш засунул руку ей за пазуху и ущипнул.

Покраснев, Та-Нин смотрела на них.

– Та-Нин, – повторил Гильгамеш, в этот раз громче, – ты почему не садишься? – он указал на второй стол. – Вон твой муж сидит, – улыбнувшись, он дружески помахал ей свободной рукой.

Сгорая от злости и обиды, она не забыла поклониться – не так низко, как ей было положено, но Гильгамеш этого не заметил, так как пытался слизать вино, которое только что намеренно пролил на грудь девушки. Превозмогая унижение, Та-Нин поспешила к своему супругу, который пытался сделать вид, что ничего не заметил.

Не обращая на него внимания, она устремила гневный взгляд на Гильгамеша. Её унизили на глазах у всех. Все городские сплетницы знали, что она с ним спит. Она заказала новые одеяния, соответствующие царскому статусу. Теперь все языки будут чесать об этом. Её выбросили ради этой... этой глупой шлюшки! Как мог Гильгамеш так поступить с ней?

Не ведая о ревности своих знатных людей и их жён, царь закончил вылизывать вино и откинулся на подушки. Девушка (он пытался вспомнить, как её зовут, но их имена ему никогда не запоминались) снова захихикала, игриво ёрзая. Вот! Вот для чего нужны женщины! Одной рукой он взял жареного фазана, а другой схватил её за ягодицу.

– Мой господин! – хихикала она, пытаясь опустить задранную юбку. – Ты не можешь подождать... хотя бы немного?

– Я ждал уже достаточно, – сказал он, проглотив очередной кусок птицы. – И теперь, когда эта дурацкая разведка закончилась, я могу заняться более важными делами, – он снова сжал её упругую ягодицу.

– Твоё приключение было таким скучным? – спросила она, делая вид, что сопротивляется.

– Нет, – сказал он. – Был один интересный момент, – затем он широко усмехнулся. – Вот только подожди, пока пир закончится! – пообещал он. – И у нас будет гораздо больше интересных моментов, чем ты можешь себе представить, девочка моя.

2. ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ ВОСПОМИНАНИЯ

Она проснулась в темноте, взволнованная.

Чем? Она лежала неподвижно, чувствуя, как одеяло поднимается и опускается в такт её дыханию. Ничего на ум не приходило. Ничего, за исключением того, что что-то её волновало.

Ладно, – решила она, – начнём с того, что я знаю. Я в постели, сейчас ночь. И тогда она заволновалась по-настоящему.

Больше ей не приходило в голову ни единого факта.

Поборов в себе готовую вырваться наружу панику, она быстро села.

Медленно включилось освещение, как будто кто-то или что-то заметило её движение. Когда её глаза привыкли к свету, она осмотрелась, надеясь увидеть какие-нибудь подсказки.

Она сидела на большой кровати; кровать была из полированной латуни. Рядом с кроватью на небольшой тумбочке стояли настольная лампа и стакан с жидкостью, похожей на воду. Она осторожно надпила. Это была вода. Первое очко заработано. Вернув стакан на место, она продолжила осматривать комнату. Стул, зеркало, небольшой комод, две двери в стене. Затем небольшой столик, на нём магнитофон, а в нём кассета, готовая к воспроизведению.

Ей сразу стало легче. Её голова работала. Она могла распознавать и называть предметы. Тогда почему она не знала где эта комната? В доме? Обычно же комнаты в домах? Или, может быть, в отеле? Или арендованный коттедж у моря? Она посмотрела на стены. Картин на них не было. И странные это были стены, если уж на то пошло. На них был узор из круглых углублений, они вдавались в стену сантиметров на пятнадцать. Разве делают дома с такими стенами? Ей казалось, что нет; где-то на задворках её сознания трепетала неуверенная мысль о том, что стены обычно покрывают обоями и картинами, на которых нарисованы коттеджи и гуляющие у моря люди.

Странная это комната. Ну что же, сейчас она в ней. Начнём с этого. Комната в доме. Или в отеле? Она прислушалась. Людей в коридоре слышно не было. Не было и запаха соли в воздухе, и вообще ничего, что могло бы ей помочь определиться. Она слышала какой-то слабый, пульсирующий, гудящий звук, на самом пределе чувствительности её слуха. Явно какая-то техника. Воздух был чистый и свежий, никаких запахов разобрать не удавалось.

Где ещё она могла быть, если не в здании? Может, на корабле или на самолёте? Нет, тогда было бы ощущение движения, а кровать стояла не раскачиваясь. Больше сидя в кровати ничего не узнаешь. Единственный способ узнать ещё что-то – встать.

Откинув одеяло, она опустила ноги на пол. Они на что-то наткнулись, и она посмотрела вниз. Куча одежды. Одежда не казалась знакомой, но раз уж никого больше рядом не было, наверное, она принадлежала ей. Ну, конечно: она же была абсолютно голая, так что было вполне логично, что это её одежда. Вот только... Ей что, нравилось одеваться в *это*? Она нагнулась и подняла одну из вещей. Её смутная память в конце концов идентифицировала предмет как футболку – её надевают на туловище сверху. Она внимательно изучила футболку. Та была грязно-розового цвета. Ей нравилось такое? Она предположила, что да, хотя никаких ассоциаций в голове не возникало. Может быть, тут есть какая-нибудь другая одежда? И ей в голову пришла мысль: *чистая* одежда.

Точно! Это, наверное, одежда, которую она носила вчера, когда бы это ни было. А сегодня ей нужно выбрать чистую одежду. Ещё раз осмотрев футболку, она решила, что попробует подобрать что-нибудь более элегантное.

Но где она хранит чистую одежду? Первое, что пришло в голову – комод. В ящиках – вот где люди обычно хранят чистую одежду. Она пошла к комоду, но, проходя мимо зеркала, остановилась, увидев себя.

Это вот так она выглядит? Среднего роста; немного неуклюжая? Элегантной, во всяком случае, не назовёшь. Волосы тёмные, спутанные после сна. Расчёска поможет это исправить. Довольно милое лицо, – предположила она, – дружелюбное, молодое, любопытное; впрочем, другие лица она сейчас не помнила, так что сравнивать было не с чем. Тело... ну, выглядело вроде как полезным. Мускулистое, но в то же время явно женское. Что же, по крайней мере она помнила, в чём разница. Она улыбнулась, а затем нахмурилась. Ей бы хотелось узнать больше о том, кто она такая.

Ей бы хотелось узнать *хоть что-нибудь* о том, кто она такая!

Подойдя к зеркалу ближе, она осмотрела себя внимательнее. Она увидела собственное отражение в своих больших тёмных глазах. Чьё это было лицо? У людей ведь есть имена, так? Значит, и у неё должно быть? И ведь обычно люди знают свои имена, когда проснутся? Что с ней случилось? Что же, быть может, после того, как она узнает, кто она такая, удастся узнать и об этом. Она покачала перед зеркалом головой, и незнакомка в отражении тоже покачала.

– Привет! – тихо сказала она зеркалу.

Зеркало безмолвно ответило ей.

Ну, это уже глупости! Ей в голову просочилась ужасная мысль, которая не хотела её покидать. А что, если она безумная... сумасшедшая? Может быть, её заперли в какой-то психушке? Что, если она ничего не помнила потому, что помнить было нечего? Если она сумасшедшая, то она может каждое утро вот так просыпаться, забыв всё о своей жизни. У неё возникло смутное чувство, что ей доводилось слышать о подобных случаях. Люди, у которых были краткосрочные воспоминания, но не было долгосрочных. Это вот таким она была человеком? Ей так не казалось; она ведь очень многое могла вспомнить. Просто ничего из этого не относилось к ней лично. Она посмотрела в глаза отражения в зеркале. Они не были похожи на глаза безумца. Ясные и умные, вот какими они казались. Так почему же для неё всё

как в тумане? Оторвав взгляд от зеркала, она решительно пошла к комоду. Она выдвинула два верхних ящика, и увидела, что была права: в них было полно одежды. Ну что же, это уже что-то. Сейчас посмотрим...

Так, а что же она обычно надевает? Опять полный ноль. Значит, отложим этот вопрос. Попробуем разобраться в предметах одежды.

Кусок ткани, в нём три отверстия. Одно большое, два маленьких. Трусы! – с триумфом подумала она. Вот что это такое. А носят их на нижней части туловища. Это уже прогресс. Но она знала, что должны быть не только трусы. Помимо них должна быть и другая одежда. Джинсы; возможно, рубашка. Точно! Но что из них сверху, а что под низ? Так, вначале трусы, остальное сверху. А у неё получается! Медленно и нерешительно, ей удалось одеться. С лифчиком удалось разобраться не сразу, но в итоге он был застёгнут, и сидел удобно. Теперь джинсы... В шкафу! Она подошла к двум дверям. Первая же, которую она попробовала, оказалась нужной. За ней было небольшое помещение, в котором была одежда. Скоро она нашла пару «Levis», которая была ей в пору. Застегнув их, она вернулась в главную комнату, и выбрала чистую футболку. Ей удалось надеть её.

Это всё? Она ещё раз осмотрела комнату. На спинке стула висело что-то вроде куртки. Она выглядела довольно старой, с парой прожжённых дыр, в нескольких местах ткань была разрезана и зашита. А на куртке куча значков. Ни один из них ей ни о чём не говорил, но что ей вообще о чём-то говорило? Пожав плечами, она надела её и снова посмотрелась в зеркало.

Боже, ну и видок! Она что, всегда так одевается? Как она ни старалась, ей не удавалось ничего о себе вспомнить. Это было странно: вся общая информация была на месте, она могла назвать всё, что видела вокруг. Но ничего из того, что имело отношение лично к ней. Увидев на комодке расчёску, она знала, для чего она. Но она не знала, пользовалась

ли она ею. Или как она обычно зачёсывала свои волосы, которые были длиной до плеч.

Жуть! Она могла вспомнить разное о людях вообще, но абсолютно ничего конкретно о себе.

Как бы сильно она не сосредотачивалась, она даже имя своё не могла вспомнить. Или где она находится. Или как она сюда попала.

Она начала энергично расчёсывать волосы, как будто каждое движение расчёски могло вернуть что-то в её голову. Она расчёсывалась, пока слёзы на глазах не выступили, но в памяти так ничего и не всплыло.

Что же с ней случилось? Может быть, узнав, кто она такая, она узнает и что с ней случилось. Но как ей узнать кто она такая? Если не уверен – осмотришь. Вторая дверь должна куда-то вести, не так ли? Если она, конечно же, не пленница.

Ей захотелось кричать от разочарования. Она не воспринимала себя как пленницу, но разве это что-то доказывало? У неё не было ни малейшей идеи о том, кто она такая. Но сколько тут ни сиди, а единственный способ что-то узнать о себе – выйти за дверь. Если дверь заперта, то она, по крайней мере, будет знать, что она пленница.

Дверь раскрылась от одного её прикосновения, а за ней был коридор. На стенах повсюду были эти круглые углубления. Похоже, это было стилем не только её комнаты, но и всего того, в чём она была. Из этого ничего не следовало, но, по крайней мере, это был факт. Запомним его на будущее. Итак... в какую сторону? Коридор шёл и вправо, и влево.

Бросить монетку? Выбрать наугад? Попробовать рассуждать логически? Здесь, кажется, фоновый гул был немного громче. А ещё он был немного громче в левом ухе. Ладно, предположим, что там кто-то есть... гул значит техника, а техника значит люди.

Или... Где-то в её сознании затаилось сомнение, которое отказывалось выйти наружу и показаться на глаза. Люди – вот

ключевое слово. Может быть тот или то, что было с ней (если тут вообще кто-то был) не было человеком? Было чем-то другим? Опять же, она этого не знала. Это было так ужасно!

– Эй! – крикнула она изо всех сил. – Кто-нибудь дома?

Через какое-то время стало ясно, что ответа не будет. Может быть, никого не было дома, а может быть, тот, кто был дома, её не слышал. Или не мог по каким-то причинам ответить.

Ждала ли её где-то опасность? Может быть, было глупо кричать и выдавать своё присутствие?! Откуда ей знать? Прогнав свои сомнения и вопросы подальше, она с угрюмым видом пошла по коридору. За поворотом он раздваивался. Она продолжила идти дальше, ориентируясь на гул, и подавляя в себе желание посмотреть, что находится за дверями, мимо которых она проходила. Возможно, за одной из них есть информация о том, кто она такая, но пытаться что-то найти – только время терять. Если тут кто-то есть, это сильно упростит задачу.

Где бы она ни была, это было что-то большое. Она шла довольно долго, и всё казалось примерно одинаковым. В конце концов коридор закончился большой двойной дверью. Гул стал постоянным, и его источник, наверное, был за этой дверью.

Собравшись с храбростью, она распахнула двери.

За ними была одна большая комната, шириной около десяти метров, и высотой около пяти. В центре комнаты было шестиугольное устройство, похожее на большой технологический гриб, а в центре этого устройства был стеклянный цилиндр, который ритмично поднимался и опускался, пульсируя при этом светом. На грибе было несколько панелей с рычагами, огоньками, шкалами, и другими устройствами. В комнате были неаккуратно расставлены несколько предметов мебели: у других больших дверей стояла вешалка; деревянный стул с высокой спинкой; небольшой сундук и зеркало.

И наконец, ещё один человек! Она с удивлением смотрела на него.

Он сидел на полу в позе лотоса: скрестив ноги, сложив перед собой руки палец к пальцу, а на пальцах покоился его подбородок. Его глаза были плотно закрыты, казалось, что он заснул.

Если её манера одеваться показалась ей сомнительной, то он был одет просто возмутительно. Потёртые туфли, которые, похоже, не чистили уже лет десять; мешковатые брюки; болтающийся пиджак безвкусного коричневого цвета; цветастый галстук, плохо завязанный; и свитер, украшенный вопросительными знаками. На стуле рядом с ним лежала коричневая шляпа и разноцветный шарф, почти такой же отвратительный, как и его галстук. На спинке стула висел зонт.

Она всмотрелась в человека, изучая его лицо. Скуластое лицо, много складок от смеха. Непонятного возраста. Если бы оно ещё и было ей знакомо! Но она не могла даже вспомнить, видела ли она его раньше.

Что же, по крайней мере, у него могли быть ответы, которые могли бы ей помочь. Она взяла его рукой за запястье и потрясла:

– Эй, проснись!

Немедленной реакции не было, поэтому она потрясла его ещё раз, в этот раз сильнее. Он мгновенно вырвался из её руки, кувыркнулся назад, и вскочил на ноги в боевой стойке; его глаза горели, лицо было жестоким. Увидев её, он расслабился.

– Сколько раз тебе говорить, не делай так! – сердито сказал он. – Нарушая мой транс, ты могла необратимо повредить мою психику, – он уставился на неё немного близорукими глазами. – Ты что, причёску сменила? Мне не нравится.

Он отвернулся от неё и нагнулся над центральной панелью, что-то изучая.

– Я понятия не имею, о чём ты говоришь, – сказала она ему.

Не оборачиваясь к ней, он сказал:

– Ну, обычно ты носишь волосы как бы связанными...

– Да я не о волосах, – резко сказала она. – А обо всём.

Это привлекло его внимание. Он развернулся и внимательно на неё посмотрел.

– Ты не могла бы объяснить?

– Я ничего не могу объяснить, – несчастным голосом сказала она. – Я ничего не знаю. Кто я такая? Кто ты такой? Я тебя знаю?

– О боже... – он начал нервно покусывать ноготь. – Совсем ничего не помнишь?

Она покачала головой.

– Но ты можешь говорить по-английски... и одеваться.

– Я помню всякие общие вещи, – сказала она ему. – Но когда пытаюсь вспомнить что-нибудь о себе, то ничего не знаю.

Он снова повернулся к панели, и начал что-то на ней переключать. Задержавшись возле одного из приборов, он сильно ударил по нему рукой.

– Вот чёрт! У меня было подозрение, что это ошибка. Надо было прислушаться к себе... Но разве я себя слушаю?

– А мне почём знать? – сердито спросила она. – Я хочу знать, кто я такая и что со мной произошло!

– Дело не в том, что с тобой произошло, а в том, что из тебя вышло, – загадочно произнёс он. – Я редактировал свои бесполезные воспоминания и, похоже, установил слишком сильное поле. Я стёр не только свои нейронные связи, но и твои тоже.

Многое из этого было неясно, но одну вещь из сказанного она смогла понять.

– Хочешь сказать, ты сделал так, что я всё забыла?

– Боюсь, что да, – извинился он. – Совершенно случайно, разумеется.

Она не понимала, злиться ей или нет. Стал бы человек злиться, если бы у него украли память? Это было бы логично, и она явно чувствовала себя недовольной.

– Ах ты идиот! – закричала она. – Ты что со мной сделал?!

Он нервно топтался с ноги на ногу.

– Ну, надеюсь, что ничего такого, чего не смогу исправить, – ответил он. – Все твои воспоминания должны быть всё ещё в телепатических контурах ТАРДИС, так что всё, что мне нужно сделать, это... – он сильно ударил по приборам кулаком.

Внезапно возле панели материализовался ещё один человек. Этот был высокий и импозантный. На его худом теле были длинный бордовый пиджак и длинный красный шарф. На его кудрявую шевелюру была водружена бордовая шляпа. Лицо явившегося растянулось в широкой зубастой улыбке.

– Здравствуй, Доктор! – сказал он.

– О нет! – её спутник смотрел на незваного гостя почти с отчаянием.

– Кто это? – заволновавшись, спросила она.

– Это я...

3. КОГДА ЗАГАДЫВАЕШЬ НА ИШТАР¹

– Хватит уже ходить!

Гудея замер, уже занеся ногу, затем осторожно вернул её на выложенный известняком пол и виновато вытер об одежду вспотевшие ладони. Он с опаской посмотрел на Эннатума, который небрежно развалился в своём инкрустированном золотом кресле, как будто у него не было никаких забот. Гудея знал, что у него никогда не будет такого же самообладания (или самонадеянности), какое излучала внешность второго участника заговора.

– Ты что, совсем не переживаешь? – спросил он, теребя свою бороду.

– А зачем ещё и мне переживать? – проревел Эннатум. – Твоих переживаний хватит на небольшую армию. Ты что, не можешь просто сесть и ждать остальных?

– У меня не такие крепкие нервы, как у тебя, – признал Гудея. – Когда я хожу, мне становится легче.

– Клянусь Энлилом, – пожаловался Эннатум, – когда замышляешь измену против своего царя, как же не хватает возможности выбрать таких сообщников, каких хотелось бы. Если бы тут сейчас появился Гильгамеш, ты бы умер от одного его взгляда.

Опасливо оглядывая зал совещаний, Гудея нервно скрутил руки.

– Ты думаешь, это возможно? Что Гильгамеш может вернуться?

Эннатум засмеялся, его короткий смех был похож на лай шакала.

– Сомневаюсь. Напыщенный хвостун сам себя отправил на смертельное задание. Мы постарались приготовить десяток причин почему для проверки обороны Киша нам нужна ещё одна разведка, а этот ублюдок их даже слушать не стал.

¹ В английском языке название этой главы созвучно с названием песни «Когда загадываешь на звезду»

Он изобразил интонации баса Гильгамеша:

– Нам нужно осмотреть стены Киша? Хорошо, Энкиду, пойдём.

Уже своим обычным голосом Эннатум добавил:

– Боги, тупость его мозгов не уступает силе его мышц.

Всё ещё не успокоившись, Гудея пошёл к стоявшему напротив двери столу. На нём было небольшое количество приготовленных слугами еды и питья. Он налил себе из кувшина ячменного пива. Осторожно надпив его, он робко сказал:

– Но раньше Гильгамеш уже выживал в смертельных опасностях. Всего несколько недель назад он вернулся живой из разведки в Кише.

– Мне об этом можешь не рассказывать, – ответил Эннатум. – Просто у него божественное везение, вот и всё. Но даже везению приходит конец.

– Не в его случае, – вздохнул Гудея. – Хотел бы я иметь хоть половину его талантов.

– Тогда ты был бы в десять раз талантливее, чем сейчас, – резко ответил ему соучастник. – Или даже в двадцать. А пока что Гильгамеш уже старается из всех сил, заменяя тебя в твоей постели.

– Он изнасиловал мою жену, – парировал Гудея, почти агрессивно, как по его меркам. – Несколько раз.

– Ну, конечно же, – жестоко рассмеялся Эннатум. – И твою красавицу-дочку тоже. Но люди это другим словом называют.

Гудея был, наверное, единственным человеком в городе, который не знал об одержимости своей жены царём. А вдобавок к этому ходили слухи, что и их дочь тоже присоединялась к этой парочке. Только такой наивный и склонный к самообману человек, как Гудея, мог думать, что эти две гарпии невиновны.

Гудея, разгорячившись, объяснял:

– Царь ведь не обычный человек, против него не выдвинешь обвинения в изнасиловании. Вот им и приходится говорить, что они хотели этого; если бы они сказали иначе, это стоило бы жизни и им, и

мне. Но мне отвратительно распутство Гильгамеша. Поэтому я и согласился помочь тебе организовать его смерть. Чтобы спасти свою семью от его грязных рук.

– И от других частей его тела, да? – грубо сказал Эннатур. – Стой! – он поднял руку. – Это была плохая шутка. Но, надеюсь, ты не рассказал жене о том, что мы спланировали для Гильгамеша? Она могла... Нечаянно проболтаться об этом, когда он её последний раз... насиловал.

– Я никому не сказал, – угрюмо ответил Гудея, допил пиво, и налил себе ещё. – Но я хотел бы быть уверен, что в этот раз Гильгамеш умрёт.

Вздыхнув, Эннатур встал с кресла и подошёл к Гудее. Положив руки ему на плечи, он улыбнулся:

– Что же, если тебе от этого станет спокойнее, мой друг, – проворковал он, – я открою тебе один секрет. В этот раз в смерти Гильгамеша можно не сомневаться. Понимаешь, чтобы его наверняка поймали, я отправил своего человека к Думузи, верховному жрецу Иштар в Кише. В данный момент кишиты уже всё знают о намерениях Гильгамеша. В этот раз, Гудея, он погибнет.

Двойная дверь в конце комнаты распахнулась, вошли два стража с копьями и объявили о прибытии других знатных господ Урука.

Эннатур похлопал товарища по плечу:

– Осторожнее, – прошипел он. – Этот небольшой нюанс мы скроем от Верховного Совета, хорошо?

Гудея неуверенно кивнул и посеменил к своему месту за столом. Покачав головой, Эннатур пошёл за ним. Гудея был хотя и слабым звеном этого заговора, но необходимым (пока что).

Храм богини Иштар в городе Киш не был самым большим храмом этой молодой метрополии. Самым большим был зиккурат Забабы, покровителя города. Но храм Иштар был самым посещаемым. От нескольких его алтарей постоянно поднимался дым. Раньше Думузи

очень любил запах горящих дров и поджаривающихся потрохов. Но сейчас ему мало что нравилось. Многие, кто хорошо знал верховного жреца, считали, что за последние несколько месяцев он изменился в худшую сторону. С тех самых пор, как богиня Иштар воцарилась в своём храме.

Сам же Думузи об этом не задумывался. Думузи ни о чём не задумывался. Блистательный ум жреца был теперь почти всегда затуманен Прикосновением Иштар.

Он попытался сосредоточиться на сообщении, которое доставил ему этот глупый человек, но не мог собраться с мыслями. Теперь ему с каждым днём было всё сложнее и сложнее собирать рассеянные осколки своего разума. От напряжения он скривился и нахмурился.

Хватит сопротивляться, Думузи! – голос Иштар отзывался эхом в его сознании, вызывая острую боль. – *Ты существуешь только для выполнения моих желаний, чтобы думать мои мысли и выполнять мою волю. Не пытайся жить не связанной со мной жизнью.*

подавив бунт Думузи, сознание Иштар сквозь глаза своего жреца сосредоточилось на поиске в его памяти того, что ей было нужно. Ах, да. Лежащий у его ног ниц червь был гонцом, утверждающим, что его прислал господин Эннатур из жалкой соседней деревни под названием Урук. Воля Иштар произнесла голосовыми связками Думузи:

– Повтори мне, о человек, сообщение, которое ты мне принёс.

– Великий Думузи, Верховный Жрец Иштар, – снова сказал слуга, распластавшись по земле. – Я должен сообщить тебе, что царь Урука, Могучий Гильгамеш, отправился шпионить за жителями Киша. Он планирует завоевать Киш, и собирает сведения, которые помогут ему это осуществить. Он ближе к вечеру подойдёт к твоему городу с юга, и его легко можно будет схватить или убить. С ним только пять солдат и его боевой товарищ Энкиду.

– Это ты так говоришь, – ответила Иштар голосом Думузи. – Но зачем ты пришёл ко мне с этим рассказом? Разве ты не присягнул в верности своему царю?

– Я повинуюсь господину Эннатуму, – опасливо сказал мужчина. Жрецы все были загадочными и внушительными, а в этом Думузи было что-то особенно настораживающее. – Это сообщение я передаю по его указанию.

– Понятно.

Задумавшись, Иштар позволила Думузи частично вернуть контроль над своим сознанием. *Чего это этот господин Эннатум хочет, чтобы его царя поймали или убили?* – потребовала она ответа у своего жреца.

– Гильгамеш – могучий воин, моя госпожа, – громко сказал Думузи, хотя нужды в словах не было – Иштар могла читать его мысли с такой же лёгкостью, с какой он читал глиняные таблички храмовых записей.

Углубления, оставленные клинописным стилусом, выглядели для большинства людей куриными следами, но Думузи гордился своим умением читать и писать. Это умели далеко не все, но Иштар презрительно проигнорировала эту его способность. Всё, что ей было нужно, она брала прямоком из его сознания, ей не были нужны ни разговоры, ни письменность.

– А ещё он самодур, – продолжал Думузи, – и у него почти неутолимый аппетит к молодым женщинам Урука. Знать этого города будет рада, если он умрёт, но никто из них не смеет выступить против него лично.

В сознании Думузи зазвенел довольный смех Иштар. *Какие же вы, люди, глупые! У меня большой соблазн отпустить Гильгамеша невредимым, чтобы поиздеваться над этими малодушными заговорщиками. Но у меня есть свои счёты с великим воином Гильгамешем.*

– У вас, госпожа? – в сознании жреца она прочла удивление.

Да, Думузи. Воспоминания всё ещё терзали её, жгли её душу. Однажды Гильгамеш отвергнул меня. Я предлагала ему покой и могущество, которые позже предложила тебе, но он отказался от моих объятий. Но ты, о преданный, не отказался. Моё Прикосновение дало твоему разуму свободу и покой, разве не так? Он не мог возразить: она не оставила ему волю, чтобы он никогда ей не перечил. Это было бы лишней тратой сил. Захватив его сознание сильнее, она направила его взгляд на дрожащего гонца.

– Мы можем верить этому человеку? – поинтересовалась она вслух.
– Может быть, его прислали, чтобы он нас обманул, а не предупредил?

– Нет, господин, я клянусь, – настаивал простолюдин. – Я говорю тебе правду.

– Меня не нужно заверять, о человек, – сказал ему Думузи. Почувствовав, что хватка Иштар в его голове ослабла, он говорил запинаясь. – Следуй за мной, поклянёшься самой Иштар в том, что говоришь только правду.

Гонец с готовностью поднялся на ноги. Думузи развернулся и повёл его из своих жреческих покоев в храм. Слуга рассчитывал, что от него потребуют принести клятву у главного алтаря. Думузи чувствовал удовольствие, с которым Иштар позволяла слуге эти наивные мысли, её предвкушение того, что от этого итог станет ещё приятнее.

Храм был внушительным зданием, даже по меркам великого города Киш. Главная часть его конструкции была длиной в двести пятьдесят шагов и шириной в пятьдесят шагов. Крыша возвышалась в нескольких метрах над их головами. Каменные колонны поддерживали потолок, а прорезанные в стенах треугольные окна впускали внутрь свет. Стены были покрыты саманом, в который были вдавлены небольшие глиняные конусы. Конец каждого конуса был окрашен в чёрный, белый, или красный цвет, они образовывали на стенах ломанные узоры.

Сквозь здание проходили поклоняющиеся Иштар. Некоторые принесли жертвы, другие – монеты, чтобы купить время со

священными блудницами, ожидавшими в многочисленных камерах по бокам от огромного зала. В храме никогда не было тихо, но при появлении Думузи, который вёл шпиона, зависло почтительное молчание.

В дальнем конце храма был алтарь. Здесь работали группы жрецов; некоторые принимали жертвуемых животных и убивали их, другие принимали подношения в виде зерна, которое отправляли в амбар храниться до зимы. Убитых животных разделявали: печень использовали для гадания, потроха — для священных костров, а мясо жарилось и хранилось в качестве питания служителей храма.

Позади главного алтаря были личные покои Иштар. Думузи отодвинул занавес, и гонец опасливо прошёл внутрь. За занавесом было темно, и слуга явно опасался получить нож в спину в награду за измену своему царю.

— Иди, о человек, — засмеялся голос Думузи. — Пойдём, почувствуешь Прикосновение самой Иштар. Она поймёт, правду ли ты сказал мне.

Гонец медленно пошёл вперёд, нерешительно ступая, пока его глаза не привыкли к мраку.

Его осторожность была напрасной: в этой комнате были две служанки Иштар. С невозмутимыми лицами они схватили мужчину за руки с силой, которую не могли иметь люди. Мужчина громко закричал и попытался вырваться. Их пальцы впились в его кожу, удерживая его на коленях у дверей.

— Мой господин! — закричал он, пытаясь повернуть голову так, чтобы увидеть Думузи. — Я клянусь, я говорю тебе правду!

— Не клянись ему, о человек, — из глубины комнаты донёсся голос самой Иштар. — Ему всё равно, правду ты говоришь, или врёшь. А мне не всё равно. Прими моё Прикосновение, и я буду спокойна.

Она выползла в пятно слабого света. Гонец смотрел на неё молча, раскрыв рот. Он понял, что находится перед настоящей богиней.

Никогда раньше не видал он такого совершенства: такая изящная форма, выше, чем человек; кожа такая бледная, что, казалось, светилась; такое красивое лицо, обрамлённое развевающимися волосами.

Когда она начала изменяться, он снова закричал. Он дёргался в железной хватке неподвижных жриц, словно безумец. Горящий красным взгляд Иштар опустился на него. Она развела руки в подобии объятия и схватила его. Его крик затих сразу, как только её металлические ладони коснулись его висков. Раздалось тихое жужжание, и он упал.

Она убрала ладони и улыбнулась, увидев покраснение на его левом виске, где она插вила свой коммуникационный модуль. Две служанки отпустили его, и он остался стоять на коленях, раскачиваясь с закрытыми глазами.

Иштар расслабила свои мысли и направила их через коммуникационный модуль в сознание мужчины. Как и у многих этих людей, его разум был очень мал и безвкусен. Почти мимоходом, она убедилась, что он сказал Думузи правду: Гильгамеш действительно отправился в разведку. Вот дурак! Она позаботится о том, чтобы он не скучал. Но он не должен умереть... пока что. Она жаждала мести, она жаждала вкисить его страх перед тем, как позволить ему роскошь смерти.

А как поступить с этим простолудином? Его разум не стоит того, чтобы его съесть, раба из него хорошего не выйдет. У него нет ни талантов, ни желания чему-то учиться. Ещё одно сознание ей пока что не нужно... Мысленно вздохнув, она предоставила мужчине единственное освобождение, которое ему было суждено получить. Она даже не слышала его предсмертный хрип, с которым он опрокинулся на спину и замер на полу. Служанки его уберут.

Один из жрецов, которых она контролировала, кажется, был встревожен. Посмотрев его глазами, она поняла почему: Агга пришёл в храм и направлялся в её покои.

Царь Киша? Интересно. Он не был другом Думузи, это она знала, как знала всё, что знал Думузи. Агга поклонялся преимущественно Забабе, покровителю этого города, но он был не настолько глуп, чтобы проигнорировать визит живой богини, и он встречался с ней несколько раз. Каждый раз она ощущала его недоверие, и это её забавляло – она понимала, что он не может ничего ей сделать. У неё был соблазн добавить его к своей коллекции; его сознание, похоже, стало бы вкусным блюдом: острый, пронизательный ум, властный характер. Но ей всё ещё не хватало сил на то, чтобы делать что угодно в этой жалкой куче навоза, которую они называют городом. Пока она всё ещё копила силы, лучше оставить Агге небольшую свободу. Её марионетки были очень талантливы, но им не хватало того запала и изобретательности, которые обычно давала свобода. Почувствовав, что её форма снова изменяется, она задрожала от наслаждения.

Агга отодвинул занавес и ждал. Его тело было сильным и мускулистым, с небольшой склонностью к полноте. Его густая кучерявая борода сильно пахла маслами, которыми её умащивали. Одежда на нём не была пышной, но ткань явно была дорогой. На шее он носил цилиндрическую печать, которая заверяла царские указы. Помимо неё, единственным его украшением была висевшая на груди золотая цепь, инкрустированная янтарём.

Его глаза, постепенно привыкая к слабому освещению, которое предпочитала Иштар, остановились на трупе, лежавшем на полу. Его сильное тело напряглось от едва сдерживаемого гнева, когда он посмотрел в спину пренебрежительно отвернувшейся Иштар.

– Опять человеческое жертвоприношение? – прорычал он. – Мне кажется, что твоё появление в нашем городе, Иштар, является

предвестником не милостивого правления богов, но хищничества Нергала, отца смерти и чумы.

– Следи за своим языком, Агга, – пробормотала она. Она повернулась к нему, и при виде её красоты Агга не смог сдержать резкий вздох. – Я терплю много твоих оскорблений, – улыбаясь, сказала она, – потому что меня устраивает, что ты царь в этом городишке... пока что. Но если ты меня сильно разозлишь, то, пожалуй, даже ты ощутишь Прикосновение Иштар.

Она протянула правую ладонь, и ему показалось, что в ней блеснуло что-то металлическое.

– Или, может быть, – размышляла она, – твоя красивая дочурка... Нинани? Она будет чудесным дополнением моей свиты, ты не находишь?

– Если моя дочь познает твоё Прикосновение, Иштар, – проревел Агга, – то я позабочусь о том, чтобы этот храм разрушили, не выпуская наружу ни тебя, ни твоих жрецов. Будет интересно проверить, может ли смертный уничтожить богиню.

– Какие мы обидчивые, – тихо поддразнила его она. – Однако, пока ты меня слушаешься, мне наплевать на то, что ты думаешь, о царь. Пока что твоё драгоценное дитя будет свободно. Тем временем, будь добр, отправь нескольких своих лучших солдат к тому колодцу на юг от города. Я узнала из... – она улыбнулась, посмотрев на труп, – из надёжных источников, что ближе к вечеру там будет Гильгамеш. Вели своим людям взять его живым. Предупреди их, что если он погибнет, они за это заплатят. А если он убежит, они ответят мне лично.

– Гильгамеш? – удивился Агга. Он знал, что царь Урука давно уже заглядывался на земли Киша, но не думал, что у горячего Гильгамеша хватит глупости на то, чтобы прийти в чужой город. – Схватить его живьём будет непросто.

– И тем не менее, я хочу, чтобы это сделали! – в её голосе впервые почувствовался гнев. – Он в долгу передо мной, Агга, и я с огромным

удовольствием изыму из него плату, дюйм за дюймом... Возможно, я позволю тебе посмотреть, что случается с теми, кто гневит меня. Это может быть... поучительно.

Затем, подавив свою жажду крови того, кто её отвергнул, она вернулась к насущным делам.

– Но почему ты пришёл сюда? Помимо очередной жалобы на... остающийся после меня мусор?

Агга заставил себя отвести взгляд от того, что лежало на полу.

– Для того, чтобы продолжить покрывать стены твоими узорами, нам нужно больше меди.

– Ясно, – согласилась она и отвернулась, чтобы показать, что аудиенция закончена. – Что же, Думузи позаботится о том, чтобы хранилища храма были открыты для твоих мастеров. Для моего художественного проекта нужно много меди.

Агга кивнул.

– Иштар, – тихо сказал он, – я не верю, что в тебе есть хоть капля любви к какому-нибудь искусству. Украшения, придуманные тобой, которые мои люди создают на стенах, предназначены для чего-то другого, не так ли?

Улыбаясь, Иштар снова повернулась к нему. Уже не в первый раз совершенство её красоты показалось ему внезапно жёстким, почти гротескным. Её лицо было создано из живого металла божественным мастером. Даже её волосы были воспроизведены серебристыми прядями. Но в такие моменты эта красота не могла полностью скрыть жестокость её сердца.

– Проницательный, – пробормотала она. – Да, действительно, в моём плане есть многое, что не связано с любовью к искусству, о царь.

– Что?

– Об этом ты узнаешь тогда, когда я решу тебе рассказать. А до тех пор просто делай так, чтобы мои желания воплощались в камне и

металле, – она снова повернулась к нему спиной. – Теперь иди. Мне нужно о многом подумать.

Она представила себе, как смакует сознание Гильгамеша, неспешно отрывая от него слой за слоем, кусочек за кусочком...

Агга тоже отвернулся, но задержался, глядя, как богиня заползала обратно в своё логово в храме, в который он когда-то любил заходить. Теперь мрак этого храма был не просто отсутствием света. После прибытия Иштар в его городе действительно настали мрачные времена. Но что он мог сделать, чтобы сдержать желания божества? Она обладает силами, с помощью которых может стереть город с лица земли. Нет, пока что он должен ублажать её и скрывать свои истинные мысли. Но когда-нибудь...

4. ПРОШЛЫЕ ЖИЗНИ

Со всё большим недоумением она смотрела на стоявших перед ней двух мужчин. Пока что ей удалось узнать об окружающем ровно две вещи. Во-первых, она была в чём-то, что называлось ТАРДИС, что бы этим словом ни называли. Во-вторых, встреченного ею мужчину звали Доктор. Нет, обоих встреченных мужчин звали Доктор.

– Не понимаю, – сказала она. – Как он может быть тобой? Вы даже не похожи.

– Ну, сколько раз мне объяснять? – спросил первый Доктор. – Ах, да, я забыл... Ты же всё забыла, так?

Пожав плечами, он уставился на другого мужчину.

– Я не человек, – сказал он через плечо, как бы между делом. – Я повелитель времени. Мы не ограничены тем коротким отрезком времени, который проживаете вы. Когда мы стареем и устаём, мы меняемся, мы регенерируем. И когда-то я выглядел вот так, – он указал на другого мужчину, – уже довольно давно.

Другой мужчина стоял абсолютно неподвижно, на его радостном лице застыла улыбка. Она немного подошла к нему, чтобы рассмотреть.

– А он не очень-то разговорчив, да?

– Я его поставил на паузу, – сказал Доктор. – Строго говоря, его тут нет. Это своего рода запись, которую я, наверное, нечаянно запустил.

Она протянула руку, пытаясь коснуться эксцентричного незнакомца. Рука прошла сквозь него. Она отдернула руку обратно.

– Это как магнитофонная запись?

– Да, очень похоже, – беззаботно сказал Доктор. – Но намного сложнее. Это темпоральная проекция, запрограммированная в телепатические контуры ТАРДИС. Спроектированная так, чтобы возникнуть по каким-то причинам именно сейчас.

– Запрограммированная? – повторила она. – Чем?

– Кем, – рассеянно поправил он её. – Мной, конечно же. Интересно, зачем я это сделал?

– Ты что, не знаешь?

– Конечно, не знаю. Если бы я знал, то незачем было бы её создавать. Должно быть, это что-то важное. Хотел бы я знать почему.

– Может, у него спросишь? – сказала она, указав на замершую фигуру. – Наверное, он может сказать об этом.

– Ты всегда такая нетерпеливая, Эйс, – пожурил её он. Он не любил, когда его торопили.

– Эйс? – тут же переспросила она. – Это моё имя?

– Да.

Она задумалась, пока он рассматривал прошлого себя.

– Странное какое-то имя, – сказала она.

– Это скорее прозвище, – добавил он. – Но тебе «Эйс» нравилось больше, чем «Дороти».

– Правда?

Он кивнул, и она покачала головой:

– Хотела бы я знать, почему.

– Я займусь возвращением твоей памяти через минутку, – он указал на замершую проекцию бывшего Доктора. – Он меня сейчас больше волнует.

– Ну, спасибо, – уныло пробормотала Эйс.

– Придёт и твоя очередь, – сказал он.

Затем он что-то сделал на центральной консоли. Другой Доктор снова ожил.

– У меня мало времени, – сказал он. – Я был в Матрице... уверен, что ты помнишь об этом. Но часть информации, которую я там узнал, быстро стирается. Берегись Времяточца.

– А что такое Времяточец? – спросила Эйс.

– Нет смысла у него спрашивать, – сказал ей Доктор. – Он всего лишь транс-темпоральная проекция. Он нас не видит и не слышит, – и,

пока она не заговорила, он добавил: — И меня нет смысла спрашивать, потому что у меня нет ни малейшего представления, о чём это я себя предупреждаю.

— Времяточец, — повторила запись. — В ядре Матрицы. Самые старые данные, ещё из Древнего Галлифрея. Что-то вроде мифа о будущем, конец Вселенной, очень апокалиптично. Боюсь, тебе придётся разбираться с этим. Уникальное существо, отличающееся способностью... — он запнулся и рассеянно посмотрел на консоль. — Почему я сам с собой разговариваю? Лила? Лила? Где же она... Ах, да, — он потянулся бесплотным пальцем к пульту и исчез.

— Итак, — после небольшой паузы сказала Эйс. — Что это было?

— Понятия не имею, — ответил Доктор, беспокойно нахмурившись.

— Наверное, что-то важное, — настаивала она.

— Да, — согласился он. — Жизненно важное. Но я всё равно ничего не понял. Никогда раньше не слышал о Времяточце.

Покачивая головой, он начал что-то переключать на панели. Загорелся маленький экран, и по нему начала пролистываться какая-то информация.

— И ТАРДИС тоже ничего не знает, — наконец, заявил он.

— Но он же знал, — возразила Эйс. — Ты же знаешь то, что он знает, если он — тот, кем был ты?

— Всё не так просто, — резко ответил Доктор. — В жизни ничего не бывает просто. Понимаешь, он... я... когда-то подключился на Галлифрее к Матрице. И, предугадывая твой вопрос, Галлифрей — моя родная планета, где живёт большинство повелителей времени. А Матрица — это что-то вроде хранилища данных, практически всей информации, которая существовала или будет существовать. Она сканирует просторы пространства и времени и накапливает огромное количество сведений. Большая её часть, разумеется, абсолютно тривиальна и бесполезна, но иногда что-то оказывается очень нужным.

Должно быть, я тогда наткнулся на что-то важное, и должен был предупредить себя об этом.

– Но он, похоже, забыл, что он делает, ещё не закончив рассказывать, – заметила Эйс.

– Это предохранитель, – ответил Доктор. – Мой народ, повелители времени, не любит вмешиваться в дела других планет. А Матрица предоставляет доступ к такому количеству информации, которое позволяет вмешиваться очень эффективно. Поэтому когда кто-нибудь использует Матрицу для получения какой-то конкретной информации, всё остальное, что он мог случайно обнаружить, стирается из его сознания. Он – я – был вынужден войти в Матрицу, когда на Галлифрей напали сонтаране. Но моя память о том, что я там узнал, была полностью стёрта, во всяком случае, теоретически. Значит, предупреждение о Времяточце должно быть очень важным, раз уж я смог удержать его так долго, что успел вернуться в ТАРДИС и предупредить себя.

Он вздохнул:

– Жаль, что я не удержал его достаточно долго, чтобы от этого была польза.

– А что такое «лила»? – спросила Эйс.

– Не «что», а «кто». Она была моей спутницей. Ты же не думала, что ты первая, кого я взял к себе на борт?

– Да я вообще не знаю, что думать, – грубо сказала она. – Ты же украл мои воспоминания, забыл уже?

– Конечно же, не забыл, – он сердито посмотрел на неё. – Это же у тебя память промыта, а не у меня. Постарайся сосредоточиться. Этот Времяточец должен быть чем-то важным. Хотел бы я знать, что я хотел, чтобы я сделал.

Эйс пожала плечами:

– Просто будь очень осторожен, если мы наткнёмся на какого-нибудь времяточца.

– Это и ежу понятно, – сказал Доктор. – До этого я бы и без предупреждений догадался.

Он посмотрел на неё и пожал плечами:

– Ну что, давай вернём твою память?

– Да уж, неплохо было бы, – сказала она с сарказмом. – А как тебе вообще удалось стереть мою память?

– Я прибирался у себя в переднем мозге, – объяснял он, нагнувшись над телепатическими контурами. Он решительно начал крутить ручки на панели. – Как я уже говорил, я – повелитель времени. По вашим стандартам мы живём очень долго. И за это время накапливается полно ненужных воспоминаний. Раз в несколько тысяч лет мы любим, так сказать, делать уборку. Удалять то, что нам ненужно, освобождая по ходу дела кучу места для чего-нибудь нового.

– А что происходит с выброшенными воспоминаниями? – с интересом спросила она. Она ничего подобного никогда раньше не слышала... во всяком случае, не помнила об этом. – Вы пишете книги? «Мои жизни и времена»?

– Не говори глупостей, – он пытался сосредоточиться на программировании. – Всё важное ТАРДИС сохраняет. Остальное удаляется. Пшик – и нету.

Внезапно её охватила паника. Она посмотрела на панель, на которой он работал. Там было полно красных огоньков. Её общая память подсказывала, что красные огоньки используются для предупреждения.

– Так вот что ты со мной сделал? – спросила она, схватив его за руку и указывая на консоль. – Пшикнул меня отсюда?

Освободив свою руку, он надменно посмотрел на неё:

– Конечно же, нет. В ёмкостях памяти ТАРДИС полным-полно места для содержимого такого маленького разума, как твой. Нужно лишь добраться до него и... Ага! – триумфально усмехнувшись, он

снова указал на маленький экран. Эйс прищурилась: что бы это ни был за язык, она не помнила, чтобы она его знала.

– Я не могу это прочесть, – пожаловалась она.

– Конечно, не можешь, – раздражённым голосом подтвердил он. – Это же древний верхне-галлифрейский. На нём все лучшие компьютерные программы написаны. Но вот это, там – ты.

– А я хочу быть вот тут, – она постучала пальцем по виску.

– Сейчас я займусь этим. Подойди сюда и положи обе руки ладонями на эти металлические панели, – он указал на основание телепатических контуров.

Она осторожно поднесла туда руки, чуть-чуть не касаясь панелей.

– Зачем? – спросила она.

Она не могла вспомнить, доверяла она ему или нет, а учитывая то, что она пока что о нём узнала, решила перестраховаться. Человеку (повелителю времени, – поправила она сама себя), который просто по неосторожности стёр всё, что ты знала, нельзя всецело доверять.

– Ты должна прикоснуться к контуру, иначе я не смогу направить воспоминания обратно.

– А когда ты их вытащил из меня, меня и рядом с этой панелью не было, – возразила она.

– Ты тогда спала, – объяснял он, собрав всё своё терпение. – И телепатическая матрица каким-то образом захватила твой разум. Твоя самозащита была ослаблена, ты была расслаблена. А сейчас твоя самозащита на высоте, ты напряжена. Поэтому мне нужен хороший, чёткий контакт между твоим мозгом и контурами. Делай, что я сказал.

– А когда мне вернётся моя память, – спросила она, раздражённая его отношением, – ты будешь мне нравиться?

– Я всем нравлюсь, – сказал он ей. – Ну, почти всем.

Когда она решительно опустила руки на панели, он кивнул и набрал последние команды. У Эйс возникло такое чувство, как будто по её мозгу ударил ногой киберчеловек. Она попыталась закричать и

вырваться, но не смогла и шелохнуться. Сквозь боль она почувствовала, как её сознание расширяется. Воспоминания хлынули обратно, – предположила она, – но ощущения такие, будто её жарят. По прошествии, казалось, вечности, агония завершилась, и она смогла двигаться. Тяжело всхлипнув, она свалилась на пол.

– Это, наверное, напрягает, – сказал Доктор без единой тени сочувствия. – Тебе нужно отдохнуть.

– Мне не отдохнуть нужно, – сказала она, лёжа на полу, – мне нужен заряженный автомат и мишень на твоей спине. Или банка нитро-9. Дам тебе фору в пятьдесят метров.

– Ага, – усмехнулся он, игнорируя её злость, – теперь, значит, ты помнишь, кто ты такая?

Она задумалась над этим. Покопавшись в памяти, она обнаружила, что она знает: Дороти. Боже, как же она ненавидела это имя! И она с Доктором улетела довольно давно в ТАРДИС... ТАРДИС: время и относительные размерности пространства. Сложная машина, которая выглядит снаружи как старая лондонская полицейская будка. Внутри её размеры гораздо больше, и она способна преодолевать все известные границы пространства и времени проходя через Вихрь... Они улетели в ТАРДИС из её дома. Перивейл, Западный Лондон. Не такой уж, впрочем, и дом. Они сражались с Мастером (образ ухмыляющегося, бородатого лица, элегантная одежда, клыки) на планете людей-гепардов (запах крови, топот ног, азарт охоты...)

– Да, – сказала она, не в силах сдержать улыбку. – Я Эйс.

– Что же, это прогресс, – сказал он.

Неуверенно вставая на ноги, она опёрлась на консоль.

– Доктор, как же ты можешь быть таким глупым? – усталым голосом спросила она. – А что, если бы я навсегда потеряла свои воспоминания?

– У тебя появились бы новые, – беспечно сказал он. – Ты молодая, легко бы адаптировалась.

– Чего? – Эйс с трудом подбирала слова, чтобы не выругаться. – Это важно, Доктор. Нужно знать, кто ты такой.

Доктор ничего не ответил. Его лицо на мгновение помрачнело, он выглядел потерянным и одиноким. Эйс решила сменить тему.

– Ну, во всяком случае, я хочу это знать. И вообще, откуда мне знать, что вернулись все мои воспоминания?

– Давай проведём выборочную проверку. Где мы с тобой познакомились?

– Ледяной мир, – быстро ответила она. – Я была официанткой. Нудный город. Скучная работа, скучные люди... Я так радовалась, когда ты появился – наконец хоть какое-то развлечение. И... – она замолчала. – А затем что-то, связанное с Фенриком... Он всё это спланировал. Я была в школе, в лаборатории, готовила партию нитро, и тут раздался мега-взрыв... И я оказалась на Ледяном мире. Но это всё сделал Фенрик, так?

– Да, – мрачно сказал Доктор. – Это всё Фенрик.

– А ты не рылся в моей памяти? – спросила она со злостью. – Ничего в ней не поменял? Может быть, вырезал из неё что-то?

– Если бы я это сделал, – ответил Доктор, – я бы сделал тебя не такой грубой. Нет, ты получила обратно всё, что ТАРДИС у тебя забирала. Ты теперь снова ты... К добру это или нет...

– Ну, спасибо! – пробормотала она. – Я теперь, наверное, никогда не смогу заснуть в ТАРДИС.

– Можно в аппаратуру поставить пару защитных систем. Чтобы больше такое не произошло. Вообще-то... – его оборвал наполнивший отсек низкий звон.

Через секунду звон повторился. Ничто в её памяти не подсказывало ей, что это был за звук.

Эйс повернулась к побледневшему Доктору:

– Что это было?

– Монастырский колокол, – мрачно сказал он.

Она не помнила, что бы в ТАРДИС был ещё и монастырь.

– А почему он звонит?

– Не знаю, – ответил он. – Он не звонил уже... ещё с Логополиса. Я тогда умер... Тот я, которого ты на записи видела. Он звонит только в исключительно опасных ситуациях.

Это не сильно ободряло.

– Например?

Ну почему он всегда скрывал информацию, которая могла быть жизненно важной?

– Например, конец Вселенной. Неотвратимые смерть и разрушение колоссальных масштабов. Кризис регенерации ужасной тяжести. В общем, в таком духе.

Эйс на секунду задумалась над этим. Да уж, ничего хорошего. А впрочем, разве с Доктором когда-нибудь было иначе? Она поняла, что кое в чём восстановление её памяти не было чудесным: теперь вернулись все болезненные воспоминания о предыдущих приключениях с этим странным путешественником.

– И о чём он может сигнализировать сейчас?

– Откуда мне знать? – он осмотрел консоль. – Мы всё ещё в вихре, снаружи корабля ничего нет. Я не знаю, почему он звонит.

– Ты многого не знаешь, и это факт, – презрительно сказала Эйс.

– Герцогиня из «Алисы в стране чудес», – сказал он ей, поразмыслив. – Я знаю, откуда ты взяла эту фразу.

Ей пришла в голову мысль:

– А ты не думаешь, что этот колокол может быть как-то связан с тем, о чём ты себя несколько минут назад предупреждал?

Бумм...

Доктор обернулся на звук, а затем задумчиво уставился в пространство.

– Похоже, что да. Времяточец...

Бумм...

Эйс с опаской огляделась.

– Он... он реагирует на наши слова.

– Разумеется, – сказал он. – Это ТАРДИС пытается общаться с нами.

– А она не может попытаться сильнее? Или мы должны сыграть в двадцать вопросов, чтобы узнать, в чём проблема?

Доктор раздражённо посмотрел на неё.

– ТАРДИС не может обратиться к нам прямо. Её разум очень сильно отличается от твоего... и даже от моего. Она старается изо всех сил. Чтобы ни случилось, это должно быть очень опасно. «Монастырский колокол» – это что-то вроде предупредительного сигнала, который должен привлечь моё внимание.

– Ну, моё внимание он точно привлёк. И что дальше?

Он не отрывал взгляд от панели. Там непрерывно мигал огонёк. Управление сканером... Он посмотрел на экран, встроенный в дальнюю стену, и тот включился.

Эйс дёрнулась, а потом внимательно посмотрела на изображённое на экране лицо.

– Это же Бриг! – воскликнула она.

Военная осанка, подстриженные усики, спокойный и деятельный настрой – всё это было ей знакомо, это был бригадир Алистер Летбридж-Стюарт, командовавший когда-то разведывательным спецподразделением ООН. Но на экране он выглядел моложе, и под его униформой UNIT была более стройная фигура, чем когда она с ним познакомилась.

– Доктор, – чётким голосом сказал бригадир. – Мне нужна ваша помощь. Доктор?

Затем изображение пропало.

– Космический сигнал бедствия? – спросила она. – Бригадир что, узнал твой номер в межзвёздном телефонном справочнике?

– Очень смешно, – резко сказал Доктор. Он попытался что-то сделать на консоли, но без толку. – Нет. Нет ни единого способа, как он мог это сделать. Но почему...

На экране снова появилось изображение. В этот раз на нём была испуганная девушка. У неё были длинные коричневые волосы, и она была одета в викторианское платье.

– Доктор! – позвала она. – Доктор! Где вы? Помогите мне! Помогите!

Девушка обернулась через плечо и закричала. Затем она тоже исчезла.

– Что происходит? – потребовала Эйс. – Кто это был?

– Виктория, – едко сказал Доктор. – Спутница, шума от которой было гораздо меньше, чем от тебя. А ещё она не задавала столько бессмысленных вопросов.

Он постучал кулаком себе по лбу:

– Ну же, Доктор, думай. Думай!

Экран снова ожил. В этот раз на экране появился молодой человек с длинными растрёпанными волосами, одетый в килт и с клеймором в руке.

– Доктор! – закричал он с сильным шотландским акцентом. – Я вас не вижу! Помогите! Доктор!

Затем он тоже пропал.

– Джейми МакКриммон, – быстро сказал Доктор, предвидя очевидный вопрос. – Ещё один человек, какое-то время путешествовавший со мной, – он щёлкнул пальцами: – Понял! Это всё были события из прошлого! ТАРДИС использует мои воспоминания, проецирует их на экран...

– Но зачем? – разочарованно спросила Эйс. Чем больше она узнавала, тем меньше понимала.

– Я не знаю... пока. Но должна быть какая-то причина всему этому, – заверил он её. – ТАРДИС никогда не действует, не имея на то причин.

Эйс недоверчиво фыркнула.

Экран снова ожил. В этот раз на нём появилась девушка, примерно такого же возраста, как Эйс, с маленьким личиком и густыми тёмными волосами. На ней было свободное развевающееся платье, она доверчиво смотрела с экрана на них.

– Ваш храм путешествует по разным временам, Доктор, – сказала она. – Это просто изумительно.

– Катарина, – быстро сказал он.

На мгновение Эйс показалось, что в уголке его глаза появилась слеза, но затем всё прошло.

– Её уже нет в живых.

– Храм, – повторило изображение Катарины. – Храм. Храм.

Затем экран вспыхнул ярким белым светом. На ярком фоне появилась последовательность координат, которые показались Эйс знакомыми.

– Смотри! – воскликнула она. – Это же код, который ты всегда вводишь, чтобы попасть на Землю!

Доктор кивнул. У них на глазах числа начали исчезать, тая и растекаясь. В конце концов экран снова стал молочно-белым. Демонстрация была окончена.

Эйс неуверенно посмотрела на Доктора.

– И что это всё значит? – спросила она.

Он повернулся к ней; в его глазах был страх.

– Ну, – медленно сказал он, – если я не ошибся, то я бы сказал, что ТАРДИС говорила нам о том, что где-то глубоко в прошлом Земли что-то может довольно резко изменить ход истории человечества.

– Резко? Насколько резко?

– Резко, как ... БУМ! И нет Земли.

5. ЗАСАДА

– У меня очень плохое предчувствие.

Гильгамеш решил, что больше он это замечание игнорировать не может. Он остановился и с решительным видом повернулся к своему другу. К Энкиду нужно было привыкнуть. Не только к перепадам его настроения, но даже к его внешности. Он был высокий и мускулистый, но совсем не той породы, что Гильгамеш и его солдаты. Вместо длинной умощенной бороды, как у мужчин Урука, у Энкиду длинная тёмная растительность покрывала все части его тела. Над его глазами выделялись надбровные дуги, подбородок тоже торчал вперёд. Загадочные тёмные глаза почти терялись на его лице. Если бы его отправили на пять тысяч лет в будущее, археологи и антропологи радостно провозгласили бы Энкиду превосходным образцом неандертальского человека, который к этой эпохе, как считалось, давно вымер.

– Хватит ворчать, пошли дальше, – сказал ему Гильгамеш. – Нам никогда не выполнить задуманное, если ты будешь всё время отставать и жаловаться.

– Слишком тихо, – сказал Энкиду.

– Уж извини, но музыкантов я не смог уговорить пойти в опасный шпионский поход, – парировал Гильгамеш. – Ты идёшь или нет?

Энкиду неохотно пошёл за своим царём. Он не переставал просматривать рощу финиковых пальм, через которую они проходили. Их отряд из семи человек был уже на земле, подконтрольной Кишу, но пока что не было видно ни путешественников, ни рабочих. Энкиду сказал об этом вслух.

Вздыхнув, Гильгамеш остановился.

– Значит, они закончили работать раньше. Ну и что? Через пару часов солнце зайдёт, и к тому времени я бы хотел быть уже за воротами Киша. Тут у них, между прочим, до сих пор львы водятся. И хотя я

обожаю охотиться на львов, отвлекаться от нашего похода я бы не хотел.

– Наверное, ты прав, – согласился Энкиду, продолжая с беспокойством осматриваться.

К своим обязанностям царского телохранителя он относился очень серьезно; как по мнению Гильгамеша, так даже слишком серьезно. Хорошо, что он хотя бы пошёл немного быстрее.

Выйдя из-под защиты пальмовой рощи, отряд пошёл дальше по полям. Вокруг росли ячмень и рис, и посевы выглядели здоровыми. Растения орошались каналами, очень похожими на те, которые использовались в их Уруке. Киш явно процветал, и его ожидала сытая зима. Прикрыв рукой глаза от солнца, Гильгамеш посмотрел вдаль.

Вдали был виден Киш, во всяком случае, его большие каменные стены и несколько торчащих выше них крыш. Его удивил странный оранжевый блеск камня. Во время его предыдущего визита стены выглядели иначе... Похоже, там происходит что-то важное. Быть может, эта разведка всё-таки не будет пустой тратой времени.

Прямо перед ними среди полей была группа пальм, выросших вокруг небольшого пруда. Гильгамеш толкнул друга локтем:

– Холодная вода, а?

– Очень вовремя, – согласился Энкиду. Он сдвинул свой лук и вздрогнул. – У меня во рту пересохло.

Ведя туда своих людей, Гильгамеш посмотрел на солнце. У них было достаточно времени, чтобы немного отдохнуть и попить. А затем они направятся в Киш, и проскользнут в город до начала комендантского часа. А там... душевная харчевня, кувшин или два ячменного пива, возможно, покладистая деваха...

На них напали прямо среди этих деревьев. Солдаты Киша их ждали. Как только их отряд оказался среди близко растущих стволов пальм, кишиты выпрыгнули из своих убежищ.

Не имея возможности вынуть мечи или натянуть луки, люди Гильгамеша попытались отступить, чтобы выиграть секунды на то, чтобы вынуть своё оружие. Но из оросительных каналов тоже выскочили солдаты, отбросив в сторону присыпанные песком щиты, под которыми они прятались.

Гильгамеш и его воины были окружены.

Эйс возмущённо смотрела на Доктора.

– А не слишком ли сильно ты реагируешь? – с надеждой спросила она.

– Я никогда не реагирую слишком сильно, – мрачно ответил он, игнорируя её возмущение. – Где-то в прошлом Земли происходит что-то очень нездоровое. И если мы это не остановим, Земли, которую ты знаешь, не станет. Она превратится в пыль, носящуюся в космических ветрах.

Пока он возился с органами управления, Эйс пыталась разобраться.

– Но... я же с Земли, Профессор, – возразила она. – Если в прошлом она уничтожена...

– Ты можешь прекратить своё существование, – согласился он, сосредоточившись на настройках ТАРДИС. – Или же твоя Земля будет замкнута в осколке Вселенной, отрезана от всего остального. Так что у нас будет что-то вроде барометра, по которому мы сможем проверять, работает ли то, что мы делаем. Если ты исчезнешь – мы в чём-то ошиблись.

– Умеешь же ты утешить, Профессор.

Он снова сердито посмотрел на неё:

– Сколько можно так меня называть? Надо было вырезать это из твоей памяти, пока была такая возможность, – он вздохнул. – Эйс, в путешествиях во времени бывают времена, когда нет никаких утешений. Возможно, это как раз тот случай. Мы, похоже,

направляемся к кризису невообразимых масштабов, к чему-то, что может расплести материю Вселенной.

– Но... Но как что-то могло измениться в прошлом? – настаивала Эйс. – Оно же уже произошло, разве нет? Ты разве сам не говорил, что мы не можем изменить то, что написано в истории?

– Ты не можешь изменить своё прошлое, – согласился он, размышляя над настройками. – Но повелитель времени может. С моей точки зрения это ещё не произошло, и повелитель времени может призвать гораздо больше сил, чем человек. Это могут и многие другие расы. Любое существо, обладающее возможностью изменить ход человеческой истории, это сила, с которой нужно считаться.

– От твоих слов у меня мурашки по коже бегают, – тихим голосом пожаловалась Эйс.

– У меня самого мурашки по коже бегают, – ответил он.

У него на глазах все его настройки начали изменяться. Эйс не сводила глаз с консоли.

– ТАРДИС берёт управление полётом на себя, – сообщил он ей. – Она знает, что делает, – он похлопал по консоли и улыбнулся. – Будем надеяться, что мы, когда прибудем, тоже будем знать, что нам там делать.

Эйс в показаниях ничего не понимала, кроме базового кода Земли.

– Ты хоть примерно знаешь, где мы окажемся?

– О, да. В Месопотамии, в 2700 году до нашей эры, – он задумался. – Важная точка в истории людей, Эйс. Впервые построены города, окружённые стенами. Оросительные каналы превратили вас из кочевых охотников и собирателей в горожан. Только что изобрели письменность и систему военной аристократии. Очень интересное время, и очень уязвимое. Если этот эксперимент закончится неудачей, человеческий род может остаться в первобытном обществе ещё на тысячи лет.

– И это то, что мы должны предотвратить? – спросила Эйс.

Доктор покачал головой:

- Сомневаюсь. У меня такое чувство, что всё намного хуже...
Эйс уставилась на поднимающийся и опускающийся ротор.
– Отлично... – пробормотала она неуверенным голосом.

– Я же говорил, что у меня плохое предчувствие, – жаловался Энкиду.

Схватив одного из нападавших за горло, он пользовался бедолагой как живым щитом для отражения ударов мечей.

– Да заткнись ты, – единственное, что смог ответить Гильгамеш.

От первых ударов нападавших он увернулся, а затем смог вынуть свой топор. Места, чтобы размахнуться, не хватало, но ему удалось выпустить кишки следующего нападавшего. Закричав и схватившись за живот, раненый солдат упал на пути своих соратников.

Воспользовавшись короткой передышкой, Энкиду взял в руки свою палицу. Он взмахнул ею в направлении ближайшего нападавшего. С глухим стуком она врезалась в мозги, и солдат беззвучно рухнул на землю.

Энкиду осмотрелся. Трое людей из его отряда уже погибли, их кровь растекалась по земле. Четвёртый и пятый были ранены. Только он и Гильгамеш были пока что целы, а против них было как минимум двадцать кишитов. На открытой местности это был бы неплохой расклад, но здесь не было места, чтобы размахнуться.

Командир нападавших указал мечом:

– Взять их! – орал он. – Гильгамеша взять живым, а с обезьяной можете позабавиться.

– С обезьяной? – яростно закричал Энкиду. – А ну иди сюда и повтори! – и он со свистом взмахнул над головой дубиной.

– Ты слишком обидчивый, – засмеялся Гильгамеш.

Его удивил приказ брать его живым, но он не собирался сдаваться. Проблема была в том, что преимущество было на стороне нападавших. В этот раз он не видел возможности спастись.

– Лугальбанда, – прохрипел он молитву своему богу-покровителю, – сейчас очень подходящий момент для того, чтобы ты поднял свою задницу и что-нибудь сделал.

Настало зловещее молчание. Замерли занесённые мечи, копья остались не брошенными. В воздухе раздался раздирающий уши рёв, скрежет. Он ревел как слон, как убиваемый охотниками бегемот. Он становился то выше, то ниже; казалось, что он исходил от самого воздуха, потому что никакого видимого источника не было.

Энкиду воспользовался этим шансом. Он тоже яростно заревел и бросился в схватку с ближайшим из врагов. Гильгамеш не отставал от него. Шокировавший всех звук замолк, а затем среди деревьев возник высокий синий ящик. На нём горел небольшой огонь, в котором ничего не сгорало.

Энкиду рассмеялся от удовольствия, когда его дубина расколола ещё один череп. Отбросив труп в сторону, он сделал небольшую паузу, и увидел, что из ящика вышла молодая женщина. Он моргнул и покачал головой. Судя по выражению её лица, она не ожидала оказаться посреди битвы.

У него больше не было времени глазеть. На него бросился ещё один солдат, но Энкиду увернулся. Меч, едва не задев его, прошёл рядом с его левой рукой. Энкиду ударил по руке, державшей меч, и услышал приятный хруст ломающихся костей. Нападавший закричал и выронил меч. Энкиду ударил его по лицу и оттолкнул ногой в сторону.

Гильгамеш тоже был занят сражением. Его боевой топор вертелся, быстро расчищая пространство – нападавшие либо отступали, либо погибали.

Командиру кишитских солдат этот перелом в сражении не понравился. Он кивком подозвал двоих лучников.

– Убейте обезьяну, а Гильгамеша только раньте, – приказал он.

Солдаты опустились на колени и прицелились поверх своих товарищей.

Эйс не знала, на чьей стороне ей нужно сражаться, но она не могла просто ждать, пока кто-то из них победит. Если не считать того, что не было понятно, как на неё прореагируют, избегать драки было просто не в её природе. Засунув руку в рюкзак, который она захватила с собой, выходя из ТАРДИС, она нащупала банку бесценного нитро-9. Она зажгла её, подбросила в воздух, и легла на землю.

Сражающимся показалось, что в небе внезапно возникло новое солнце. С ужасным рёвом пламя осветило весь оазис. Целившихся лучников ослепила вспышка света, а затем их швырнуло на землю взрывной волной. Тех, кто стоял на ногах, разбросало по сторонам, как листья ветром, и ударило о стволы деревьев. Гильгамеш и Энкиду тоже прочувствовали мощь взрыва – их словно прижало к земле могучая рука.

В ушах у них звенело, перед глазами плавали пятна. Оба воина из Урука пытались прийти в себя и нащупать своё оружие, но атака уже прекратилась. Выжившие солдаты поднимались с земли и бежали в Киш. Сражаться с царём Урука было само по себе не сахар, но новый поворот событий лишил их и слуха, и уверенности в себе. Гильгамеш с удовлетворением отметил, что домой могли ползти меньше половины нападавших, и все они были ранены. Шатаясь, он встал на ноги и осмотрел усеянный трупами пруд. Из его отряда выжили только он и Энкиду. Оба имели ушибы и царапины, но серьёзных ран не было.

Его глаза загорелись при виде странной девушки, которая стояла и дерзко на него смотрела. Так вот какой был ответ на его непочтительную молитву! Что же, если Лугальбанда и дальше будет реагировать так своевременно, то, возможно, Гильгамеш станет немного более верующим! Намётанным глазом он осмотрел девушку.

Немного худощава, очень бледная, но в остальном вполне здоровая девка. Но... она человек или бог?

– Кто ты? – спросил он её (на всякий случай уважительно).

– Эйс.

Эйс тоже рассматривала стоявшего перед ней полуголого мужчину. Его грудь вздымалась, с мускулистых рук капал пот. Его небритое лицо нельзя было назвать непривлекательным, но расчётливый блеск в его глазах её настораживал.

– Айа? – переспросил он.

Сама богиня зари? Что же, это объясняло яркий свет, который она каким-то образом сотворила. Правда, боги не особенно славились тем, что ходили среди людей, но ведь, в конце концов, он и сам всего несколько недель назад Иштар встретил. Да в этих краях просто нашествие богов! Дверь странного ящика снова открылась, и оттуда вышел ещё кто-то. Это явно был мужчина, но таких мужчин Гильгамеш раньше не видел. Он был одет в странные одежды, а в руке у него было что-то совсем не похожее на устрашающую дубину.

– А я Доктор, – радостно сказал появившийся. – Надеюсь, мы вам не помешали своим появлением?

Энкиду, наконец, пришёл в себя и изумлённо посмотрел на Доктора и Эйс.

– Откуда вы взялись? – спросил он.

Гильгамеш засмеялся.

– Энкиду, дурак, это боги! Я помолился Лугальбанде, и старый подлец впервые ответил на мою молитву. Симпатичная – это Айа, богиня зари. А чудаковатый – должно быть, Шамаш, бог солнца. Хотя он совсем не выглядит богом-воином, если честно.

– Вообще-то я никакой не воин, – быстро сказал Доктор. – Я учёный, книжник, человек знаний.

– А! – усмехнулся Гильгамеш. – Эа! Бог мудрости. Во имя всех святых! Лугальбанда уж постарался, так постарался! Вы двое – как раз то, что мне нужно для завершения моей миссии. Свет и знание!

– Что вы... – начала было Эйс, но Доктор толкнул её локтем в бок и шагнул вперёд.

– Что же, – осторожно сказал он, – если вы расскажете нам о своей миссии, возможно, мы сможем вам помочь.

Энкиду надоели эти разговоры, и он отправился осматривать трупы, надеясь найти какие-нибудь полезные трофеи. Гильгамеш засмеялся и по-дружески хлопнул Доктора по плечу. Доктор постарался не скривиться от боли.

– Мы с моим братом по оружию Энкиду отправились в Киш, узнать что там и как. Мы слышали о странных вещах, которые там последнее время творятся.

– О странных вещах? – переспросил Доктор с невинным взглядом.
– В самом деле? Что же, я как раз своего рода эксперт по части странных событий. Быть может, мы с Эйс тоже заглянем с вами в Киш?
– он по-заговорщицки снизил голос. – А в этом городе случайно нет какого-нибудь храма?

– Там много храмов, Эа. – ответил Гильгамеш. – Ты хочешь проверить, как тебе там поклоняются? Я вынужден признать, что не знаю, где может быть твой храм.

– Нет... Так что там насчёт странного?

Эйс потянула его за рукав:

– Что за странный интерес к храмам, Профессор?

– Если помнишь, изображение Катарини придало этому слову большой вес, – он постучал ручкой зонта по носу. – У меня нехорошее предчувствие, что ответы на некоторые вопросы мы найдём внутри одного из храмов.

6. В РАЗВЕДКУ!

Дворец Агги был рядом с храмом Забабы – бога-покровителя города Киш. Это было большое здание, сделанное в основном из камня и кирпичей, и украшенное вездесущими окрашенными глиняными конусами. Некоторые из стен были побелены, и на этом фоне смешались изображения богов и смертных. Вдоль стен коридоров и комнат стояли каменные статуи, изображавшие людей и животных. Возвратившись с очередной напрасной молитве Забабе о том, чтобы тот разжал когти Иштар, которыми она вцепилась в горло кишитов, Агга устало опустился на трон, не обращая внимания на окружавших его знати и слуг, собравшихся, чтобы прислуживать ему. Одна его рука покоилась на подлокотнике трона, вырезанном в виде головы леопарда, а другой он устало подпирал голову.

Среди разговоров слуг он расслышал знакомый голос, открыл покрасневшие глаза, и увидел, что на него сочувственно смотрит его дочь.

Нинани было четырнадцать лет – в глазах закона она была уже женщиной. Но Агга в тонких чертах её лица видел лишь образ его давно умершей любимой жены. При другом стечении обстоятельств, Нинани была бы уже выдана замуж, но Агга не смог смириться с мыслью о том, что потеряет её, когда она уедет в другой город. Теперь, когда Киш был благословлён появлением Иштар, Нинани была его единственным отвлечением от окружавших его кошмаров. Она была доброй и ранимой душой, хрупкой красавицей, которую он всегда изо всех сил пытался защитить... и будет защищать дальше.

Лёгким жестом он позволил ей подойти к нему. Подняв на него свои тёмные глаза, она сокрушённо покачала головой.

– Ты снова ходил в её храм, не так ли, отец? – спросила она.

– Это так заметно? – прорычал он. Его одновременно радовало и раздражало то, что она так хорошо его понимала.

– Это всегда заметно, – ответила Нинани. Она села у его ног и начала нежно массировать его левую ладонь. – Ты всегда такой напряжённый, такой озабоченный, – она покачала головой. – Я раньше думала, что явление божества это благословение. Но, прости меня, приход к нам Иштар – это скорее проклятие для нас!

Глаза Агги забегали по лицам знати и слуг. Не было ли среди них её слуг? Могла ли она через них видеть и слышать? Знала ли она уже о том, что сказала Нинани? Этого нельзя было понять, он не мог никак защитить свою дочь.

– Нельзя такое говорить, – укорил её он. – Смертные должны терпеливо принимать всё, что творят боги.

– Принимать? – повторила Нинани. – Отец, ты страдаешь, а не принимаешь. И народ наш страдает. Мне раньше нравилось приходить в храм Иштар, там всегда было радостно и... – её губы немного скривились, когда она вспомнила священных жриц и их шумное служение, – познавательно. Но теперь на поле с не захороненными трупами радости и то больше, чем в храме Иштар.

– Не говори такого, – настаивал Агга. – Неразумно говорить так о богине.

Хотел бы он рассказать ей правду, но она была слишком чувствительной. Такая прямота может её ранить. Нет, пускай остаётся под защитой неведения. Лучше притвориться.

Нинани гордо подняла голову.

– Я не боюсь Иштар, – резко сказала она.

– Это потому, что ты всё ещё молодая и глупая, – сказал ей Агга. – Была бы ты умнее, ты бы её очень боялась. Она может убить. Или... – он покачал головой, не желая думать об этом. – Бывают вещи, которые хуже, чем смерть. Боги о таких вещах знают. Держись подальше от храма Иштар. И не критикуй богов.

– Ты говоришь так, словно боишься, что ей настучат о тебе, – пронизательно заметила Нинани. Она указала на придворных: – Ни один из этих граждан и слуг не предаст тебя по своей воле, отец.

□– Я знаю, дочь моя, – ответил он. – Но боги умеют овладевать мужчинами и женщинами, и делать из них шпионов против их воли. Иштар может затуманить разум и пленить дух. Если она захочет узнать, что мы делаем и что мы говорим, она узнает. Нянька, вскормившая тебя своей грудью, может оказаться шпионом Иштар, если Иштар пожелает этого. Любая из моих жён может стать моей убийцей, если Иштар повелит им убить. Богам лучше видно. Пока Иштар с нами, у нас мир и спокойствие.

Он гладил её по волосам, думая, что сам он может быть спокоен только тогда, когда она рядом.

Нинани сердито сверкнула глазами:

– Мир? Это ты называешь миром? Давай её свергнем! – воскликнула она. – То, что такому человеку, как ты, приходится жить в страхе – неправильно. Я возьму копье и убью её... или умру, пытаюсь это сделать!

– Не смей! – проревел он и вскочил на ноги.

Одного взгляда на его лицо хватило, чтобы повергнуть Нинани в ужас. Она явно зашла слишком далеко. Распластавшись по каменному полу, она поцеловала его ноги. Она редко видела отца в таком гневе, и никогда раньше причиной этого не были её слова или поступки. В тронном зале зависла тишина.

– Прости меня, – прошептала она.

– Конечно, я тебя прощаю, – холодно сказал он и потянулся за своим скипетром.

Она с облегчением встала с пола. Хотя она и принцесса, и его дочь, но если бы он её публично не простил, её бы забили камнями до смерти за то, что она его разозлила.

– Но, – добавил он, направив на неё скипетр, – тебе нельзя ходить в храм Иштар ни под каким предлогом. Ты поняла меня?

Он не хотел приказывать ей, но это было ради её же безопасности.

– Да, отец, – робко согласилась она. – А если она пришлёт за мной?

Если она за тобой пришлёт кого-то, – подумал он, – то я её храм с землёй сравняю.

– Ты меня не слышала? – сказал он. – Тебе нельзя даже приближаться к храму или к её слугам. Больше я на эту тему говорить не буду, – он вздохнул и подал знак распорядителю дворца. – Я устал и голоден, я буду есть. Оставь меня, дочь.

Нинани поклонилась и, пятясь, вышла из тронного зала. Даже для дочери царя повернуться к его божественному присутствию спиной означало бы смертный приговор.

В коридоре Нинани остановилась и задумалась. К ней подбежала Пуаби, её служанка. Она была хорошая служанка, но при этом сплетница. Именно это Нинани в ней больше всего и ценила. Нинани приходилось целыми днями не выходить из дворца, и Пуаби была её глазами и ушами относительно того, что происходило за пределами дворцового комплекса. Пухлая женщина средних лет, из крестьян, Пуаби старалась знать всё, о чём только можно было услышать в городе.

– Пуаби, – осторожно спросила Нинани, – ты не знаешь кого-нибудь из священных блудниц?

– Гарпий Иштар? – переспросила её горничная, раскрыв от удивления глаза. – Одну или двух, но не очень близко.

Она пыталась понять, почему её госпожа спрашивает об этом. Ей пришло в голову лишь одно логичное объяснение, и она усмехнулась:

– Что, твой отец решил, наконец, выдать тебя замуж, и тебе нужен совет о том, как доставлять мужчине удовольствие? – она легонько толкнула локтем Нинани в бок. – Об этом я могу тебе рассказать, уж поверь мне. Главное, чтобы рот был закрытым, а ноги...

Нинани сердито на неё посмотрела:

– Мне очень тяжело поверить, что твой рот бывает когда-нибудь закрытым, – сухо заметила она. – Но меня не это интересует. Я просто хочу поговорить с одной из тамошних молодых девушек. С такой, которая после этого будет держать язык за зубами.

Пожав плечами, Пуаби на секунду задумалась.

– Одна из моих племянниц работает в храме. Умная девочка, Эн-Гула её зовут. Она кому попало болтать не станет.

Затем она подмигнула и толкнула Нинани локтем в бок.

– И я слышала, что она как раз такая девушка, с которой можно поговорить о тех других вопросах, которые тебе пока не интересны. Если верить отзывам, она знает несколько отличных способов доставить мужчине удовольствие.

– Я хочу поговорить с ней сегодня, – многозначительно сказала принцесса.

Вскинув руки в напускном отчаянии, Пуаби пошла прочь, бормоча себе под нос:

– И куда только катится этот мир? Когда я была молодая, мужчины в очередь становились, чтобы...

К счастью, она свернула за угол, и продолжение её речи не было слышно. Вздохнув, Нинани покачала головой. Она хорошая служанка, но к некоторым вещам она подходила с чрезмерным энтузиазмом.

На пути по дворцу в свои покои Нинани размышляла о событиях нескольких прошедших недель. После появления Иштар и её воцарения в храме, Киш изменился, причём в худшую сторону. Во-первых, была эта загадочная работа на стенах города. Теперь Нинани нельзя было вообще покидать дворцовый комплекс (для её же безопасности, как утверждал её отец), но Пуаби рассказала ей о массовом строительстве, в котором были задействованы полосы чистой меди, укладываемые поверх некоторых из камней. Даже её отец не знал, зачем богине это было нужно.

Её отец... Он изменился сильнее всего. Бывший раньше всегда радостным, он стал мрачным и измученным. Иногда, как сегодня, его взгляд становился затравленным, в нём появлялся страх. И хотя сам он никогда этого не говорил, она знала, что он возненавидел Иштар. Всё больше и больше часов он проводил в храме Забабы, божественного покровителя Киша, молясь о том, чтобы она их покинула. Похоже, что пока что его молитвы не были услышаны.

Она знала, как сильно терзали его последние события. Бывший когда-то добрейшим и умнейшим из людей, теперь он стал таким загнанным, таким усталым. Он то ли слишком устал, то ли был слишком напуган, чтобы противостоять Иштар. Что же, что бы он ни говорил, она была дочерью царя, и кто-то должен был что-то сделать. Она знала, что он считает её слишком нежной, чтобы бы быть способной на какие-то дела, но она ему покажет.

Хотя он ей и запретил, Нинани просто не могла остаться в стороне, позволяя его страхам съедать его изнутри. Она придумает, что сделать, хоть что-нибудь, чтобы помочь ему. Быть может, эта служительница Иштар сможет что-нибудь посоветовать.

Священные проститутки Иштар были старой частью жречества. Исполняемыми ими ритуалами и подношениями, которые они давали и принимали своими телами, ублажалась богиня, чтобы та даровала городу плодородие и мир. Но в последнее время меньше мужчин стало ходить в храм для участия в этих ритуалах, и о храме ходили слухи, что многие из мужчин, кто туда пошёл, вернулись не такими, какими были прежде...

У себя в комнате Нинани легла на небольшую кушетку. Заметив своё отражение в полированной бронзе зеркала, она вздохнула. Она взяла со стола расчёску из черепашьего панциря и начала приводить в порядок свои длинные чёрные волосы. По крайней мере, это ритмичное действие её немного отвлекало. На короткое время она могла забыть о своих страхах, о неуверенности, и забыться в монотонности движений.

Её отношения с отцом всегда были для неё самым ценным в жизни. Она знала, что мало кто из царей видел в своих дочерях что-то большее, чем пешек, которых можно выдать замуж, чтобы укрепить политический союз. Но её отец никогда к ней так не относился. Наоборот, он обычно спрашивал её мнение и прислушивался к нему, позволял ей поднимать ему настроение. Он всегда был заботливым и любящим отцом... до появления Иштар. Теперь всё изменилось. Нинани была решительно настроена на то, чтобы восстановить старые отношения, даже если это означало рисковать жизнью.

Но сможет ли она что-нибудь сделать? Может ли смертный человек замышлять что-то против богини и остаться в живых?

– Что это?

Широко раскрыв невинные глаза, Доктор проследил за взглядом Гильгамеша.

– Это? – он взял в руки вызвавший недовольство предмет – длинный красный плащ и ещё несколько предметов одежды. – Это маскировка.

– Что?

– Маскировка, – повторил Доктор. – В этом году это писк моды. В этой одежде ты зайдёшь в Киш, и тебя никто не узнает. Кишиты примут тебя за торговца.

Скривив губы, Гильгамеш решительно покачал головой:

– Я не буду прятаться под этими лохмотьями безродного торговца. Царь Урука в загадки не играет.

Эйс проклинала их невезение. Ну почему Доктору так часто приходилось иметь дело с идиотами и шутами? Даже от такой ерунды, как маскировка, этот царь Урука ошетинился.

Доктор терпеливо попробовал ещё раз:

– Эти солдаты ждали тебя здесь, Гильгамеш. Они наверняка ждут тебя в городе.

– Ну и пусть, – царь похлопал по своему боевому топору. – Тренировка мне не помешает.

Энкиду положил руку на плечо друга:

– Послушай Эа, – сказал он. – У бога мудрости явно есть план. Да и вообще он прав, – он указал на бицепсы Гильгамеша. – Знаешь, что будет, когда ты появишься у ворот города? Стража, как только тебя увидит, сразу скажет: «Кто это такой? Такие сильные мышцы, такая гордая осанка... Такие могут быть только у Гильгамеша, Царя Людей!»

Представив себе это, царь заулыбался.

– В твоих словах есть правда, – согласился он. Затем он снова посмотрел на предложенную ему одежду и брезгливо поморщил нос: – Но надевать тряпье обычного крестьянина... Энкиду, это оскорбление моего достоинства.

Эйс это позёрство давно надоело. Доктор редко видел необходимость переодеваться в местную одежду, но в этот раз он на этом настаивал. Ей уже пришлось накрыться плащом и замотать свои длинные волосы в какую-то ткань. Раз уж ей пришлось этим заниматься, она не видела никаких причин, почему Гильгамеш не должен вытерпеть то же самое.

– Кроме того, – сказала она ему, – все хорошие шпионы переодеваются. Это признак их хитрости и ловкости.

– Правда? – спросил он.

Она видела, что он начал постепенно менять своё мнение. Его самой большой слабостью было тщеславие. А ещё то, что каждый раз, когда они были рядом, он пытался её потрогать.

– Да, – заверила она его. – Джеймс Бонд, Джон Стивс, Микки Маус – все переодеваются в других людей.

Гильгамеш перебирал названные имена, не желая признать, что никогда о них не слышал.

– Шамаш Бонд? – переспросил он. Что же, если воплощение Шамаша, славного бога солнца, может носить чужую одежду, то чего

уж мне жаловаться? Хорошо, – сказал он Доктору. – Я надену эту одежду.

– Отлично, – усмехнувшись, сказала Эйс. – Уверена, что ты будешь смотреться намного лучше, чем Микки Маус.

Доктор укоризненно посмотрел на неё и помог Гильгамешу одеться.

– Шути-шути, пока есть возможность, – тихо сказал он ей.

Она в ответ весело улыбнулась:

– Обязательно.

Она незаметно перекладывала нитро-9 в карманы куртки. Чтобы она не пронесла в город взрывчатку, Доктор настоял на том, чтобы она оставила рюкзак в ТАРДИС. Ей же без взрывчатки идти не хотелось, и она не видела причин сообщать о том, в рюкзаке, который она швырнула в ТАРДИС, уже ничего нет.

Наконец, собрался даже Гильгамеш. Доктор перерыл весь гардероб ТАРДИС в поиске одежды, которая сошла бы за обычную в Месопотамии. Они выглядели несколько необычно, но он был уверен, что городская стража их впустит, приняв за простых торговцев. Во всяком случае, – подумал он, – если удастся держать в узде Гильгамеша.

– Ну что же, – сказал он, изо всех сил стараясь проявлять оптимизм, – пора идти. И запомните: говорить буду я.

– За тобой всё равно никто и слова не вставит, – пробормотала Эйс, идя за ним след в след.

Взмахнув зонтом, Доктор сверкнул на неё взглядом, но промолчал. Энкиду пошёл за Эйс, а Гильгамеш неохотно согласился замыкать колонну. Согласился он на это лишь потому, что Энкиду убедил его, что в случае схватки там у Гильгамеша будет больше место для размаха.

Эйс с нескрываемым интересом рассматривала Энкиду. Он ей жутко напоминал Нимрода... Из её памяти всплыли подробности тех

ужасных событий, участницей которых она стала в Перивейле девятнадцатого века, в доме с приведениями под названием «Гэбриэл Чейз». Этот викторианский особняк был замаскированным жилищем инопланетного существа, известного как «Свет», коллекционера и каталогизатора биологических видов. Свет избрал Нимрода в качестве экземпляра неандертальца. И вот она идёт рядом с ещё одним членом предположительно вымершего вида. Слухи об их вымирании, – подумала она, – сильно преувеличены.

Перехватив её взгляд, Энкиду истолковал его по-своему.

– Прости, если моя внешность тебе неприятна, госпожа.

Фыркнув, Эйс возразила:

– Меня она не беспокоит, приятель. Просто я думала о старом друге, которого ты мне напоминаешь.

– Друга? – переспросил он. – А! Один из моих соплеменников когда-то был твоим любовником?

Покраснев, Эйс покачала головой:

– Нет, я имела в виду именно друга. Это означает что-то вроде... привязанности.

– О, прости меня за незнание небесных языков, – Энкиду улыбнулся и его клыки слегка блеснули. – Значит, ты не считаешь меня отвратительным?

Эйс усмехнулась:

– По сравнению с некоторыми моими знакомыми людьми ты просто превосходен, – заверила его она.

Этот Энкиду ничего. Обычный парень. Кивнув через плечо, она добавила:

– А вот Гильгамеш – та ещё заноза в заднице. Как ты его терпишь?

Энкиду был в шоке:

– Он мой хозяин. Это вопрос не терпения. Для меня вопрос чести делать то, что он мне велит.

Затем, подумав, он добавил: – Но ты права, иногда он немного достаёт.

Подумав ещё, он сказал:

– Но он хороший царь, и он делает Урук сильнее. Иногда он немного грубоват, но... Просто такая вот у него манера.

– Скорее уж отсутствие манер, – уныло сказала Эйс. – Он всегда так руки распускает?

Энкиду улыбнулся:

– Насколько я знаю, он заработал себе определённую репутацию среди знатных женщин Урука. А тебе не нравится его внимание? – он посмотрел на спину Доктора. – Быть может, ты уже обручена?

Проследив за его взглядом, Эйс рассмеялась и покачала головой.

– С ним нет, – заверила она неандертальца. – Мы с ним просто путешествуем вместе. Иногда мы даже друзья. Но не больше, – она хитро на него посмотрела: – Мы с ним даже к разным видам относимся.

– А, – Энкиду из вежливости не стал переспрашивать, хотя и не понял эту фразу. – Тогда почему ты путешествуешь с ним?

Эйс пожала плечами:

– С ним не соскучишься. И обычно он борется за то, что и он, и я считаем правильным.

– Значит, это примерно те же причины, по которым я остаюсь с Гильгамешем, – сказал он ей. – Мы с тобой очень похожи, – он показал волосатую руку. – Не смотря на явные различия.

– Эйс, когда закончишь общаться, – громко вмешался в их разговор Доктор, – взгляни вон туда, – и он указал зонтом в направлении стен Киша.

Они возвышались почти на шесть метров и окружали весь город. Построены они были из тяжёлых камней. Наверху они были достаточно широкими, чтобы четверо человек могли пройти рядом вокруг всего города. Через равные интервалы над зубчатой стеной возвышались

сторожевые башни. Было видно несколько ворот, все они охранялись вооружёнными людьми.

– Охренеть, – сказала Эйс. – Со входом в город могут быть проблемы.

– Это всё, что ты видишь? – спросил он.

Она пожала плечами:

– Это, а ещё медные полосы, которыми они обвешали все стены.

Блестевший в лучах заходящего солнца оранжевый металл нельзя было не заметить.

– И чему вас только в школе учат? – вздохнул Доктор.

– В школе? – прогремел голос Гильгамеша. – А что это?

– Божественное заведение, – сообщил ему Доктор, – где молодым людям дают знания и учат жить.

– Точно, – ехидно сказала Эйс. – Очень божественное. И тебя там уже несколько веков не было, Профессор.

Не обращая внимания на подколку, Доктор спросил её:

– А какого медь цвета?

Она любила химию. Химия давала возможность сделать столько интересного... школу взорвать, к примеру.

– Оранжевого, – ответила она. А затем, вспомнив крытые медью купола в Лондоне, добавила: – Если её под дождём не оставлять. Тогда она ржавеет и зеленеет... – её голос становился тише по мере того, как она понимала, что имел в виду Доктор. Медь на стенах Киша была отполирована до блеска. – Может быть, дожди в Месопотамии редкость?

– Уверен, что так и есть, – согласился он. – Но эта цивилизация не знакома с неоксидирующей медью, Эйс. Им приходится делать из неё бронзу, чтобы предотвращать коррозию.

Снова посмотрев на стену, Эйс почувствовала, как у неё по спине пробежали мурашки.

– Тогда что она там делает?

– Меня больше волнует то, чего она там *не* делает. Она *не окисляется*... – он постучал по носу ручкой зонта. – Что-то в этом Кише не так.

Затем он усмехнулся.

– Идём в разведку! – объявил он и повёл их к воротам города.

7. ДОГОВОР О СОЮЗЕ

– Сбежал? – яростно прошипела Иштар. – Сбежал? И это ты называешь «доклад»?

Перепуганный командир качал головой, а всё остальное его тело дрожало помимо его воли.

– Там было... – начал он, не зная, что сказать. – Мы почти схватили Гильгамеша, а потом что-то случилось...

Иштар скользила к нему из глубины своего убежища, её бледная кожа мерцала в тусклом свете.

– Случилось то, – с угрозой прошипела она, что вы – некомпетентные идиоты, вы подвели меня!

– Нет! – настаивал офицер. – Его спасло божественное вмешательство!

– Тогда молись, чтобы божественное вмешательство спасло и тебя тоже! – предупредила его Иштар. – Я не потерплю дураков и неудачников!

– Я клянусь! – сказал несчастный, а затем ладони Иштар схватили его голову и он закричал. Он почувствовал, что его шея выкручивается. Перед собой он видел только серебристый блеск. – Пощади! – хрипел он.

– Это и есть пощада, – прошипела она ему в ухо. – Было бы у меня больше времени, ты бы умирал гораздо мучительнее...

Она улыбнулась приятному звуку ломающихся костей. Мужчина перестал дёргаться. Она отпустила труп, и тот упал на каменный пол. Тут же потеряв к нему интерес, она посмотрела на Думузи.

– Жрец мой, – промурлыкала она, – он был плохим кандидатом для выполнения этого задания. Быть может, Агга нарочно выбрал его, чтобы разозлить меня?

Думузи, собрав остатки оставшихся у него мыслей, покачал головой:

– Нет, богиня, вряд ли. Зачем ему рисковать и сердить тебя? Особенно сейчас, когда твоя угроза его дочери ещё свежа в его памяти?

– Верно, – сказала Иштар. – Тогда почему не поймали Гильгамеша?

– Ты не веришь в то, что на его стороне могло выступить другое божество? – спросил Думузи.

– Суеверная чушь! – засмеялась Иштар. – Уж мы-то с тобой знаем достаточно, чтобы не верить в богов, верно, Думузи?

Думузи ничего не ответил: он мало что понимал с тех пор, как она отказала ему в праве думать. Он удержался от очевидного замечания о том, что она сама является доказательством существования божественного вмешательства. Но Иштар всё равно унюхала эту его мысль и развернулась лицом к нему.

– Думаешь, Думузи, тут может быть ещё кто-то такой же, как я? – спросила она. – А... В тёмных чуланах твоего сознания я вижу, что ты молишься о том, чтобы явился кто-то, кто освободит тебя от меня! Как это мило! Несмотря на мои запреты, в твоём мозге всё ещё остался крохотный кусочек, который обладает остатками твоей личности. Ну и ладно. Если мне захочется, я его выслежу и съем. А пока что пускай прячется и боится.

Она взяла Думузи за плечо.

– Мне приятно поставить тебя в известность, жрец мой. Я не богиня, во всяком случае, не такая, как ты себе представляешь. Когда-то я тоже была человеком, таким же хрупким, как ты, – она постучала пальцами по своему красивому лицу, наслаждаясь зазвучавшим необычным звоном. – За этой маской скрывается сознание, которое когда-то знало радости, глупости, и горести плоти. Но затем, Думузи, я открыла для себя потенциал кибернетики, и теперь я больше не подвластна болезням и грусти плоти. Больше я не ограничена оковами единственной физической формы или единственного ума.

– Я родилась много веков назад в мире, до которого отсюда пол вселенной. И я стала там царицей... богиней. Но были такие, кто

отказывался от моего Прикосновения, кто воевал против меня. И в конце концов мне пришлось бежать, – она резко посмотрела на него: – Дурак! Я видела эту мысль так же ясно, как если бы ты проорал её с крыши. Если они вынудили меня бежать, ты надеешься, что они придут сюда, разыскивая меня? – она презрительно засмеялась. – Я не из тех, кто оставляет своих врагов в живых, Думузи. Когда я сбежала с той жалкой планеты, они узнали, что значит отвергать мою власть, – с жестокой усмешкой она нагнулась и заглянула в его глаза. – После себя я оставила не планету, а только тлеющие угли, жрец. Выгоревшие, безжизненные останки мира. Даже не мечтай освободиться. Если даже это вообще возможно, покидая твой мир, я и его оставлю пустым и разрушенным. Я скорее сотру лица этой планеты всех, до последнего насекомого, чем позволю кому-нибудь считать, что меня можно превзойти!

Медленно развернувшись, она поползла обратно в темноту. Через плечо она громко сказала:

– Если хочешь молиться, Думузи, то молись о том, чтобы меня ничего не разозлило. Потому что если я разозлюсь, я сотру человеческий род с лица Земли.

В комнате Нинани раздался тихий стук в дверь. Повернувшись, принцесса сказала:

– Входите!

Открылась дверь, и Пуаби завела девочку, которая выглядела не старше, чем сама принцесса.

– Моя племянница, – объяснила служанка.

То, что Эн-Гула была одной из служительниц Иштар, было очевидно. Она была хорошо сложена, красивая; тёмные глаза; коротко стриженные тёмные волосы не доставали до плеч. Её загорелая кожа сверкала от масел, которыми она содержала своё тело в чистоте. Не считая сандалий и повязки со знаком Иштар на лбу, на ней была надета

только юбка. Её голые груди красноречиво свидетельствовали о том, что она была одной из жриц богини любви. Зайдя в комнату, она тихо опустилась перед Нинани на колени и поклонилась до пола.

– Встань, – повелела принцесса, рассматривая девушку.

Несмотря на то, что та чётко осознавала свой более низкий статус, девушка держалась спокойно и уверенно.

– Тебе не интересно, почему я хотела поговорить с тобой, дитя?

Эн-Гула посмотрела на принцессу, тоже изучая её. Затем она обернулась на свою тётю и немного повела бровью.

– Твоя служанка считает, что тебя интересуют мои знания, госпожа.

– Моей служанке лучше не лезть в чужие дела, – ответила Нинани.

– А ещё она может принести нам немного вина.

Пуаби поняла намёк и скрылась.

Встав с кушетки, Нинани обошла вокруг служительницы, внимательно высматривая на ней Метку Иштар. Её отец всегда так делал, и он объяснил ей, что все, кого коснулась Иштар, имели где-то на теле её Метку, обычно у брови или на виске. На теле Эн-Гулы никаких изъянов не было видно, что, в общем-то, было одним из требований к тем, кто хотел служить Иштар, исполняя физическую роль. Её тело должно быть полностью лишено изъянов, которые могли бы обесценить приносимую богине жертву.

Осмотрев девушку со всех сторон, Нинани снова села.

– Сколько тебе лет, дитя? – спросила она.

– Тринадцать, – осторожно ответила Эн-Гула.

– И как давно ты служишь Иштар?

– С семи лет.

Увидев в глазах Нинани удивление, она добавила:

– Тогда умерла моя мать, и меня ребёнком отдали в храм. Одной из жриц я стала только год назад. А до тех пор я помогала убирать и ухаживать за другими жрицами.

Нинани с лёгкой завистью сказала:

– Ты, наверное, повидала жизнь. Эн-Гула пожала плечами:

– Думаю, ты повидала столько же, сколько и я, принцесса. Ты не выходишь из дворца, я не выхожу из храма.

Ответ был неожиданный; Нинани поняла, что девушка далеко не дура.

– Тебе не нравится твоя жизнь?

– Кто я такая, чтобы жаловаться? – несмотря на слова, было ясно, что Эн-Гула жалуется. – Я сирота, мне дали постоянную работу и хороший дом.

– Но? – спросила принцесса.

Внезапно Эн-Гула засмеялась:

– Моя госпожа, не для того же ты меня сюда вызвала, чтобы слушать храмовые слухи?

Дверь открылась, и спиной вперёд зашла Пуаби с подносом. На нём стоял серебряный графин и два кубка – один серебряный, другой бронзовый. Пуаби наполнила серебряный бокал и дала его замолчавшей Нинани. Служанка наполнила бронзовый бокал, и дала его Эн-Гуле. Когда она подняла взгляд, Нинани указала ей на дверь.

– Что? – фыркнула Пуаби. – Я привела племянницу и не имею права узнать зачем?

– Да, – ответила Нинани. – Именно так. А теперь иди.

Пуаби смиренно ушла.

Взглянув на свою собеседницу, Нинани заметила в её глазах улыбку.

– Если ты хоть немного знаешь свою тётю, – объяснила принцесса, – то знаешь её выдающуюся способность распространять слухи. Я бы хотела, чтобы эти слухи как можно меньше касались меня.

– Разумно, принцесса, – согласилась Эн-Гула. – Но могу ли я узнать, зачем ты позвала меня?

Нинани надпила вино и посмотрела Эн-Гулу. Теперь, когда принцесса надпила, жрица могла тоже пить, и она так и сделала. Этикет и социальный порядок были строги и всегда исполнялись.

– Эн-Гула, – медленно сказала Нинани, – ты ошиблась, когда сказала, что мне не интересны храмовые сплетни. Это именно то, что я и хочу услышать.

Жрица пожала плечами:

– Госпожа, если тебе и вправду хочется узнать о том, кто слишком много пьёт, кто с кем спит среди знати, то я могу рассказать. Однако, прости меня, но это кажется мне ниже твоего достоинства.

Фыркнув, Нинани кивнула:

– Да, это так. Выходки толпы блудниц меня совсем не интересуют. Я хочу знать об Иштар.

Жрица при этих словах напряглась.

– Тебе нужен религиозный совет? – осторожно спросила она. – Моя госпожа, я думаю, что служение в постелях храма не для таких, как ты... разве что ты, конечно, сама этого хочешь! – потом ей в голову пришла другая мысль. – Или... – она взглянула на дверь в дальнем конце комнаты, ведущую в спальню. – Или я нужна, чтобы служить тебе в постели?

Нинани вздохнула:

– У вас в семье все только о сексе думают? Я не собираюсь становиться оной из блудниц Иштар, Эн-Гула. И соблазнять тебя я тоже не собираюсь. Я хочу знать всё о самой богине Иштар! – она встала и начала ходить по комнате. – Я знаю то, что мне рассказал отец, – объясняла она. – Что богиня снизошла, чтобы побыть какое-то время у нас. Чего я не понимаю, так это почему это его так ужасает? Ещё я не понимаю, что именно происходит в храме. Я знаю Думузи много лет, но в последние время он не тот, с кем рядом я выросла. Я хочу знать почему, – она посмотрела на Эн-Гулу. – Ты можешь мне помочь?

Жрица осторожно поставила свой кубок. Она с трудом подавляла в себе потребность высказаться, и в конце концов не выдержала.

– Моя госпожа, – аккуратно сказала она. – Это тебя может оскорбить, но могу я сперва попросить тебя кое о чём?

Нинани пожала плечами:

– Проси.

– Можно я ненадолго прикоснусь к твоей коже?

Не понимая, Нинани кивнула.

Эн-Гула подошла ближе, и отвела в сторону длинные волосы принцессы. Облегчённо вздохнув, она позволила волосам вернуться на место.

– Прости меня, моя госпожа, – ответила она, – но мне нужно было быть уверенной, что на тебе нет Прикосновения. Говорить свободно с тем, у кого есть Прикосновение, означало бы для меня смерть... или ещё хуже.

Вот это уже было похоже на начало продуктивного разговора. Нинани с интересом слушала слова жрицы.

– Когда богиня появилась среди нас, – объяснила Эн-Гула, – она была слаба. Думузи нам сказал, что у неё было долгое путешествие, она спускалась в мир со звёзд и небес. Он сказал, что ей нужно отдохнуть и восстановить свои силы. И тогда она станет собой. Ну, это звучало логично... насколько вообще бывают логичными деяния богов. Поэтому мы продолжали служить и ждать, её визит был для нас честью.

– Затем несколько старших жриц исчезли. Нам это никто не объяснил. А некоторые другие изменились. Они все получили Прикосновение Иштар. Теперь они служили её глазами и ушами, и она знала всё, что знали они. Если кто-нибудь при них говорил что-то против богини... Ну, они обычно исчезали или же тоже получали Прикосновение и изменялись.

– В конце концов я не смогла сдерживать любопытство, – она пожала плечами. – Это моё проклятье, госпожа. Наверное, семейная черта. Я хочу знать слишком много.

– Мы обе этого хотим, – ответила Нинани. Ей всё больше нравилась эта девушка. – Продолжай.

– Богиня заняла несколько больших комнат. Как я говорила, раньше я была уборщицей, и мне знакомы несколько неочевидных способов попасть в эти комнаты.

Она не стала вникать в подробности. Принцессе не будет интересно знать о том, как часто она голодала и выискивала пищу в храме повсюду, где только можно было её стащить.

– Я, конечно, видела богиню – она иногда выходила, чтобы её могли увидеть поклоняющиеся ей. Но в её покои меня никогда не вызывали.

– Однажды вечером я слышала странные звуки, доносившиеся из-за главного алтаря, из святая святых Иштар. Я воспользовалась тайными проходами храма. Вокруг самой дальней из комнат Иштар проходит балкон, и я прокралась туда. Звук доносился снизу: гудение, которое становилось то выше, то ниже, словно пчёлы жужжали в каком-то ритме. А в такт гудению загоралось и гасло странное серебристое свечение. В тени балкона было очень темно, и мне стало страшно. Но я должна была выглянуть с балкона, мне нужно было увидеть.

Она вздрогнула и подняла свои широко раскрытые тёмные глаза на Нинани.

– Лучше бы я не смотрела, госпожа. Там была богиня. Она была ещё красивее, чем всегда: высокая, бледная, восхитительная. Но она казалась мёртвой. Она совсем не двигалась. Она стояла у стены, возле той её части, которая не была закрыта высокими металлическими шкафами, которые были принесены из её закопанного где-то далеко зиккурата. То место, где она стояла, было похоже на саркофаг,

госпожа... Мне тогда стало жалко Иштар. Её голова была прикрыта металлическим колпаком, и именно от него исходило гудение. Она была голой, и я увидела, что хотя у неё была фигура женщины, она не была женщиной. Всё это я увидела за несколько мгновений, а затем богиня пошевелилась. Она вышла из-под колпака, словно труп из могилы. Её глаза открылись, и я пригнулась, чтобы спрятаться.

– Как страшно, – сказала Нинани, представив себе наказание за подсматривание за богиней.

Эн-Гула покачала головой. В её глазах блеснули слёзы.

– Это было только начало, – сказала она. – Иштар поднялась ко мне на балкон. Я её не видела, но я чувствовала её там, в темноте, она искала меня. Мне никогда раньше не было так страшно. Я боялась, что меня станет слышно, но я чувствовала, что она там, у меня в голове, выискивает меня, и мне нужно было уйти. Я поползла на четвереньках вдоль балкона, вокруг комнаты, быстро, как только могла, словно животное в капкане. Я чувствовала под собой её взгляд, словно она могла пронзить им доски балкона. Она игралась со мной, как кошка с мышкой. Она могла броситься на меня в любой момент, ползая туда-сюда, я чувствовала, что её это смешит, – девушка начала тихо всхлипывать.

– И что произошло дальше? – спросила Нинани, боясь, что Эн-Гула остановится на этом критическом моменте.

Эн-Гула шмыгнула носом и утёрла глаза.

– Богиню отвлекли, госпожа. Она забыла обо мне. В помещение внизу вошли Думузи и один из дворцовых стражей. Они привели двух жриц для получения Прикосновения Иштар. Я почувствовала, что её взгляд покинул меня, и чуть погодя нашла в себе смелость подкрасться к краю балкона и посмотреть вниз.

– Я знала этих жриц, моя госпожа. Одна из них, Белкели, была добра ко мне с тех пор, как я попала в храм. Она пыталась вырваться из

рук стражей. Другая жрица лежала на полу, она то ли спала, то ли была без сознания, то ли её опоили.

– Иштар не прикрывала свою наготу. Она стояла в центре помещения и упивалась страхом Белкели. И тогда она начала изменяться.

– Изменяться? Как? – вырвалось у Нинани.

Эн-Гула тяжело вздохнула:

– Я думаю, что боги выглядят похожими на нас только для того, чтобы не пугать нас своей истинной формой, – осторожно сказала она.

– Иштар не такая, как мы. Она металлическая, моя госпожа. Она – живая статуя. И хотя руки и плечи у неё как у женщины, тело у неё змеиное. Нет ног, моя госпожа. Она ползала по полу, как змея. Огромная металлическая змея. А лицо ещё страшнее, потому что оно очень похоже на женское лицо. Но жёсткое, холодное, резкое; его движения не плавные, как у твоего и моего лица, а больше похоже на сгибание лапки насекомого. А вместо глаз у неё в голове горящие угли.

– Наверное, я закричала, но меня заглушили крики Белкели, к которой ползла богиня. Иштар говорила тихо и жестоко, она протянула вперёд правую руку. Я видела, как Белкели задрожала, когда богиня провела рукой по её волосам. Ладонь Иштар коснулась лба Белкели, и я услышала звук, похожий на шипение змеи. Белкели замерла, и когда Иштар убрала руку, я увидела на лбу Белкели Метку. Я больше не могла на это смотреть. Мне стало плохо. Я уползла.

– На следующий день я встретила Белкели, и она была совсем другой. Она не была приветлива, не рассказывала сплетен. Я спросила, здорова ли она, и она ответила так, словно мы не были знакомы. А самое худшее – хотя она говорила безразличным голосом и отводила взгляд, я заметила у неё слезинку в глазе.

Нинани старалась говорить спокойно:

– А вторая жрица?

– Я её больше не видела, – сказала Эн-Гула. – Но я говорила с одним из стражей, который тогда ещё не получил Прикосновения, он мне сказал, что помог избавиться от её тела. В её венах не было крови, моя госпожа, а в её черепе не было мозга!

Нинани была потрясена так же сильно, как и Эн-Гула. Увидев, как тяжело девушке справляться с приступом ужаса, Нинани забыла о титулах и рангах. Она обняла девушку и прижала её к себе. Эн-Гула как ребёнок уткнулась лицом в её плечо. Она тряслась от плача.

Наконец, она освободилась от объятий Нинани и встала. Она утёрла глаза и нос.

– Простите меня, госпожа, – прошептала она. – Это было так ужасно.

– Слушать об этом было почти так же ужасно, Эн-Гула, – заверила её Нинани. – Но теперь тебе не нужно держать это всё в себе. Давай будем друзьями.

Удивлённая Эн-Гула кивнула:

– Как пожелаешь, принцесса.

– Хорошо.

Нинани подвела девушку к кушетке и указала ей сесть рядом с ней. Эн-Гула нерешительно села.

– А теперь, друг мой... Я должна спросить тебя кое о чём. Эта богиня, которой ты служишь... Как ты теперь относишься в принесённым тобой клятвам верности?

Эн-Гула не спеша обдумала свой ответ.

– Госпожа, впервые за всю свою жизнь я жалею, что служу Иштар.

– Это я и надеялась услышать, – одними губами улыбнулась Нинани. – Потому что мне нужна твоя помощь, Эн-Гула. Я хочу уничтожить эту богиню, пока она не уничтожила нас.

Потрясённая Эн-Гула вскочила на ноги.

– Госпожа! – вскрикнула она. – Но это же невозможно!

– Это должно быть возможно, – настаивала принцесса. – Мы с тобой должны найти у неё какую-нибудь слабость, или какую-нибудь магию, которая сильнее её. Должно быть что-то, что мы можем сделать! Должно быть!

– Я не так уверена в этом, как ты, госпожа, – ответила жрица. – Но... если не это, то останется лишь жить по-прежнему, наблюдая, как Иштар Прикасается к моим друзьям или ест их, – она решительно подавила в себе дурные предчувствия. – Я сделаю, что смогу, – согласилась она.

Нинани засмеялась, в этот раз искренне.

– Отлично сказано! Эн-Гула, всё, что могут сделать принцесса и жрица, мы сделаем. Будем же молиться о том, чтобы этого было достаточно.

Город Киш показался Эйс изумительным. Вопреки её опасениям, Гильгамеш у ворот молчал, и все четверо они прошли в город не вызвав у стражи интереса. За воротами они направились по узким многолюдным улицам. Недалеко от ворот был квартал торговцев. Вдоль улиц стояли торговые лавки, очень похожие на фотографии Ближнего Востока, которые Эйс когда-то видела. Навесы прикрывали от солнца товары и людей. Товары были разложены на столах и подстилках. Было огромное множество фруктов, овощей, инструментов, тканей, одежды, и горшков. И хотя большинство торговцев уже завершали сегодняшнюю торговлю, тех товаров, которые всё ещё были выставлены, было достаточно много, чтобы Эйс пришла к выводу, что Киш был процветающим городом.

Она поделилась этим наблюдением с Энкиду, и тот кивнул:

– Киш и Урук (наш город) на протяжении многих лет являются самыми большими городами в Месопотамии, – объяснил он. – Гильгамеш и его советники считают, что время Киша прошло, но Агга,

царь Киша, не дурак, его политика укрепила армию и повысила благосостояние этого города.

Эйс мельком оглянулась на Гильгамеша.

– Ты, как я понимаю, с ними не согласен?

– Кто я такой, чтобы соглашаться или нет? У меня нет голоса в совете, меня там терпят лишь потому, что я нравлюсь Гильгамешу. Никто из знати не станет слушать мои мысли.

– А я бы послушала, – сказала Эйс.

– Ты очень необычная, – улыбнулся он. – Но предупреждаю, мои мысли очень странные. Я думаю, что Уруку и Кишу было бы выгоднее быть союзниками, а не врагами. Когда я был ребёнком, моя мать сказала мне, что наш народ вымер из-за того, что не умел сотрудничать. Эти безволосые люди воспользовались этим недостатком и уничтожили мой род. Меня не покидает опасение, что и с людьми однажды случится то же самое.

– Поверь мне, – сказала ему Эйс, – человеческий род ещё долго протянет.

– Конечно же, я верю тебе, – ответил Энкиду. – Ты же богиня Айа.

– Правильно, – вздохнула она. – Я всё время забываю об этом.

Доктор остановил нескольких прохожих и спросил дорогу к хорошему постоялому двору. Когда мужчины, наконец, сошлись на одном заведении, Доктор повёл своих спутников туда.

Постоялый двор был небольшим зданием, стоявшим чуть в стороне от главной улицы. Эйс прикинула, что там не может быть больше пяти или шести комнат, и ни капли не удивилась, когда услышала, как трактирщик говорит Доктору, что свободна только одна комната, и они могут либо соглашаться на неё, либо уйти.

– Мы согласны, – сказал ему Доктор. Кивая Энкиду, он сказал: – Заплати ему, хорошо?

Энкиду заплатил, аккуратно отсчитывая медные диски.

Эйс потянула Доктора за рукав.

– Эй, – пожаловалась она, – Профессор, я не против ночевать в одной комнате с тобой, но этому нашему величеству я не доверяю.

– Ты о Гильгамеше? – безразличным голосом спросил Доктор. – Он, скорее всего, напьётся и уснёт. Я таких знаю.

– Я тоже знаю таких, – отрезала Эйс. – Повидала таких в Ледяном Море. Некоторые из них напиваются, а потом пристают.

– Если ты так переживаешь о своей добродетели, – ответил Доктор, – то можешь вернуться в ТАРДИС.

Она вздохнула:

– Энкиду говорит, что там львы по ночам охотятся.

– Ну, выбирай сама: львы там или ухажёр тут?

– Спасибо большое, – проворчала она и села за ближайший стол. – Какой же ты добрый.

– Один из моих недостатков, – ответил он, опускаясь на один из табуретов. – Трактирщик, нам всем по пиву, пожалуйста, и одно себе налейте за наш счёт.

К ним присоединился Энкиду.

– Дайте угадаю, – сказал он. – За пиво плачу тоже я?

– Ты же не думал, что боги имеют при себе деньги? – ехидно спросил Доктор. – Мы своё время тратим на более важные вещи.

Трактирщик принёс четыре кувшина с пивом, и Энкиду дал ему несколько монет. Гильгамеш схватил своё и пиво и выпил его двумя большими глотками.

– И моё бери, – предложил Доктор, толкая к нему свой кувшин. – Эйс, наверное, тоже отдаст тебе своё.

– Я уже достаточно взрослая, чтобы пить, – парировала она, не желая ничего давать Гильгамешу.

– Да, но я сомневаюсь, что оно тебе понравится, – сказал он ей, наблюдая, как Гильгамеш решительно опустошает вторую порцию пива. – «Движение за настоящий эль» его вряд ли одобрило бы.

Эйс угрюмо надпила пиво и чуть не выплюнула его.

– Из чего они его делают? Свиная рвота?

– Почти, – улыбнулся Доктор. – Ячмень. То пиво, которое ты любишь, они ещё не изобрели. Для жителей этого времени это просто наслаждение.

– Может, ты хотел сказать «разложение»?

– Так, – вставая, сказал Доктор, – я скоро вернусь. Развлекайтесь.

– Что? – Эйс не верила своим ушам. – Я тоже пойду.

– Не в этот раз, – сказал он, не давая ей встать с табурета. – Я просто схожу загляну в местный храм. А ты побудь тут и присмотри за Гильгамешем. Попробуй поговорить с местными, разузнать слухи, и тому подобное. Я постараюсь не задерживаться.

– Не поступай со мной так, Профессор, – умоляла она. – Только не с ним.

– Страдания укрепляют характер, – ответил он. А затем по заговорщицки добавил: – Эйс, я могу ошибаться в том, что этот храм имеет какое-то значение. Но Гильгамеш жизненно важен... Мне правда очень нужно, чтобы ты осталась с ним и проследила, чтобы с ним ничего не случилось. В его последующей жизни ему суждено сделать много важного, и мне было бы гораздо спокойнее, если бы я знал, что эта последующая жизнь у него будет.

– А как же я?

– А ты поживёшь попозже, – подмигнул он. – Просто следи, чтобы в его кувшине не было пусто. И слушай, о чём говорят вокруг.

Отдав ей зонтом салют, Доктор вышел из таверны.

Эйс недовольно посмотрела на сидящего напротив неё Гильгамеша. Он только что забрал у неё пиво и начал его пить.

Вечер, похоже, будет очень долгим.

8. МУЗЫКАНТЫ В БЕГАХ

Пробираясь по тёмным коридорам в храм Иштар, Эн-Гула испуганно оглядывалась по сторонам. Заговор против богини был для неё чем-то абсолютно новым, и ей казалось, что когда она вернётся в храм, который половину её жизни был для неё домом, её там будут уже ждать, и не с распростёртыми объятиями. У Иштар были глаза и уши по всему Кишу, и несмотря на все предосторожности, Эн-Гула сомневалась, что ей удалось уберечь заговор от внимания богини.

Однако всё было как обычно. Когда она возвращалась в храм, вечерняя вахта протрубила о закрытии городских ворот. Жертвенные костры прикрывались до утра, и жрецы готовились ужинать и ложиться спать. Последние прихожане завершали молиться и уходили вместе с заходящим солнцем. Уборщики подметали каменный пол, и скоро наступит время, когда все жрицы соберутся за ужином. Эн-Гула возвращалась как раз вовремя: её отсутствие обязательно заметили бы, если бы она пропустила ужин. И хотя вряд ли по одному такому мелкому нарушению Иштар бы что-то заподозрила, Эн-Гула считала, что раз уж замышляешь свержение богини, то лучше её внимание к себе не привлекать.

Несмотря на ту храбрость, с которой она говорила с принцессой, Эн-Гула не думала, что у них может что-то получиться. Могущество Иштар было невообразимо, и жалкие силы жрицы и принцессы не могли ей противостоять. Они с Нинани пришли к согласию, что больше всего им нужен хоть какой-то намёк на слабость в доспехах Иштар, или какие-то сведения о магии, к которой она может быть уязвима. А до того они могут лишь обмениваться информацией и планами. Было сложно поверить в то, что её, рождённую в простой семье сироту, удостоила своим вниманием сама принцесса. Она была поражена, увидев, что Нинани была милой девушкой, вполне человеческой. Несмотря на разделявшую их социальную пропасть, за время их

разговора они подружились. Всего несколько часов назад Эн-Гула не могла себе даже представить такого. О царской семье Киша в храме много говорили, но никто из жриц раньше не сталкивался с её членами лично, если не считать тех редких случаев, когда царь Агга приходил в храм для участия в церемониях.

Задумавшись, Эн-Гула чуть не вскрикнула, когда из тени вышла странная фигура, и вежливо приподняла свою шляпу.

– Добрый вечер, – сказал Доктор, приветливо улыбаясь. – Надеюсь, я явился не в неурочное время?

Поняв, что этот странно одетый мужчина не может быть посланным за ней посланником Иштар, Эн-Гула постаралась восстановить дыхание. Её сердце постепенно замедляло учатившийся стук.

– Из... Извиняюсь, – запинаясь, сказала она. – Я испугалась.

– Простите, я не хотел, – сказал Доктор.

По пути в храм он очень много думал, взвешивая все за и против различных способов действия. Может, ему оставить на себе местную одежду и незаметно проскользнуть в святая святых? Или лучше выбросить плащ и дерзко идти напрямик? Он не очень удивился, поймав себя на том, что всё больше склоняется ко второму варианту. Застать людей врасплох, заставить их задуматься о чём-то заурядном, а затем вести себя исключительно вежливо – обычно эта тактика творила чудеса. Но в этот раз он чуть не довёл бедную девушку до инфаркта.

– Глубоко вдохните и медленно выдохнете, – посоветовал он. – Это поможет.

Эн-Гула его послушалась, и постепенно успокоилась.

– Незнакомец, – наконец, сказала она, – скажи, чем я могу тебе помочь.

– Вообще-то, я просто зашёл, рассчитывая повидаться с богиней. А если она занята, то меня устроит верховная жрица. Или жрец, – он рассмотрел её наряд: – А вы так не простудитесь, совсем без одежды?

Эн-Гула моргала, пытаясь успевать понимать его слова. Она озадаченно посмотрела на свои голые груди.

– Все жрицы Иштар одеваются так, незнакомец. Ты разве не знал этого?

– У меня проблемы с памятью, – доверительно сказал Доктор. – Она уже не та, что была когда-то.

– О, – этот комментарий Эн-Гула вообще не поняла. Однако цель своего прихода он объяснил вполне чётко. – Ты хочешь увидеть богиню?

– Если ей сейчас неудобно, – улыбнулся он, – я могу прийти позже. – Или мне нужно записаться на приём?

Его взгляд перешёл с девушки на изучение храма. На задворках его сознания что-то пыталось привлечь его внимание, но ему никак не удавалось понять что это.

– Я даже не знаю, – девушка рассматривала его. Несмотря на свою иноземную одежду и странные манеры, он казался вполне хорошим человеком. – Говорить с ней не всегда безопасно, – рискнула сказать она.

Доктор вопросительно поднял бровь:

– Значит, возможность поговорить с ней всё-таки есть?

– Если ты уверен, что хочешь именно этого.

– Я ни в чём не уверен, – признался он. – Обычно, когда я вот так прихожу к богам в гости, их нет дома, и меня выпроваживает верховный жрец или какой-нибудь дворецкий.

Силясь вникнуть в смысл всего, что он говорил, Эн-Гула покачала головой:

– С Иштар можно поговорить, незнакомец.

– Так значит, богиня дома? Превосходно.

Несмотря на напускной энтузиазм, Доктор был взволнован. Его опыт говорил о том, что в большинстве случаев жречество любой религии настаивает на передаче богам сообщений. А эта девушка,

похоже, была абсолютно уверена, что в этом храме необходимость в посреднике отсутствовала. Он не знал, хорошо это или плохо.

В этот момент к ним из теней вышел Думузи. Его серые глаза задержались на Эн-Гуле, и та немного испугалась. Если Доктор и заметил её реакцию, то ничего об этом не сказал.

– Какие-то проблемы? – спросил Думузи. – В такое позднее время дня от жриц обычно не требуется исполнение службы.

Вспомнив об отсутствии на девушке одежды, Доктор легко представил себе, какого рода службы ей приходится исполнять. Он покачал головой:

– Я просто зашёл поболтать с богиней.

– В самом деле?

Глядя на Думузи, Доктор заметил, что тот слегка встрепнулся, а затем выражение его лица изменилось. Усталость исчезла, её сменила почти хищная целеустремлённость.

– И почему ты хочешь повидаться с Иштар?

– Потому что в этом городе что-то не так.

– Что конкретно ты имеешь в виду? – ворковал Думузи.

Постукивая себе по носу кончиком зонта, Доктор сознался:

– Я чую странный запах. Зла, чистого зла. Когда за ним гоняешься так долго, как это делаю я, начинаешь чувствовать его, как жуткую вонь в воздухе. И этот город весь провонялся.

– Понятно, – сказал жрец. – И что ты предлагаешь сделать?

– Поймать это зло и уничтожить, – честно сказал Доктор. – Я, так сказать, космический эколог. Люблю, когда всё чисто и хорошо пахнет, – он улыбнулся юной жрице. – Как вот эта молодая дама.

Думузи холодно посмотрел на девушку:

– Можешь идти, – сообщил он ей. – Я сам проведу этого незнакомца к богине.

– Слушаюсь тебя, господин, – сказала она, низко поклонившись. Повернувшись к Доктору, она не удержалась и добавила: – Надеюсь, что ты найдёшь то, что ищешь, незнакомец.

– Я тоже, – ответил он, ещё раз широко улыбнувшись.

Было в этой девушке что-то, чего он не понимал. Ладно, вряд ли это важно.

Эн-Гула смотрела, как Думузи уводит незнакомца вглубь храма. Станный мужчина. Но она чувствовала в нём какую-то силу. Он не выглядел сильным, скорее даже наоборот. Но в нём была сила. Было такое чувство, что смешной человечек – это лишь плащ, скрывающий что-то под собой. Её охватило волнение. Хотя она и пыталась прогнать эту мысль, она подумала о том, что эта странная личность может оказаться тем самым волшебным звеном, которое они с принцессой хотели найти.

Но ведь это просто смешно! Продолжая спорить сама с собой, Эн-Гула кралась по тёмным залам за Думузи. Если её поймают... Она подавила в себе страх. Нельзя позволить обнаружить себя, но и упустить этот странное чувство надежды, которое каким-то образом зажёг в ней незнакомец, она тоже не могла. Ей нужно было увидеть, что произойдёт, когда он встретится с богиней.

Всё было даже хуже, чем Эйс это себе представляла. Гильгамеш допил шестое или седьмое пиво и заказал ещё. Его поведение от алкоголя лучше не становилось, и Энкиду, похоже, тоже переживал по этому поводу. В таверну заходило всё больше и больше местных. Закончив свои дневные дела, горожане по пути домой заходили сюда выпить и поболтать. Все остальные столы были уже заняты, и гул разговоров стал громким.

Эйс это напоминало атмосферу британского паба. Иногда некоторые из маминых ухажёров пытались выслужиться, гуляя с Эйс. Это обычно означало для неё чипсы с рыбой и стакан газировки в

местном пабе, в то время как ухажёр со своими корешами выпивал несколько кружек пива. Эйс никогда особо не нравилась душная, прокуренная атмосфера пабов, большую часть времени она играла в дартс, а иногда, улучшив момент, отхлёбывала пиво из чьей-нибудь кружки. С тех пор она метко кидала дартс и не любила тех, кто напивался пива.

В этой таверне всё было очень похоже. Никто, разумеется, не курил – до появления табака было ещё несколько тысяч лет, как и до запаха рыбы с чипсами, обильно сдобренными солью и уксусом. Но клубившийся пивной запах был такой же, а гул пустых разговоров и грубых шуток, наверное, не изменится никогда, сколько бы тысячелетий не прошло. Чем больше происходит перемен, – подумала она, – тем неизменнее остаются некоторые вещи. Например, пабы.

Гильгамеш принялся за очередную порцию пива, а затем громко отрыгнул. Это его, похоже, немного разбудило, и он попытался сфокусироваться на Эйс.

– Что? Не пьёшь? – спросил он.

– Я не хочу, – ответила она.

Он многозначительно посмотрел на неё.

– Тогда, может быть, пойдём спать?

Она готова была убить Доктора за это.

– Спать я тем более не хочу, – отрезала она. – Во всяком случае, с тобой.

В отместку за это она устроит Доктору ещё один кризис регенерации.

– Чушь! – возразил Гильгамеш, ещё раз громко рыгнув. – Я укладывал тёлок и покрасивее, чем ты.

– Правда?

Вот чему она научилась у маминых ухажёров, так это тому, что с пьяными спорить не надо. Переспорить их всё равно не удастся, только

спровоцируешь. Она вспомнила, как когда-то целую неделю ходила с синяком под глазом после того, как один из них не вытерпел её острот.

– Ещё как правда, – сказал он. Эта тема была одной из его любимых. – Да сама богиня Иштар пыталась заманить меня в свою постель всего несколько недель назад.

Ну до чего же он самовлюблённый!

– Её можно понять, – улыбнулась Эйс, рассчитывая, что он продолжит. Пока он пьёт и разговаривает, он хоть руки не распускает.

– Ещё бы, – ответил Гильгамеш. – Но, невзирая на её мольбы, я ей отказал.

– Недостаточно хороша для тебя, да?

Гильгамеш постучал себя пальцем по носу (нашёл он его только со второй попытки).

– Не в этом дело, – сказал он. – Ты же знаешь, что происходит со смертными, которые спят с богами.

– Нет, не знаю, – внезапно почувствовав сильную усталость от него и его хвастовства. – И ты тоже не знаешь, если по правде.

– По правде? – переспросил он. – Я всегда говорю правду! Ты что, не веришь, что Иштар меня хотела соблазнить?

В этот момент за соседним столом кто-то засмеялся, избавив Эйс от необходимости выбора между враньём и дракой.

Гильгамеш развернулся к тому, кто засмеялся:

– У тебя чё, проблемы? – спросил он. – Или тебя на голову в детстве роняли?

Мужчина, увидев на столе перед Гильгамешем ряд пустых кувшинов, явно решил ублажить пьяного.

– Дружище, – засмеялся он, – я слышал, что когда Иштар хочет мужчину, она его берёт. В последнее время она в храме многих берёт.

– Уж тебя-то не Иштар заберёт, – ругался Гильгамеш, вставая на ноги. – Тебя заберёт Белит-Шери, счетовод смерти!

Энкиду схватил царя за руку.

– Пожалуйста, – прошипел он. – Не начинай.

Гильгамеш сердито глянул на своего друга, но всё-таки был ещё не настолько пьян, чтобы не увидеть, что Энкиду беспокоится. Он неохотно кивнул и сел на место. Повернувшись к соседнему столу спиной, он стал рассматривать содержимое своего кувшина.

Для Эйс это была двойная радость: во-первых, Гильгамеш успокоился, а во-вторых, он забыл о своих попытках склонить её к постели.

Мужчина, сидевший за соседним столиком, похлопал её по руке.

– Слушай, – сказал ей кишит. – Ты присмотри за своим другом. В этом городе не все такие терпеливые, как я.

– Спасибо, – ответила Эйс. – Я так и сделаю.

Мужчина ещё не закончил.

– А откуда ты такая? – он оглядел её. – Никогда раньше не видел такой светлой кожи. Ты не местная. Что ты делаешь в Кише?

Блин! Вот не хватало им только любопытного местного, сующего нос не в своё дело.

– Я путешествую, – сказала Эйс, надеясь отшить его раньше, чем он начнёт задавать вопросы Гильгамешу. Пьяный царь, если потеряет терпение, всё мигом выболтает.

– Ты не из торговцев, – сказал мужчина. – У тебя нет с собой никаких товаров. Что же ты тогда тут делаешь?

Перебрав в уме несколько вариантов, Эйс подумала, что лишь один из них может звучать убедительно.

– Мы артисты.

– Правда?

Ответ был неудачный – друзья этого мужчины повернулись в их сторону.

– И что делает он? – он указал на Гильгамеша.

– Готов поспорить, что он огонь глотает! – сказал ещё один мужчина и засмеялся.

Гильгамеш это услышал.

– Я фокусы показываю, – прорычал он. – Разрезаю людей пополам.

– А затем снова соединяешь? – присоединился к разговору ещё один выпивоха.

– Только тех, кто мне нравится.

Пока ситуация не переросла в полный провал, вмешалась Эйс:

– Я певица.

– Да ну? – мужчины с интересом посмотрели на неё. – Так может быть, ты споёшь нам?

Ну вот, доигралась. Рояля в комнате не было, и не будет, если только все собравшиеся не согласятся подождать около четырёх тысяч лет. Что же, теперь она могла сделать только одно...

– Ладно, – согласилась она, медленно вставая.

Что же ей такого спеть, чтобы они хоть что-то поняли? Никакого джаза! Ничего излишне современного...

Она вдруг поняла, что все вокруг – включая Гильгамеша – с интересом смотрят на неё.

Прокашлявшись, она начала петь.

Это был один из её настоящих талантов – её голос. У неё был хороший слух, и чтобы правильно исполнить песню, ей достаточно было прослушать её несколько раз. Уже почти после первой строчки ею восхищались. Она пела:

Я был бродягой много лет

Тратил все деньги на виски и пиво

Но теперь возвращаюсь домой с золотишком

И клянусь, что больше бродяжить не буду.

Один из маминых хахалей был ирландец. Он знал почти столько же народных песен со старой родины, сколько сортов пива в местных барах, и он много вечеров провёл за обучением Эйс тем песням, которые мог вспомнить. «Бродяга», как он сказал, была песня почти про него.

Эйс плакала, когда узнала, что он погиб. Он упал по пьяни под колёса автобуса. Гоня прочь эти воспоминания, она начала припев:

И больше никогда

Я не буду бродяжить

Никогда, никогда.

В комнате все затихли. Все слушали как она поёт. Она начала второй куплет, надеясь, что они смогут понять смысл слов.

Я зашёл в заведение, где часто бывал

Сказал хозяйке, что денег нет, и попросил налить в долг.

Но она сказала «Нет!»

Такие, как ты, у меня каждый день.

Это вызвало у слушателей смех. Эта тема была явно близка многим из присутствовавших. Когда она пела последние два куплета, все слушатели хлопали и подпевали припев. Для верности, она повторила последний припев:

Я вернусь домой, к родителям, сознаюсь во всём

Попрошу их простить их сына

И если они полюбят меня, как любили когда-то,

То не буду бродяжить

Никогда, никогда.

Когда закончился припев, все мужчины аплодировали, громко хлопая по столам. Враждебность по отношению к ней, Гильгамешу, и Энкиду, пропала. Мужчина, пристававший к ней с вопросами, улыбался.

– Барышня, это было необычайно хорошо исполнено. Дай нам знать, когда вы выступаете, и мы с ребятами обязательно придём.

Другие начали выражать согласие, а Эйс улыбалась им. Между столами возник мужчина и низко поклонился. Он был хорошо одет, и плащ и остальная одежда были дорогими, но уже поношенными. В отличие от местных, он был гладко выбрит, а его волосы до плеч не

были ни умащены, ни собраны в пучок. Он был худощавый. Судя по взгляду его серо-зелёных глаз, ему многое довелось повидать.

– Госпожа, – галантно обратился он, – могу я поговорить с тобой?

Эйс кивнула, радуясь возможности отвлечься. Мужчина подтянул табурет и почти упал на него.

– Позвольте представиться, – сказал он. – Я Аврам, слагатель песен.

– Слагатель песен? – переспросила Эйс.

Он приоткрыл свой плащ, показывая ей висящую у него на плече небольшую арфу.

– Как и вы, госпожа, странствующий певец...

– Эйс, – она протянула ладонь, и он энергично её пожал. – Приятно познакомиться.

– Взаимно.

Немного поколебавшись, он решился:

– Я вот подумал, а не возьмёте ли вы меня с собой, госпожа? По правде говоря, в эти времена Киш не очень хороший город для музыкантов.

Чтобы не отвечать на его вопрос, Эйс сказала:

– А что не так с этим городом?

У Аврама забегали глазки, затем он нагнулся и тихо сказал:

– Люди тут несчастливы. Поэтому у них нет настроения слушать музыку.

Ни хрена себе! – подумала Эйс. – Я настоящая шпионка. Собираю для Доктора слухи.

Она спросила:

– И почему же все такие расстроенные?

Он осторожно прошептал в ответ:

– Потому что среди них живёт богиня Иштар.

Эйс удивилась:

– А я думала, что это хорошо, – пытаюсь вспомнить что-нибудь о древних религиях, она добавила: – Она же вроде делает так, чтобы всходили посевы, и всё такое?

– Едва ли, – сказал Аврам. – Она сидит в своём храме и охотится на своих почитателей. И, как говорят, съедает их.

Эйс внезапно охватил сильный страх.

– В своём храме? – слабым голосом спросила она. – В этом городе? Здесь?

К ней наклонился Гильгамеш:

– Я же тебе говорил, она тут, пыталась меня соблазнить!

Эйс оттолкнула его от себя, стараясь подавить тошноту от его дыхания.

– Если бы я тебя слушала, я бы пропала.

Не обращая внимания на страдальческое лицо Гильгамеша, она снова повернулась к Авраму:

– Это правда?

– Конечно, госпожа, – он был удивлён. – Ты тут, наверное, недавно. Весь город только об этом и говорит. Иштар пришла, чтобы жить в своём храме.

– А про поедание людей? – потребовала Эйс.

Аврам пожал плечами:

– Было обнаружено много тел. Открыто об этом никто не говорит, но слагатель песен слушает и смотрит внимательно. Мне не хотелось бы говорить на такие темы с такой дамой...

– Уж лучше рассказывай, – сказала она, не в силах сдерживать нетерпение, – а не то я вырву твой язык и скормлю его моему ослу, – она указала на Гильгамеша.

– Что же... Их находили с расколотыми черепами, без мозгов.

Ответ Эйс никто не услышал, потому что Гильгамеш вскочил на ноги, испепеляя её взглядом.

– Твоему ослу? – заорал он. – Больше я твою наглость терпеть не буду!

Не собираясь сдаваться, Эйс тоже вскочила на ноги.

– Слушай, ты, алкаш безмозглый! – закричала она. – У меня уже вот где сидят твоё величество и твой синдром непослушных рук!

Она повернулась к Авраму:

– Давай выйдем. Я хочу поговорить.

Он кивнул, довольный, что можно уйти от мускулистого великана.

Гильгамеша так поразил ответ Эйс, что он ничего не сказал. Будучи царём, он не привык, чтобы к нему обращались таким тоном, и чтобы отказывали заняться любовью. Пока он пытался собраться с мыслями, Эйс и Аврам вышли. На улице, на свежем прохладном воздухе, Эйс стало легче дышать. Аврам стоял рядом и ждал. Наконец, она тихо спросила у него:

– А ты знаешь, где этот храм Иштар?

– Конечно. Но ты не сможешь в него попасть.

Абсолютно уверенная, что этот храм Иштар притягивал Доктора, как муху на мёд, она мрачно посмотрела на Аврама.

– Это почему? – спросила она.

– Потому что туда не пускают женщин, только священных жриц.

– Везде одно и то же, – сказала она. – Ладно, этой проблемой я займусь, когда будем на месте. А пока покажи мне дорогу.

Аврам подчинился её воле. Пожав плечами, он повёл её по улицам.

Эйс ни на минуту не сомневалась, что Доктор пошёл именно в этот храм. Заявления Гильгамеша о встрече с Иштар она восприняла скептически, но тихая честность Аврама её убедила. Если в Кише происходит что-то необычное, то наверняка в этом храме. И Доктор просто не сможет не впутаться в неприятности, ему понадобится её помощь.

9. НИТРО-9, БОГИНЯ-0

Казалось, что тени сгущались вокруг Думузи, показывавшего Доктору дорогу через храм. В этом человеке было что-то очень нездоровое, но Доктор не мог понять, что именно. Эти маленькие намёки на неправильность и на опасность начинали уже раздражать его. Хотя в его приключениях и походах против зла очень редко всё бывало ясно, он не любил, когда приходится действовать впотьмах. В этом случае, – подумал он, оглядывая каменные стены, – в прямом смысле впотьмах.

– Бизнес не процветает? – сочувственно спросил он. – Не можете себе позволить ночное освещение?

Думузи посмотрел на него отрешённым взглядом.

– Храм посетили богиня и большая удача, – ответил он. – У нас есть всё, что нам нужно.

– Что же, это хорошо, – весело ответил Доктор. – Не всем так повезло. Я, к примеру, начинаю жалеть, что не взял с собой большой факел. Тут темновато, не находите?

– Так нравится нашей богине.

– О, ну, тогда вопросов нет, – сказал Доктор. – С богиней ведь не поспоришь, верно? Вы когда-нибудь с ней спорили?

– Никогда.

– Я так и думал.

Доктор остановился, с интересом рассматривая алтарь-жертвенник. Судя по оставшимся следам, он без дела не простаивал.

– Да, теперь я и сам вижу, что у вас много работы. Даже удивительно, что у богини есть время встретиться со мной. Она же меня лично примет, я правильно понял?

Думузи снова посмотрел на него поразительно равнодушным взглядом.

– Да. Она заключит с тобой союз.

– О, ну что же, я всеми руками за союзы, – улыбнулся Доктор. – Профсоюзы, почтовые союзы...

– Сюда, – Думузи жестом показал Доктору идти дальше.

У Доктора, однако, не было намерения погружаться дальше во мрак, пока он не был к этому готов. Его инстинкты говорили ему об опасности этих тёмных залов. За прожитые века он пришёл к выводу, что зло предпочитало скрываться во тьме, а не принимать солнечные ванны. Если застать этого жреца врасплох, можно спровоцировать интересную реакцию. Пока что его слова Доктора не удовлетворяли. Доктор произносил анахронизм за анахронизмом, а жрец ни разу не переспросил ничего. Очень необычно.

– А ведь не каждый храм посещает богиня, которой он служит, верно? – спросил он, облокотившись на одну из колонн, и всем своим видом показывая, что он может говорить хоть всю ночь. – Почему это на вас такое благословение снизошло? Вы выиграли конкурс на лучшее содержание храма или на самое лучшее жертвоприношение?

– У богини свои причины делать свой выбор, – Думузи снова показал Доктору, что нужно идти: – Она ждёт тебя.

– Да что вы? – пристально глядя в лицо жреца, Доктор улыбнулся. – А откуда же она знает о моём приходе? Свою визитную карточку я ей не посылал, а телефоном вы вроде бы не пользовались.

– В твоих словах отсутствует смысл, – ответил Думузи.

– Вы не первый, кто говорит мне об этом, – сказал Доктор.

Внезапно у него появилась идея, которую он решил тут же пустить в ход. Его интуиция редко его подводила. А когда подводила, то обычно втягивала его в большие проблемы. Он надеялся, что это не тот случай.

– Меня так раньше никто не оскорблял! – заорал он. – А ну извиняйся, или выходи драться!

Он стал в стойку, которую ему когда-то показал боксёр Джек Демпси: сжал кулаки и поднял их, приготовившись бить. На Думузи это не произвело ни малейшего впечатления.

– Сюда, – повторил он.

– Да, конечно же, – радостно согласился Доктор.

Итак, разозлить жреца не получается. Интересно. Этот человек под каким-то контролем сознания. Каким бы хорошим не было его самообладание, он должен был хоть как-то отреагировать на угрозу Доктора, но на его лице не было даже тени тревоги или хотя бы удивления. Разумеется, при таком освещении нельзя быть уверенным. Но пока что Доктору не нужно быть уверенным... просто нужно быть очень, очень осторожным. Он прошёл за жрецом в дверной проём, а затем встал, как вкопанный.

– Я понял, что это за запах! – воскликнул он. – Это анестезия! Мне больницы никогда не нравились, а это место напоминает мне о больнице! – он постучал ручной зонта по плечу Думузи: – Откуда у такой примитивной цивилизации, как ваша, анестезия?

Думузи не пытался ответить. Вместо этого из темноты со стороны дверей выскочили две жрицы и крепко схватили Доктора за руки. Не в силах вырваться, Доктор заорал:

– Не испачкайте пиджак! Я его только в прошлом веке в химчистку сдавал!

Жрец нагнулся к какой-то нише, а затем пошёл к Доктору, держа в руках какую-то тряпку. Доктор почувствовал запах эфира, и тряпку прижали к его лицу. Он боролся, лягался, а затем глубоко вдохнул, и его тело обмякло.

Думузи смотрел на него с таким же безразличием, как и раньше.

– Богине будет приятно сожрать такой ум, – пробормотал он.

Он указал двум женщинам, чтобы они внесли тело в Святая Святых, ожидать Иштар.

Эн-Гула пряталась за колонной; её сердце трепетало от страха, она отчаянно пыталась решить, что ей делать дальше. Слуги Иштар обманули незнакомца и лишили его сознания. Следуя за двумя мужчинами по храму, она расслышала несколько слов, и хотя большую часть из них не поняла, в ней окрепло убеждение в том, что это был человек, который, возможно, способен помочь. Если он получит Прикосновение Иштар, надежды на помощь от него больше не будет. Его разум станет её, она сможет либо подчинить его, либо сожрать. Но что может молодая жрица сделать одна, как спасти этого странного незнакомца? Попытаться сообщить Нинани? Но что это даст? Пока принцесса получит сообщение, пока примет решение, пока начнёт действовать, у незнакомца уже не будет мозга. Нет, если и есть возможность что-то сделать, это нужно делать сейчас и одной.

Но что?

Чем ближе они подходили к серой громадине храма, тем страшнее было Эйс. Может быть, это ей только кажется, но путешествия с Доктором отточили её чутьё. Она не могла списать своё настроение на простое переживание. В Кише определённо было что-то плохое, и оно жило в этом храме. Она ни секунды не сомневалась, что Доктор нагло пошёл прямо туда, рассчитывая, что его удача и импровизация справятся со всеми проблемами.

Ей казалось, что он слишком сильно доверился своим способностям. Без её помощи он наверняка ввяжется в какие-то настоящие неприятности. Она собралась заходить в храм, но Аврам положил ей на плечо руку.

– Погоди, госпожа, – посоветовал он. – Там тебе не будут рады.

– Это ты точно заметил, – согласилась она. – Но я иду вовнутрь. Я уверена, что Доктор пошёл туда.

Аврам вздохнул. Ему нравилась эта девушка. Она была красивая, талантливая, умная, но слишком своевольная.

– Эйс, – уже не в первый раз объяснял он, – туда можно заходить только священным жрицам. Ты себя за жрицу не сможешь выдать.

– Я и не собираюсь, – Аврам объяснил ей, что у жриц была одна основная обязанность – заниматься сексом с любым мужчиной, который заходил в храм с достаточно щедрым подношением богине. – Можешь называть их жрицами, но там, откуда я родом, это называется другим словом.

– Это честный и почётный труд, – ответил он, шокированный её отношением.

– Да, конечно, с твоей точки зрения. Ты же мужчина, тебе в этой сделке достаётся лучшее.

Он фыркнул:

– Я вряд ли смогу найти столько денег, чтобы купить тут эту услугу, – сказал он ей. – В этом городе музыкой столько не заработаешь.

– А ты сходи в Урук, – сказала она ему. – Особенно, если знаешь хорошие песни о Гильгамеше. Он очень щедр.

Она лишь в пол-уха слушала и его слова, и свои ответы. Она рассматривала здание.

– А теперь идём, попробуем зайти, хватит спорить.

Понимая, что переубедить её не удастся, Аврам кивнул.

– Давай, по крайней мере, я зайду первый, – предложил он. – Я проверю, нет ли там людей, которые могут заметить, что ты заходишь.

Если заметят, что входит он, он изобразит из себя пьяного, и притворится, что пришёл ради сеанса с одной из жриц. Его в худшем случае вышвырнут. А вот если внутри поймают Эйс...

Она неохотно согласилась; он осторожно открыл дверь и зашёл вовнутрь. В первом зале было тихо. Издалека до него доносился звон посуды. Похоже на то, что сейчас тут чествуют только бога еды. Им улыбалась удача... во всяком случае, пока. Он развернулся, чтобы вернуться к двери, и чуть не столкнулся с Эйс.

– Сейчас вечерний приём пищи, – прошептал он. – Мы сможем пройти вовнутрь.

– Отлично, – Эйс пошла за ним, подождав, пока глаза привыкнут к темноте. – Они что, воров не боятся?

Аврам удивлённо посмотрел на неё.

– Воров? – переспросил он. – Кто же посмеет богиню грабить?

– Да, об этом я забыла. Ладно, веди, паломник.

Покачав головой, Аврам тихо пересёк зал и зашёл в главный храм. Там тоже никого не было. От священных костров сейчас остались только угли, которые будут тлеть всю ночь. Несмотря на мрак, было понятно, что кроме них там никого нет. Он мысленно поблагодарил богов за это.

Объяснить встречным что здесь делает Эйс было бы непросто. Он не был уверен даже в том, что сможет объяснить сам себе, зачем он это делает, рискуя своей свободой, а то и жизнью. Ведь не только же потому, что у неё красивое лицо и она хорошо поёт? Они шли дальше, высматривая какие-нибудь признаки того, что друг Эйс был тут. Ни он, ни она не видели ничего необычного, хотя, что касается Эйс, то она не очень понимала, что в храме обычно, а что нет. Аврам поздравил себя с большим везением, и оно, естественно, тут же закончилось.

Приближаясь к площадке перед алтарями, Эйс обходила колонну и наткнулась на одну из жриц. Не успела девушка открыть рот, как Эйс зажала её горло в сгибе своего локтя и зажала ей ладонью лицо.

– Не ори, – предупредила Эйс жрицу. – А то шею сломаю.

Увидев в глазах девушки ужас, она немного ослабила захват.

– Поняла?

Девушка кивнула.

Эйс не знала, что делать дальше. А ещё она не знала почему эта девушка так перепугалась, увидев Эйс. Ну, да, Эйс выглядела немного нелепо в куртке и джинсах, но неужели настолько страшно? Или, может быть, девушка наслушалась историй о привидениях и внезапно

наткнулась на Эйс? Она выглядела почти ребёнком, если не считать развитые голые груди.

– Погоди-ка, – пробормотала Эйс. – А почему это ты не за столом с остальными девушками? Тебя отправили спать без ужина?

Эн-Гула покачала головой, насколько это было возможно с зажатой шеей. Когда она увидела Эйс, она перепугалась чуть не до потери сознания, подумав, что Иштар раскрыла её предательство. Но теперь она в этом сомневалась. Эйс осторожно расслабила захват.

Авраму всё это было неинтересно.

– Надо уходить отсюда, – убеждал он Эйс. – Там, где есть одна жрица, там их сотня.

– Ты их с тараканами не путаешь? – спросила Эйс, отчаянно пытаясь решить что делать дальше.

– Нет, – подала голос Эн-Гула, сама себе удивляясь. – Тут только я. У Думузи две жрицы внутри, охраняют незнакомца, но... – она поперхнулась, потому что Эйс от волнения нечаянно сжала руку.

– Незнакомец? – прошипела Эйс. – Смешной чувачок с зонтом и шляпой?

– Чувачок? Зонт? – переспросила Эн-Гула, когда снова смогла говорить. – Я не знаю этих слов. Но на нём странные одежды, а говорит он так же странно, как ты.

– Так я и знала, – усмехнулась Эйс. – Доктор там.

– Он твой друг? – спросила Эн-Гула, едва осмеливаясь надеяться, что эта необычная личность способна помочь.

– Иногда, – сказала Эйс. – А сейчас я тут, чтобы предупредить его об этом храме.

– Тогда ты опоздала.

Эйс отпустила захват, вдавила девушку спиной в колонну, и надавила локтем на её горло.

– Что ты хочешь этим сказать? – прорычала она, стараясь подавить в себе страх.

– Думузи, верховный жрец, усыпил вашего друга, чтобы приготовить его к единению с Иштар, – объяснила Эн-Гула, пытаясь выровнять дыхание.

– Усыпил? – Эйс покачала головой. Вечно он во что-нибудь вляпается. Посмотрев на девушку, она сказала: – Так, ты собираешься на нас стучать? – видя в глазах полное непонимание вопроса, Эйс добавила: – Ты кому-нибудь о нас расскажешь?

– Даже если бы я и хотела, то не смогла бы, – ответила Эн-Гула. – Я тоже не смогу объяснить что я тут делаю. Если я расскажу о вас, я и себя выдам.

Авраму было тяжело во всём этом разобраться.

– Тогда что ты тут делаешь? – спросил он.

Чем дольше он был с Эйс, тем меньше он понимал что делают другие люди и что они говорят.

– Это долгая история, – сказала Эн-Гула.

– Времени на истории нет. Ни на долгие, ни на короткие, – твёрдо сказала Эйс. Она вынула из кармана банку нитро-9, приготовила её, и увидела две пары непонимающих глаз. – Я пойду туда, чтобы спасти Доктора. Вы, двое, поможете мне или нет?

– Я музыкант, а не солдат, – поспешно сказал Аврам. – От меня всё равно никакой пользы не будет.

– Отлично, – проворчала Эйс. Она посмотрела на Эн-Гулу: – А ты? Мне не помешал бы кто-то, кто знаком с этим зданием.

Сглотнув, девушка медленно кивнула:

– Я помогу тебе.

Надеясь, что поступает правильно, доверяясь этой жрице, Эйс кивнула и пошла за ней.

Увидев, что обе девушки ушли из виду, Аврам набрался храбрости и тоже пошёл за ними, во врата смерти.

Комната была довольно маленькая, метров шесть длиной и три шириной. В центре был каменный алтарь, на котором лежал распростёртый Доктор. Его руки были сложены на груди, держа зонт, а поверх них лежала шляпа. Он громко храпел. Больше никого не было видно.

Сжимая в руке банку со взрывчаткой, Эйс осторожно подошла к нему, оглядываясь по сторонам. Ничего не было видно, ничего не было слышно.

– Так, – прошипела она остальным. – Берите его и тащите к выходу. Я прикрою отступление.

Доктор застонал и открыл один глаз. Думая, что он приходит в себя, Эйс сочувственно склонилась над ним.

– Всё будет хорошо, Профессор, – сказала она ему. – Мы тебя вытащим отсюда.

– Я не хочу, чтобы меня вытаскивали отсюда, – сказал он как можно тише. Она поняла, что он был в полном сознании и только изображал храп. – Мне было очень сложно сюда пробраться. Выметайтесь отсюда, пока никого нет!

Эн-Гула была в шоке:

– Но... Я видела, как тебя усыпили, собственными глазами!

– Эйс, – прошипел Доктор, – забирай своих друзей и уматывай. О моих обходных дыхательных путях расскажешь им по дороге.

Было поздно. Из двери во внутренние комнаты вышел Думузи и уставился на них. Его взгляд прошёл по троим незванным гостям, чуть дольше задержавшись на Эн-Гуле, а затем опустился на Доктора. Доктор понял, что его обман раскусили, и нет смысла притворяться дальше. Он быстро сел и надел шляпу.

– Спасибо вам за постель, – сказал он. – Я немного вздремнул, теперь мне намного лучше. Эйс, пора прощаться.

Поняв его по-своему, Эйс засмеялась и швырнула банку нитро-9 через голову священника. Выталкивая Эн-Гулу и Аврама в тот проход,

по которому они пришли, она едва расслышала возмущённый возглас Доктора.

Раздавшийся позади них взрыв грубо подтолкнул их вперёд. И музыкант, и жрица были слишком перепуганы, чтобы возражать против далеко не вежливого подталкивания со стороны Эйс. Сама же Эйс не задержалась, чтобы убедиться, что Доктор всё ещё с ними. Несмотря на то, что после взрыва у неё в ушах до сих пор был звон, она схватила ещё одну банку с нитро-9, на ходу готовя её к детонации. Перед ними, перекрывая выход, начал собираться взвод стражи, многие стражники на ходу торопливо дожёвывали еду.

Некогда волноваться, – Эйс швырнула взрывчатку как можно дальше. Солдаты подумали, что она своим оружием в них не попала, и просто стояли на месте, вынимая из ножен мечи. Нитро-9 взорвалось позади них, развалив взрывом одну из колонн и распластав их по земле. Каменные осколки изрезали их тела. Эйс перепрыгнула через упавшие тела, не тратя время на то, чтобы рассмотреть, остались ли они живы. Она и Аврам вместе добежали до двери и выскочили на улицу. Эн-Гула, подумав, тоже побежала за ними. Думузи её видел, и остаться в храме могло означать для неё смерть.

Из дверей позади них выползали тучи пыли и дыма, а затем выпрыгнул Доктор; в одной руке он держал шляпу, а в другой – свой драгоценный зонт. Края его пиджака и брюк обгорели.

– Ты что натворила?! – крикнул он Эйс, но не стал задерживаться, чтобы выслушать её ответ.

– Всегда пожалуйста! – проревела она на бегу.

За ними бежали Аврам и Эн-Гула, они следовали, не понимая, что происходит, но зная, что погибнут, если останутся, чтобы подумать.

В храме Иштар царил хаос. Выжившие солдаты гасили огонь, охвативший тростниковые маты и украшения на стенах. Глубже, внешние помещения покоев Иштар были разрушены. Думузи, не обращая внимания на порезы и ушибы, оставшиеся после

опрокинувшего его взрыва, раздавал указания жрицам, начавшим расчищать проход во внутренние покои.

Наконец, удалось сдвинуть достаточное количество каменных обломков, чтобы из-за обвала появилась Иштар. Банка нитро-9 взорвалась далеко от неё, но её гордость была серьёзно задета. Щебень и обломки мешали её металлическому телу ползти по полу, она тряслась от ярости и нетерпения. Смотревшие на Думузи глаза пылали малиновым жаром.

– Дурак, – шипела она. – Незнакомец не уснул от препарата. Должно быть, он как-то позвал помощь. Посмотри, что они с моим храмом сделали!

Думузи спокойно смотрел на неё.

– Ты была в моём сознании, богиня, когда я его усыплял. Ты так же поверила в его притворство, как и я.

Проигнорировав его слова, Иштар обернулась и свирепо уставилась на ближайшую к ней жрицу. Девушка, она из рабынь её сознания, просто безучастно стояла.

– А одна из вас – вас, моих слуг – помогла незнакомцу сбежать. Кто она?

Девушка увидела спроецированное Иштар в её сознание изображение.

– Её зовут Эн-Гула, богиня.

– Она ушла из храма? – спросила Иштар, повернувшись к Думузи.

– Её видели убегавшей вместе с остальными.

– Ей не избежать моей мести, – поклялась Иштар. Она в ярости ползала туда-сюда по полу, перемалывая своей металлической чешуёй щебень. – Ни ей, ни этому незнакомцу, ни двум другим. Они все должны погибнуть. Это ясно?

– Как только их найдут, они умрут, – спокойно согласился Думузи.

– Я пошлю на их поиски стражу.

– Хорошо, – сказала Иштар. Немного успокоившись, она добавила:
– Не видели ли в городе Гильгамеша?

Думузи пожал плечами:

– Я ничего не слышал, госпожа. Как ты знаешь, на его поиски тоже высланы патрули.

– Меня окружают одни недоумки, – злобно сказала она. – Ну хоть кого-то эти идиоты могут найти?

Она быстро уползла размышлять во внутренние покои. В очередной раз давали о себе знать проблемы с её обработанными рабами. Без её руководства они мало на что годились. Единственным выходом было взять на себя полный контроль над их сознаниями, сколько бы сил на это не понадобилось. Разместившись напротив стены, она начала погружаться в нейронные сети, сканируя сознания различных солдат, к которым она Прикоснулась. Она начала направлять их, забыв обо всём, кроме своего желания отомстить тем, кто выступил против её воли, унизил её...

Энкиду от отчаяния был готов заламывать свои волосатые руки. После ухода Эйс Гильгамеш снова вернулся к пиву. Он ненавидел когда ему перечили или отказывали, а Эйс, похоже, нравилось помыкать им. Отчего задача Энкиду легче не становилась. Зная Гильгамеша, он понимал, что задета гордость царя. Проблема была в том, что царю было свойственно вымещать своё недовольство на тех, кто был рядом.

Он был как ребёнок. Пока всё шло так, как ему хотелось, царь был сама доброта и жизнерадостность. В Уруке, понятное дело, всегда всё шло так, как ему хотелось. Многие, конечно, ворчали о его поведении. Но ворчали в основном мужчины, чьи жёны оказались соблазнены или изнасилованы, и ворчали они, естественно, там, где царь их не слышал. А женщин, разумеется, вообще никто не слушал. Но здесь, «в разведке», Гильгамеш не мог заявить о своём божественном статусе,

особенно в случае с Эйс, поскольку она, вполне возможно, богиня. В результате он сидел надув губы и заливал свои печали пивом.

Сейчас Гильгамеш дошёл до той стадии опьянения, которой Энкиду боялся больше всего: ему хотелось с кем-нибудь подраться. Проблема была в том, что Гильгамеш мог кого-нибудь убить голыми руками, даже не заметив этого. А для того, чтобы это началось, достаточно было даже небольшой искры.

Один из выпивох за соседним столом неразумно предоставил эту искру. Сдвинувшись на табурете, чтобы удобнее было пить, он задел локтем бок Гильгамеша. Удар был несильный, царь его едва почувствовал, но всё равно недовольно заворчал.

– Прости, дружище, – сказал мужчина. – Но при твоих размерах тебя, наверное, всё время задевают.

Для Гильгамеша это было достаточным поводом.

– Что? – проревел он, вскакивая на ноги. – Думаешь, тебе можно бить царя и шутить об этом?

– Эй, – пробормотал мужчина. – Я же нечаянно, и извинился.

– Этого мало, – проревел Гильгамеш, и одной рукой схватил мужчину за горло, а второй замахнулся для удара.

Энкиду схватил его за руку, не давая ударить. Энкиду был единственным человеком, кто мог сравниться силой с Гильгамешем.

– Отпусти меня, – тихо сказал царь.

Боясь, что их легенда провалилась, и разведке пришёл конец, Энкиду всё-таки решил попробовать спасти положение.

– Господин, отпусти его. Он не стоит этого. Мне кажется, что нам лучше уйти и...

– Минуточку! – заорал один из мужчин. Плащ, которым неандерталец прикрывал своё волосатое тело, во время борьбы с Гильгамешем раскрылся. – Смотрите, какой мех! – продолжал мужчина. – Так может выглядеть только он – человек-обезьяна, которого держит у себя Гильгамеш из Урука!

Раздались возгласы согласия, которые быстро стихали по мере того, как толпа постепенно осознала, кем должен быть этот великан, пытающийся задушить одного из их друзей. Люди отступили от них, и Энкиду понял, что они на грани того, чтобы послать за стражей. Дипломатия уже ничем не могла помочь, и он отпустил руку Гильгамеша.

– Кажется, мы тут засиделись, – вздохнув, сказал он.

Гильгамеш ударил свою жертву и отбросил в сторону, а Энкиду схватил за край стол, за которым они сидели, и замахнулся им на толпу. С треском дерева и костей стол опрокинул несколько человек.

Гильгамеш потянулся руками под плащ, вынул спрятанный боевой топор и взмахнул им.

– Итак! – усмехнулся он. – Кто хочет умереть?

Комната опустела. Те, кто смог, выбежали через дверь. Парه человек удалось протиснуться в окна. Трактирщик выбежал через задний вход. Хохоча, Гильгамеш подошёл к столу трактирщика и сгрёб все деньги, которые там были.

– Паршивое было пиво, – объяснил он. – Позволить этому мошеннику оставить себе наши деньги было бы оскорблением.

Энкиду было не до того. Пора было уходить из Киша, пока не прибыл патруль. Распахнув ногой дверь, он вышел на улицу. Сориентировавшись, он направился к воротам, через которые они зашли в город. Они должны быть заперты, и должна быть охрана, но охраняют их от нападения снаружи, а не изнутри.

Перед ними появилась группа солдат. Даже в слабом свете он смог различить не меньше дюжины. Энкиду выругался, но прикинул, что если они с Гильгамешем будут действовать быстро, то эти солдаты не успеют послать за подкреплением.

Гильгамеш же не стал рассуждать. Радостно крича, он побежал прямо на стражу. Его топор рассекал воздух, оставляя на своём пути

кровь, кишки, и конечности. Энкиду пошёл следом, рубя мечом оставшихся солдат, чтобы те не могли подойти к царю со спины.

Все двенадцать человек патруля погибли в считанные секунды. Энкиду был немного разочарован, что они так плохо сопротивлялись. Большая часть удовольствия досталась Гильгамешу.

С другой стороны появился ещё один патруль. Энкиду нахмурился: откуда они знали, куда им идти? Командир нового отряда странно улыбнулся.

– Гильгамеш, – с угрозой сказал он. – Я ведь говорила, что отомщу тебе!

Царь фыркнул:

– Парень, я тебя первый раз вижу... раз ты ещё живой.

– О, царь, – с мрачной насмешкой сказал голос мужчины, – ты так быстро меня забыл? – Но когда ты видел меня, я была очаровательной женщиной, а мой зиккурат был развален.

– Иштар! – вырвалось у потрясённого Гильгамеша.

– Так, значит, всё-таки помнишь! – мужчина засмеялся, но его взгляд оставался мёртвым. – А теперь, о царь глупых слов, пора тебе умереть.

Энкиду мог бы сразу сказать этому бедолаге, что это ошибка – говорить с Гильгамешем, а не сражаться. Топор засвистел, и голова мужчины отделилась от его тела. Секунду труп стоял, изрыгая кровь, а затем упал на грязную дорогу.

– Тоже мне, месть! – закричал Гильгамеш и бросился на остальных солдат.

Энкиду хотел последовать за ним, но появился ещё один отряд – солдаты маршировали от туда же, откуда пришёл первый, разбитый патруль.

Командир этого отряда отдал приказ нападать, и Энкиду бросился им наперерез. Командир крикнул:

– Гильгамеш, богиню тебе так просто не уничтожить!

Не оборачиваясь, Гильгамеш громко захохотал:

– Иштар, я рад это слышать. Я боялся, что с тобой будет скучно!

Вдвоём, царь и его спутник продолжали биться, рубя, отражая удары нападавших. Крики падших затихали по мере того, как раненых уносила милостивая смерть, приносимая слугами Эришкигаль, царицы подземного мира. Несмотря на огромную силу, Энкиду и Гильгамеш начали понемногу уставать. Кроме того, из-за крови на дороге стало очень скользко.

– Думаю, нам пора уходить, – тяжело выдохнул через плечо Энкиду, проламывая череп очередного солдата.

– Что? – спросил протрезвевший Гильгамеш. – Уже надоело? – он сделал выпад и отрубил нападавшему на него солдату руку.

Искалеченный человек закричал, и Гильгамеш раскрыл ему голову, чтобы было тише.

– Есть в этих солдатах что-то очень странное, – пытался объяснить Энкиду. Он поставил блок против удара, который мог выпустить ему кишки, и наотмашь ударил нападавшего. – Они не посылают за подкреплением.

– Может быть, они хотят умереть, – предположил Гильгамеш.

Он ударил рукоятью топора по чьему-то животу, а затем ударил лезвием вверх, отрубая голову.

– Но я слышу, что подходят ещё солдаты, – возразил Энкиду. – Этот отряд, должно быть, подал какой-то сигнал о необходимости помощи.

– В этом мире им уже ничто не поможет, – хихикнул Гильгамеш, зарезав последнего врага и глядя, как тот падает. – Давай всё-таки оставим кого-нибудь в живых, а то в следующий раз нам нечем будет в этом городе заняться.

Энкиду быстро согласился и добил последнего солдата, с которым сражался. Вдвоём, они с Гильгамешем повернулись и побежали к городским воротам. Энкиду думал о том, как им выбраться из города,

если остальные стражи будут вести себя так, как предыдущие три отряда, словно их направляли каким-то сверхъестественным способом.

Проблема прохода через ворота была решена довольно просто. Когда они подходили к деревянному ограждению, готовясь убивать стражу и рубить ворота, небо вспыхнуло ярким светом, и раздался оглушительный гром.

– Что же, – сказал Гильгамеш, когда в его ушах перестало звенеть, а дым над развалинами ворот рассеялся. – Похоже, мы знаем, куда пошла Айа.

– Пойдём за ней, – предложил Энкиду.

– Согласен!

Они помчались через обломки брёвен и раненых стражников в темноту за стенами города.

10. ЭЙС В ЯМЕ²

Тишину ночи нарушил рёв льва. Эйс покрепче прижалась к тёмной ТАРДИС и недовольно посмотрела на Доктора.

– Ты просто вредничаешь, – резко сказала она. – Почему ты не пускаешь нас в ТАРДИС? Из-за обиды за то, что тебя спасли, ты позволишь лвам сожрать нас?

– Если лев ревёт, значит, львица только что кого-то убила, – сердито сказал Доктор. – Он не стал бы реветь, если бы охотился на кого-то. И я не хочу, чтобы Гильгамеш побывал в ТАРДИС. Это может повлиять на ход человеческой истории.

– Это он-то? Да он слишком тупой и пьяный, чтобы понять, что такое ТАРДИС.

– Сколько можно спорить?!

Этим вечером Доктор уже не мог больше терпеть Эйс. Если бы она руководствовалась разумом, то просто замолчала бы и дала ему подумать, но она не унималась, продолжая усугублять свою ошибку.

– Слушай, ну откуда мне было знать, что ты воспользовался обходом дыхательных путей? – раздражённо спросила она. – Я думала, что помогаю исправить одну из твоих глупых ошибок.

– У меня не бывает глупых ошибок, – ответил он, пытаясь сохранить достоинство. – Только очень, очень умные. И то лишь тогда, когда я думаю, что ты в кои-то веки сделаешь то, о чём тебя попросили. То, что ты бросила Гильгамеша без присмотра, могло кончиться катастрофой. Эта стража могла и убить его. Если бы ты не вмешивалась, я мог бы уже знать, что в Кише происходит.

² В оригинале название главы (Ace in the hole) имеет второй смысл – «туз в рукаве».

– Если бы я осталась с Гильгамешем, я бы его сама прибила, – отрезала Эйс. – А если бы я не спасла тебя, ты мог бы погибнуть. И что тогда было бы?

Аврам больше не мог слушать их ссору. Он отдал свой плащ Эн-Гуле – её откровенный наряд годился для отапливаемого храма, но не для ночного воздуха – и от холода он тоже становился раздражительным.

– Пожалуйста, – умолял он, – вы можете прекратить спорить? Ведь ясно, что вы всё равно друг друга не слушаете.

– Я не против, – сказала Эйс, отворачиваясь от Доктора. – Больше я его всё равно слушать не смогу.

– Хорошо, – раздражённо сказал Доктор. – Теперь, наконец, спокойно будет. И, возможно, я смогу подумать.

Напряжённая тишина была лучше постоянных споров. Аврам кивнул и вернулся туда, где у небольшого костра, который они рискнули развести, сжалась Эн-Гула. Гильгамеш и Энкиду тихо спали, устав от сражений. Аврам был рад этому – рядом со знатью он чувствовал себя не в своей тарелке. А так он хотя бы сможет поговорить с девушкой.

Она подняла на него взгляд. Её лицо было очень взволнованным, и он ей улыбнулся. Она тоже попыталась улыбнуться, но получилось неубедительно.

– Переживаешь? – сочувствуя, спросил он.

– Я не посмею вернуться в Киш, – со вздохом сказала она. – Иштар меня тогда убьёт. Что теперь со мной будет?

Эйс подошла к ним и села рядом с девушкой.

– Может быть, пойдёшь с нами в Урук? – предложила она. – Найдёшь себе там какую-нибудь вакансию.

– Вакансию? – не поняла Эн-Гула.

– Ну, работу. Профессию. Что ты умеешь делать?

Эн-Гула пожала плечами:

– То, чему меня учили. Я жрица Иштар. Я служу в её храме, отдаваясь её почитателям.

– Отлично, – пробормотала Эйс. – Профессиональный инспектор потолков.

Она посмотрела на спавшего Гильгамеша.

– Что же, ему ты, наверное, понравишься. А ещё что-нибудь умеешь? Что-нибудь полезное?

– То, что я делаю, полезно, – с чувством ответила девушка. – Если я не стану жертвовать своей любовью, как будет Иштар благословлять утробы наших женщин? Как даст нам Энки свои сладкие воды жизни? Как Нисаба даст нам свой божественный дар посевов? Как Эннуги будет следить за...

– Я поняла уже! – перебила её Эйс, опасаясь полного перечисления всех богов и богинь Месопотамского пантеона. – Если ты перестанешь давать, они тоже перестанут давать.

– Ты говоришь странно, – сказала Эн-гула, – но правильно.

– А ты никогда не задумывалась о том, что, возможно, посевы взойдут и без того, чтобы ты ложилась в постель с любым, кто за это заплатит? – спросила Эйс. Она терпеть не могла, когда людей использовали вот так ради глупых суеверий.

Эн-Гула засмеялась.

– Ты, наверное, шутишь! Если боги оставят посевы без присмотра, те вообще перестанут расти! Мы бы голодали! То, что я делаю, жизненно необходимо для благополучия нашего народа.

Подумав ещё немного, она добавила:

– Кроме того, работа эта несложная, заниматься ею приходится не часто. И говорят, что у меня очень хорошо получается.

Эйс горько засмеялась.

– Работа не пыльная, зарплата хорошая, – прокомментировала она. – Ёлки-палки, мне тебя жалко.

Доктор похлопал её по плечу.

– Феминизма ещё несколько тысяч лет не будет, Эйс, – сказал он ей. – Они тебя просто не понимают.

– А ты одобряешь шлюшек в храме? – резко спросила она.

– Мои личные чувства не имеют отношения к этой цивилизации, – важным тоном сказал он. – Я не должен вмешиваться в её естественное развитие. А вот неестественное развитие – совсем другое дело.

Он улыбнулся Эн-Гуле:

– Юная леди, я так понял, что вы работаете в храме Иштар?

Девушка пожала плечами:

– Боюсь, что больше мне там не рады.

– Что же, это мы потом исправим, – Доктор сел перед ней, скрестив ноги. – А пока что, вы не могли бы рассказать мне о том, что происходит в Кише? В частности, обо всём, что связано с Иштар.

И Эн-Гула, уже второй раз за этот день, начала рассказывать новому другу об ужасных событиях, свидетельницей которых она стала. Ошеломлённая Эйс перестала высказывать Доктору претензии. Аврам старался всё запомнить, явно для последующего использования в профессиональных целях.

В конце своего рассказа Эн-Гула сказала Доктору:

– Принцесса Нинани боится, что Иштар уничтожит весь Киш. Она хочет найти способ уничтожить богиню первой.

– Какая проницательная, – прокомментировал Доктор. – Но ваша богиня может уничтожить не только Киш. Она, возможно, подвергает опасности всю планету.

У Эйс мурашки пробежали по коже.

– Ты правда думаешь, что она какая-то богиня? – тихо спросила она.

– Нет, – задумчиво ответил Доктор. – Судя по тому, что я услышал, Иштар – какой-то кибернетический организм. Она явно мысленно общается со своими слугами, у неё с ними какая-то электронная связь.

– Электронная? – медленно переспросила Эйс, задумавшись. – В электронике ведь используется медь, так?

– И медь тоже... – Доктор замолк, поняв, к чему клонит Эйс. – Стены! Конечно! Иштар покрывает стены медными узорами... – он нагнулся и начал чертить на земле кончиком своего зонта. – Аврам, Эн-Гула, помогите мне. Я хочу нарисовать план стен Киша. Тех, на которых Иштар разместила свои так называемые «украшения».

Ничего не поняв из того, о чём говорили Доктор и Эйс, Аврам и Эн-Гула сделали то, что им сказали: палочками начертили те части стены, которые они знали.

Через какое-то время, после долгих споров, на земле была начерчена грубая схема. Доктор качнулся на каблуках и ткнул в неё кончиком своего зонта.

– Какой-то продвинутый радиопередатчик, – благоговейно заявил он. – Если его подключить к подходящему источнику питания, он сможет передавать сигнал, который покроет всю Землю.

Эйс задумчиво сказала:

– Я помню, в школе читала о том, что где-то тут откопали что-то вроде примитивной электрической батареи, Профессор.

– Наверное, один из прототипов Иштар, – сказал он. – Для этого потребуется очень много сделать. Местные технологии практически отсутствуют, а ей понадобится много энергии, если она собирается сделать то, что я думаю.

Он замолчал, и Эйс поняла, что он ждёт очевидного вопроса. На секунду она подумала, что назло ему не станет спрашивать. Но тогда ей не узнать, что происходит.

– Что, по-твоему, она затеяла?

– Судя по тому, что мне удалось узнать, – довольным голосом начал он поучать, – я бы сказал, что у Иштар есть какая-то связь с мозгами некоторых людей. Например, с этим жрецом... – он посмотрел на Эн-Гулу.

– Думузи, – подсказала она.

– Думузи, – продолжил Доктор. – Это объясняет его отсутствующий взгляд, неспособность удивляться. Она не может разместить эти устройства в большом количестве людей, потому что для этого понадобилось бы большое количество энергии. Даже при помощи компьютеров ей будет тяжело разобраться с более, чем десятком сознаний, одновременно. Такого рода передатчик, – он снова ткнул в начерченную на земле карту, – позволит ей расширить связь до кого угодно на Земле. Контролируя ключевых персон, она сможет управлять всей планетой буквально через несколько десятилетий. Вообще-то, это довольно изобретательно. Всё, что ей нужно – подходящий источник энергии.

Эйс фыркнула:

– Они до сих пор дрова жгут, Профессор. Где ей взять энергию?

– Да тут её полно, – ответил Доктор. – Под этой землёй огромные нефтяные месторождения. На реках можно строить гидроэлектростанции. Энергия, как на мой взгляд, наименьшая из её проблем.

Эйс представила себе Киш с нефтяными вышками, генераторами, автомобилями... на четыре с половиной тысячи лет раньше.

– Это может немного подпортить историю, – сказала она.

– Совсем чуть-чуть, – рассеянно согласился Доктор. – Аврам, а давно уже длится это строительство?

Не понимая разговор Доктора и Эйс, Аврам уже почти уснул. Он резко подскочил.

– Что? Не больше нескольких недель. Дней сорок, наверное.

– Хм... – Доктор снова посмотрел на план. – В таком случае, у нас, я бы сказал, примерно столько же времени на то, чтобы победить её. Как только передатчик будет построен и включён, она станет такой сильной, что её уже не остановишь.

Эн-Гула ухватила за его слова:

– Ты считаешь, что есть возможность остановить богиню? – с надеждой спросила она.

– О, да. Для этого нужно немного везения и много ума. И то и другое, посмею заметить, мне свойственно.

– Слава богу, что для этого не нужна скромность, – сказала Эйс. – Иначе нам пришёл бы конец.

Доктор снова недовольно посмотрел на неё, но сказал лишь:

– Интересно, как Иштар сюда попала?

Эн-Гула пожала плечами:

– Она спустилась с неба.

Эйс щёлкнула пальцами:

– Этот «семенники-вместо-мозга», – она указала на Гильгамеша, – сказал, что встречал эту Иштар в горах, на полпути отсюда до Урука.

– Правда?

– Да, – пожав плечами, она добавила: – Но я бы не сильно верила тому, что он говорит.

– Я без доказательств тоже не поверю, – согласился Доктор.

Он подошёл к спящему царю и легонько ткнул в него зонтом. Гильгамеш вскочил на ноги, потянулся рукой за топором, но, увидев перепуганного Доктора, тяжело вздохнул.

– Меня опасно так будить, Эа. Что ты хотел?

Указывая на Эйс, Доктор вежливо сказал:

– Моя спутница говорит, что ты встречал Иштар в горах.

– Было дело, – зевнул Гильгамеш. – Говорливая хитрая гарпия. Обмануть меня хотела.

– Надо же, – положив руку на мускулистую шею Гильгамеша (насколько смог дотянуться), Доктор добавил: – А ты сможешь показать нам на обратном пути в Урук то место, где это случилось?

Гильгамеш пожал плечами:

– Если это важно.

– Важно, Гильгамеш.

– Ну, тогда завтра, – зевнул царь. – Сейчас мне нужно поспать.

– Отличная мысль. Давайте все ляжем баиньки.

Доктор не уgomонился, пока все не устроились спать. Сам он не спал. Небрежно облокотившись на ТАРДИС, он зорким взглядом смотрел за остальными. Когда он убедился, что все уже в объятиях Морфея, он тихо отпер дверь и зашёл в свой корабль.

Доктор стоял на краю ударного кратера и глядел в сторону его тёмного дна.

– Даже не знаю, как мне это удаётся, – пробормотал себе под нос, но Эйс услышала.

– Что удаётся? – спросила она.

– Начинаю с одним человеком, а в итоге целая цирковая труппа собирается.

Доктор оглянулся через плечо на их четверых спутников. Аврам и Эн-Гула всё утро тихо разговаривали, что было разительным контрастом на фоне Гильгамеша и Энкиду. К удивлению Эйс, царь проснулся без единого признака похмелья, готовый долго идти не снижая скорости. Хотя она считала себя физически подготовленной, она была рада, что представился шанс немного отдохнуть.

Доктор, как всегда любопытный, казался неутomимым. Он пошёл вниз по склону и оглянулся на неё, приподняв бровь. Вздохнув, она пошла за ним. Ему, похоже, не приходило в голову, что ей может быть нужен небольшой отдых. Остальные молча пошли за ней.

– Эй, – крикнула Эйс вперёд. – А почему это вчера Иштар за нами солдат не послала?

– Наверное, её радиосвязь ограничена окрестностями города, – отсутствующим голосом ответил Доктор. – А доверять поимку Гильгамеша неуправляемым солдатам она не хочет. Вспомни, что было, когда она попыталась это сделать вчера утром.

– Значит, тут мы в безопасности?

– С чего это вдруг?

Глядя на спину Доктора, Эйс проворчала:

– Вот спасибо. По-настоящему меня обнадёжил.

– Не будь такой... Ага! – он резко остановился, и она натолкнулась на его спину.

Он смотрел на дно ямы. Он вынул из кармана большой электрический фонарь. Это был один из предметов, которые он ночью взял в ТАРДИС. Он включил его и дал Эйс. В ярком луче фонаря он поспешил туда, где что-то заметил. Это был блеск металла. Аврам поражённо таращился на фонарик.

– Теперь я начинаю верить, что ты и вправду Айа! – не выдержал он. – Свет из руки!

– Брось, – проворчала она. – Это просто фокус, нет тут никакой божественности. Её божественный статус начинал её нервировать. – Эй, Профессор, что там?

Доктор рассматривал найденный кусок металла. Небрежно отбросив его в сторону, он сказал:

– Обломок теплового экрана. Тут их много. Пойдём.

Гильгамеш недоверчиво всмотрелся в темноту.

– Тут сидела эта хитрая Иштар, – сказал он. – Не опасно ли туда идти?

– Наверное, опасно, – ответил Доктор, не останавливаясь. – Оставайтесь все там.

Он пошёл вперёд, Эйс старалась освещать ему дорогу. Ещё через несколько минут, пройдя мимо ещё нескольких обломков металла, они были на дне ямы. Перед ними было что-то вроде конуса, сильно помятого и исцарапанного при спуске. Он был высотой около шести метров и формой был похож на старый (а для этого времени будущий) космический корабль «Аполлон».

– Спасательная шлюпка, – размышлял Доктор. – Иштар, значит, побывала в серьёзной передрыге. Думаю, главный корабль взорвался

рядом с ней. Есть царапины от разных кусков металла, а так же обгоревшие места из-за входа в атмосферу под неправильным углом.

– Это её зиккурат, – проворчал Гильгамеш. – Ты уверен, что она не в нём?

– Она в Кише, – объяснил Доктор. – Но я очень удивлюсь, если она не оставила тут небольшой подарок.

Нагнувшись возле главного люка, он усмехнулся:

– В этом году рождество наступило рано!

– Что там, Профессор? – Эйс направилась к нему.

Он указал на дверь, она увидела, что поперёк порога натянут металлический провод.

– Примитивно, – насмешливо сказал он. – Но, наверное, она не могла тратить силы на что-либо более изощрённое. Впрочем, этого было бы вполне достаточно, – он осторожно перешагнул через растяжку и проследил за проводом. На его конце был небольшой пакет.

– Тебе это понравится, Эйс. Термитная бомба. Несколько примитивно, но эффективно. Если бы мы задели тот провод, наши земные страдания уже прекратились бы.

Отсоединив детонатор, он швырнул бомбу спутнице. Эйс легко поймала её и тут же начала изучать.

Доктор взял у неё фонарь и осветил внутренности корабля. Пустые стойки и свисающие провода. Из оборудования ничего не осталось. Внутрь намело пыль, песок, сухие листья.

– Похоже, что большую часть декораций она забрала в Киш.

В луч фонаря что-то попало, и Доктор остановился. Это было барельефное изображение, под которым была инопланетная надпись. Изображение состояло из трёх перевёрнутых треугольников – два сверху, один внизу – которые формировали большой треугольник.

– Как думаешь, что это? – спросила Эйс.

– Понятия не имею, – ответил Доктор, с интересом рассматривая символ. – Это какой-то язык, с которым я раньше не сталкивался, и картинка тоже ни о чём не говорит.

– Я видел такое раньше, – сказал со стороны двери Аврам.

Доктор развернулся на пятках лицом к певцу.

– Правда? Ты много путешествуешь, да?

– Музыкант всегда странствует, Доктор, – ответил Аврам.

Он опустил руку в висевший на его поясе кошель, и вынул оттуда маленький металлический диск. С одной стороны на нём был такой же символ, как в корабле. А на обратной Доктор удовлетворённо заметил небольшую печатную плату.

– Где ты это нашёл? – спросил он. – На равнине?

– Далеко отсюда, – ответил Аврам. – Когда я был в горах Машу. Я взял это у зукакипов.

– У кого? – спросила Эйс.

– У людей-скорпионов, – объяснил Аврам. – Их было двое, они имели форму мужчин, но с телами и жалами скорпионов.

Эйс подозрительно посмотрела на него.

– Ты меня разыгрываешь, да? – с надеждой спросила она.

Он посмотрел на неё, не понимая:

– Причём тут игры?

– Ты же не серьёзно говорил о людях-скорпионах?

– Серьёзно, – его удивило, что она ему не поверила. – Ты разве не слышала историю об Утнапиштиме?

– Истории будем слушать позже, – резко остановил его Доктор. – Идёмте, – он вышел и подошёл к Гильгамешу.

– Думаю, нам пора возвращаться в Урук, – сказал он. – Пора начинать планировать наши действия.

Широко усмехнувшись, Гильгамеш хлопнул Доктора по спине, чуть не сбив того с ног.

– Отлично! Военные планы, да? Пора напасть на эту гарпию Иштар и уничтожить этот недоразвитый Киш?

Эн-Гула ахнула от ужаса, и царь посмотрел на неё.

– Не обижайся, – по-доброму сказал он, – но Киш – это выгребная яма пред очами богов. Годится лишь на то, чтобы на него помочиться или спалить дотла.

– Я больше думал об освобождении Киша, чем о его уничтожении, – ответил Доктор.

– О, – Гильгамеш, похоже, расстроился. Но затем улыбнулся и подмигнул: – Я понял! Освободить город! Ха! Отличная идея! Освободить и передать под мой контроль.

– Чёрт возьми, – пробормотала Эйс. – Он безнадёжен.

Пока Доктор был занят, она засунула термитную бомбу в карман куртки. Никогда не знаешь, когда такая штука может пригодиться, особенно если с Доктором странствуешь. Ему она говорить о своём приобретении не стала. Несмотря на свою тягу к опасностям, он, казалось, не понимал полезность оружия.

– Обсудим это в Уруке, – предложил Доктор Гильгамешу. – За хорошей трапезой и кувшинчиком пива.

– Доктор Эа, – усмехнулся царь, – мне нравится ход твоих мыслей!

Он ещё раз хлопнул Доктора по спине и пошёл выбирать из ямы.

Покачнувшись, Доктор восстановил равновесие и пошёл следом. Остальные пошли за ним – странная процессия снова была в пути.

Царь Агга был в очень плохом настроении. Он только что вернулся с очередного разговора с Иштар, и был совсем не в духе. Богиня была в бешенстве из-за того, что кто-то проник в её храм и, возможно, повредил её бесценные секреты. Она выместила свой гнев на царя, и он, в свою очередь, сидел у себя во дворце, погружённый в мрачные мысли.

Нинани, на лице которой отпечатался страх за отца, легла перед ним ниц. Она была решительно настроена поговорить с ним ещё раз. Через мгновение он поднял взгляд и нахмурился.

– Дочь, – сказал он, – это плохое время для разговоров. На храм Иштар напали, богиня в ярости. Она пригрозила городу всем, чем только можно. Мне нужно подумать. Оставь меня.

Несмотря на свои страхи и переживания, Нинани подчинилась приказу и вышла из тронного зала. Когда стражи закрыли двери, отрезав её от отца, она развернулась и увидела перед собой свою служанку Пуаби, почти прыгавшую от нетерпения.

– В чём дело, старуха? – грубо спросила принцесса.

– Госпожа, ужасные новости, – она шла по пятам за принцессой. – Кто-то напал на богиню Иштар в её...

– Это я уже слышала, – холодно сказала Нинани. – Жаль, что они её оттуда не выгнали.

– Не говори так, госпожа! – в ужасе прошептала Пуаби. Она оглянулась, проверив, не услышал ли кто-нибудь это. – Мы благословлены её присутствием. Но...

– Но что?

– Госпожа, по словам одного из прихожан богини, одна из храмовых девушек помогала незнакомцам, напавшим на Иштар. Моя племянница, Эн-Гула!

Поражённая Нинани обернулась.

– Что с ней случилось? – спросила она нетерпеливо. – Она жива? Богиня её схватила? – она представила себе, что может случиться, если Иштар заставит девушку говорить.

– Нападавшие сбежали, – ответила Пуаби. – Эн-Гула сбежала вместе с ними. Госпожа, прости! Я не знала, что она такая испорченная! Напасть на богиню в её же храме! Куда катится мир? В мои годы молодёжь...

Нинани позволила служанке причитать, а сама задумалась. Что бы Эн-Гула ни сделала, она единственная знала о том, что принцесса замышляла что-то против Иштар. Несколько слов этой девушки могли означать для Нинани конец, несмотря на царское происхождение. Что происходило? Нинани вздрогнула, представив себе все возможные варианты. Если Иштар узнает... Или хотя бы её отец... С кем сговорилась эта девушка, что она сейчас делает? От этой неопределённости и страха у неё скрутило живот, принцесса Киша почувствовала, будто коридор завертелся вокруг неё. Вскрикнув, она упала на жёсткий каменный пол.

11. ПИР ГОРОЙ

К удивлению Эйс, дворец Гильгамеша оказался вовсе не таким грязным, каким она его себе представляла. Урук был похож на Киш – город с высокими стенами, рядом с рекой – и примерно того же размера. Мост через реку вёл к главным воротам, где на неё уставились сверху два крылатых льва, вырезанных из привезенного камня. Улицы были широкими и поразительно чистыми. На улицах и в скверах росли деревья, здания не нуждались в ремонте. Единственное, что казалось её странным – в зданиях не было окон. Она сказала об этом Авраму, и тот улыбнулся.

– Защита от посторонних глаз, госпожа, – объяснил он. – Каждое здание построено вокруг открытого центрального двора, в который и выходят окна. Ведь было бы непристойно, если бы семьи позволяли случайным прохожим смотреть на себе, разве не так?

Эйс вспомнила ряды окон в Перивейле, которые все выходили на улицу, и все были закрыты гардинами.

– В чём-то ты прав, – согласилась она.

В центре города стоял большой зиккурат. Это была ступенчатая пирамида высотой шестьдесят метров, на вершине которой стоял храм. В ней было семь ступеней-уровней, на каждой из них были алтарь и дорожка, обходящая вокруг всей пирамиды. Там было полно людей. Храм затмевал своими размерами все остальные здания, включая царский дворец, в котором было всего лишь два этажа, хотя и построенных с размахом.

Городская стража предупредила Совет о возвращении Гильгамеша, как только заметила приближение его отряда. Когда Гильгамеш вёл всех ко дворцу, появилось несколько аристократов, которые тут же пали перед ним ниц. Для их одежды это было не очень полезно – дорога не была сухой.

Гильгамеш, явно довольный такой встречей, нагнулся к одному из распростёртых людей.

– Встань, Эннатур, – сказал он с напускной строгостью. – Надеюсь, с моего отъезда ничего плохого не случилось?

Эйс не понравился хитрый взгляд бородатого Эннатума. Несмотря на его елейные слова, большой радости прибытию царя на его лице не было.

– Господин, – сказал советник, потирая руки, – город процветает, и все рады твоему благополучному возвращению. Пир уже готовится...

– Хорошо, – сказал Гильгамеш и пошёл к дворцу.

Его окружили стражи, и выросшая процессия пошла дальше.

Оглядываясь по сторонам, Эйс увидела ещё одного аристократа – невысокого жирного мужчину, который с трудом за ними поспевал. Он был бледный, как простыня, и ей стало интересно почему. Он не любит Гильгамеша? Что же, в этом его сложно обвинить – царь был той ещё занозой в заднице. Но всё равно странно. И тут она сообразила. Гильгамеш попал в засаду, когда пытался пройти в Киш, и кто-то должен был предупредить кишитов о его приходе. Криво усмехнувшись, она подошла к толстячку-предателю и толкнула его локтем в бок.

– Эй, – мягко сказала она. – Ты чего такой нервный? Удивлён, что царь вернулся, да? Думал, у него не получится?

Мужчина выпучил на неё глаза, чуть не упав от ужаса в обморок. В точку! С первого раза! Она усмехнулась его ужасу.

– Остынь, – сказала она. – Если он такой тупой, что сам не догадался, то я ему не расскажу, – она пошла дальше, оставив поражённого предателя наедине с его мыслями.

Эннатур заметил, что Эйс подходила к Гудее, и бледное лицо этого идиота говорило само за себя. Почему он не скрыл свои эмоции? На него эта девушка, кем бы она ни была, даже не посмотрела, значит ему

ничего не грозит... пока. Но теперь придётся избавиться от Гудеи, пока тот не проболтался.

Аврам заинтересованно смотрел по сторонам. Раньше он никогда в Уруке не был. Город производил впечатление богатого. Музыкант тут сможет хорошо зарабатывать на жизнь, – размышлял он. Особенно если принесёт плоды та идея, над которой он размышлял. Он ободряюще улыбнулся Эн-Гуле. Она выглядела бледной: в Кише её приучили считать жителей Урука в лучшем случае убийцами и насильниками. Эта поездка была для неё всего лишь меньшим из двух ужасных зол, несмотря на заверения Гильгамеша о царской защите. И Аврам, и Эн-Гула знали, что у царей память короткая и непостоянная.

Что же касается Доктора, то он свои мысли держал при себе. Он тербил пальцами устройства, которые положил себе в карманы во время полуночного посещения ТАРДИС, и надеялся, что его выводы верны. До сих пор все факты указывали на одно.

Они прибыли во дворец. Стража распахнула широкие двери, и Гильгамеш вошёл вовнутрь, игнорируя всех, кто падал ниц на его пути. Он прошёл прямо в тронный зал, и опустился на трон.

– Так, – сказал он, когда все собрались вокруг. – Вначале омовение и умащение маслами. Затем я хочу пировать. После этого, Доктор, ты и я поговорим с моим Советом и изложим наши планы. Эннатум, проследи, чтобы Доктор и его друзья получили одну из царских палат. Им тоже нужно будет освежиться перед пиром. И дай им чистую одежду. Ну?.. Чего вы все ждёте? За работу! – он хлопнул в ладоши, и все вокруг засуетились.

Эйс увели две служанки; прямо на ходу они сняли с неё мерки. Она увидела, что Доктора и Аврама увели в одни двери, а её и Эн-Гулу вежливо, но настойчиво завели в другие.

Она осмотрела комнату со смесью изумления и разочарования. Комната немного отличалась от её спальни в Перивейле. В каменных стенах были только маленькие окна, высоко над полом. Освещение

обеспечивали развешенные по всем стенам тростниковые факелы, пропитанные воняющим битумом. Было две низкие кровати, покрытые мехами и грубой тканью. Вместо подушек были деревянные блоки. В комнате было несколько стульев и столиков, большинство из них были украшены резными изображениями существ неприятного вида. Излюбленными темами были, похоже, пантеры и антилопы.

Эн-Гулу обстановка, похоже, тоже поразила.

– Какая роскошь, – прошептала она, оглядываясь по сторонам.

Эйс фыркнула.

– Если тебе это нравится, то понравилось бы и в Перивейле, – усмехнулась она.

Девушка посмотрела на неё.

– Перивейл – это дом богов?

Эйс не знала, что ответить. Осторожно, она сказала:

– Не совсем. Это, скорее, у чёрта на куличках. Но по сравнению с этим жильём, даже квартира в многоэтажке – роскошь.

Эн-Гула покачала головой:

– Я тебя не понимаю.

– Ничего страшного, – сказала ей Эйс. – Иногда я сама себя не понимаю. Эй! Вы что делаете? – возмутилась она, когда одна из служанок начала стягивать с неё куртку.

– Готовим тебя к купанию, – ответила девушка, низко поклонившись.

– Руки прочь от меня, – отрезала Эйс. – Помыться я могу сама.

Однако она была вынуждена признать, что после событий предыдущей ночи было бы чудесно лечь и понежиться в ванне.

Эн-Гула покачала головой.

– Госпожа, – сказала она, – я не знаю как там, откуда ты прибыла, но здесь ты обязана позволить им помочь. Это их долг.

Оглядев четырёх молодых девушек, Эйс покачала головой.

– Отвалите, – сказала она, по возможности добрее. – Просто покажите мне где ванна, а дальше я сама.

Они явно не могли её понять. Эн-Гула ещё раз попыталась объяснить:

– Айа, этим девушкам царь приказал помогать тебе. Если они этого не сделают, он может их казнить.

– Что?

Посмотрев на служанок, Эйс поняла, что жрица говорит правду. И с этого царского придурка станется убить девушек. Вздохнув, она протянула руки:

– Ладно. Но осторожнее с курткой, а не то я вас убью раньше Гильгамеша.

Хотя Эн-Гуле было привычнее обслуживать самой, чем быть обслуживаемой, будучи царской гостьей, она тоже приняла услуги служанок. И она, и служанки в равной степени поразились как количеству, так и качеству одежды, которая была на Эйс. Они очень долго ощупывали её бельё и кеды, и Эйс заорала, чтобы переходили уже, наконец, к купанию.

Эйс рассчитывала полежать в ванной. Её ждало разочарование. Две девушки внесли нечто, похожее на старые жестяные тазы, в которых, по рассказам пенсионеров, они мылись перед камином за полстолетия до её рождения. Стоя, как ей было указано, в одном из тазов, Эйс взвизгнула, когда ей на голову вылили ведро холодной воды.

– Господи! – через какое-то время, стуча зубами, смогла сказать она, – у вас тут что, воду не принято греть?

Служанки выглядели немного озадаченно.

– Зачем, госпожа?

– Я думаю, что вы бы жили дольше, если бы не доводили себя до такого шока, – сказала Эйс, и тут же на неё вылили второе ведро. Отплёвывая холодную воду, она поморщилась от того, что две девушки

начали скрести её чем-то наподобие ножей для масла. – Эй, что вы делаете?

– Очищаем тебя, госпожа, – объяснила служанка.

– Просто дайте мне мыло, – пожаловалась Эйс.

– Мыло?

Остальная часть приёма ванной была таким же кошмаром. После того как служанки выскребли её кожу почти до крови, они вылили на неё ещё два ведра ледяной воды. Пока она дрожала, они набросились на неё с грубыми полотенцами, которые едва не содрали с неё остатки кожи. Затем они принесли две вазы, наполненные вязкими жидкостями, которые пахли как витрина парфюмерного магазина, по которой потоптался слон. – Только не говорите мне, что это шампунь, – протестовала она. – Я не собираюсь это в свои волосы лить.

– Что?

– От женщин должно приятно пахнуть, госпожа, – объяснила служанка. – Это очаровывает их мужчин.

– Зато меня это не очаровывает, – возражала Эйс. – Если вы это на меня выльете, я буду пахнуть как ходячий баллончик с антиперсперантом.

Удивлённая Эн-Гула спросила:

– Разве Доктору не нравится, когда ты пахнешь?

– Мне плевать на то, что ему нравится, – твёрдо заявила Эйс. – Я делаю так, как мне нравится.

Это сбilo с толку и служанок и жрицу. Она представила царя, Доктора, и бесконечную череду придворных, которые осуждающе что-то говорят.

– Ладно уж, давайте, – в конце концов согласилась она.

Девушки начали втирать масла в кожу Эйс. Когда первый шок от насыщенного запаха немного прошёл, Эйс была вынуждена признать, что это было довольно приятно. Что-то вроде хорошего массажа, –

подумала она. Масла охлаждали раздражённую скребками кожу, и в конце концов она решила, что может смириться с этим запахом.

Но когда дело дошло до одежды, она решила всё-таки проявить характер. Они ей принесли только два куска материи и пару сандалий.

– Что это? – спросила она.

– Твоя одежда, госпожа, – сказала ей служанка.

Эйс осмотрела лоскуты пурпурной ткани.

– У меня бикини были и то скромнее, – сказала им она, игнорируя тот факт, что они это не могли понять. Она вернулась в другую комнату, а служанки, причитая, семенили следом. – Я своё обычное барахло одену.

– Это будет большим оскорблением царя, – со слезами на глазах жаловалась старшая служанка. – Он лично выбирал тебе одежду.

– Охотно верю, – сказала Эйс. – Он же у вас сексуальный маньяк.

Служанки были напуганы тем, что она проигнорирует приказ царя. Не желая заставлять девушек переживать сильнее, чем это было необходимо, она согласилась примерить одежду.

Наряд оказался именно таким откровенным, как она и боялась. Кусок ткани поменьше был обёрнут вокруг её бёдер, примерно на месте трусов. А большая тряпка была накинута на плечи, как сари, которые носила её подруга Маниша, и заколоты красивой золотой брошью.

– Ни за что, – твёрдо решила она.

Слишком открытые ноги, и недостаточная защита от Гильгамеша и его рук. Она снова разделась и, несмотря на возражения служанок, надела своё бельё и джинсы. Затем, поверх этого, она позволила им надеть на неё сари. Посмотрев на куртку, она неохотно согласилась оставить её в комнате. Причитающим служанкам она сказала:

– Либо так, либо я вообще не пойду на пир.

– Царь будет не доволен, – сказала Эн-Гула.

Сама она была одета в белый вариант сари, и хотя ноги у неё были голые, грудь её была прикрыта впервые с момента их знакомства.

– В задницу царя, – прокомментировала Эйс.

На мгновение ей показалось, что служанки упадут в обморок, но им удалось взять себя в руки. Не обращая на них внимания, Эйс усмехнулась своей спутнице:

– А ты выглядишь более одетой.

Эн-Гула осмотрела себя.

– Было бы неприлично предстать жрицей Иштар во дворце царя Урука, – объяснила она.

– Да ладно тебе, – засмеялась Эйс. – Ему бы понравилось. Может, он оставил бы меня в покое, если бы у него перед носом твои сиськи мелькали.

– Тебе не нравится его внимание? – удивлённо спросила Эн-Гула.

– Именно так, – согласилась Эйс.

– Но это же честь, – пыталась объяснить девушка. – Быть возлюбленной царя – это особое благословение.

Эйс фыркнула:

– Готова поспорить, что в этом городе Гильгамеш уже всех женщин благословил как минимум по разу. Он просто не в моём вкусе.

Это молодой жрице тоже не было понятно. Эйс решила сдаться и не объяснять.

– Просто я решила отказаться от этой чести, – сказала она. – Когда там уже этот пир? Я есть хочу. Могла бы лошадь съесть, – и тут она заволновалась: – Слушай, а что за еду тут подают? Не в самом же деле лошадь, я надеюсь?

Эн-Гула пожала плечами.

– Наверное, жареную птицу, хлебные лепёшки, или что-то в таком духе. Царь очень хорошо питается. Может быть, будет даже красное мясо и настоящий хлеб.

Эйс закатила глаза:

– Никогда больше не буду жаловаться на Перивейл! – пробормотала она. – Где мой бутерброд с беконом?

С интересом и осторожным любопытством Иштар осмотрела лежащие на столе перед ней фрагменты. Это были найденные стражами среди развалин осколки устройства, вызвавшего повреждение помещений храма.

– Какое-то взрывное устройство, – размышляла она, размахивая туда-сюда хвостом по твёрдому каменному полу. – Куски алюминия, азотное соединение.

Она выключила анализаторы и смахнула рукой осколки на пол.

– Явно за пределами ваших, людских возможностей или даже воображения, – сказала она Думузи.

Он ждал, услужливый как никогда, у самой двери. Она снова обернулась к нему.

– Тем не менее, я не думаю, что мужчина и женщина, которых ты видел, были из сборища трусов Утнапиштима.

Она заставила его разум вернуть изображение этой пары.

– Девушка... – задумчиво сказала Иштар. – Она могла бы быть с моей планеты. Она выглядит гораздо живее и интереснее, чем твой невзрачный народ, Думузи. Из неё могла бы получиться хорошая служанка... или вкусная трапеза.

Затем она вызвала в сознание жреца изображение мужчины.

– Странная одежда, странные манеры, – тихо сказала она. – И каким-то образом ему удалось устоять против усыпляющего препарата. Он не может быть одним из лакеев Утнапиштима – у них бы не было таких способностей.

– Госпожа? – спросил Думузи, скривившись от боли, вызванной изъятием из его мозга воспоминаний. – Я не понимаю. Ты же говорила, что у тебя дома никто не остался в живых, после того как ты излила на них свой гнев?

Она отпустила его сознание почти с презрением.

– От тебя не требуется понимание. От тебя требуется повиновение,
– она сверкнула взглядом. – Возможно, кто-то и пережил мой гнев...
тебя это не касается.

Придя в себя после этой атаки, он с трудом поклонился.

– Этот... Утнапиштим, о котором ты говорила. Он твой враг?

Иштар посмотрела на Думузи, хохоча:

– Думузи, никогда не забывай, что я могу читать в твоём сознании каждую мыслишку. О, не бойся, я не стану наказывать тебя на то, что ты посмел надеяться, что Утнапиштим может прибыть, чтобы уничтожить меня и освободить тебя. Мне забавно оставить тебе эти мечты и желания, – она задумалась. – Но даже если Утнапиштим жив, он считает, что я мертва, человечиска. А к тому времени, когда он узнает, что это не так, я буду слишком сильна, чтобы он смог меня победить. Нет, на него не надейся.

Она снова улыбнулась, и металлическими пальцами приподняла его подбородок. Её красные глаза словно прожигали его.

– Вот что я тебе скажу... Если ты хочешь сохранить свои глупые мечты о том, чтобы освободиться от меня, попробуй возложить их на того незнакомца, что был тут. Вот что я скажу тебе, Думузи: у него шансы победить меня выше, чем у Утнапиштима. Тот червяк уже мёртв, а если нет, то я его раздавлю, когда захочу. А вот другой... он неизвестная сила. У него явно есть необычные способности. Мечтай лучше о нём, глупый жрец!

Рассмеявшись, она уползла в своё убежище, оставив Думузи удивляться.

Вопреки ожиданиям Эйс, пир оказался не такой уж пыткой. В зале, вдоль стен, квадратом были расставлены двенадцать столов, а центр помещения оставался свободным. Все столы были украшены, их ножки были вырезаны в виде людей и животных, которые держали столешницы на руках или плечах. Все они были инкрустированы ярко-

голубым лазуритом, или даже нефритом, или каким-то другим зелёным камнем, который она не знала. Тарелки и кубки были в основном серебряными, за исключением тех, которыми пользовался Гильгамеш – его приборы были золотыми. Эйс обратила внимание на обилие полоскательниц для пальцев и отсутствие каких-нибудь столовых приборов помимо ножей.

Позади каждого стола были подушки, мягкие и удобные. Столы были низкие, и Эн-Гула объяснила, что гости будут есть лёжа на подушках. Эйс предпочла бы стул, но решила, что для разнообразия может согласиться и на такой стиль приёма пищи. Она была рада, что настояла на джинсах. Лежать за таким столом в короткой юбочке – просто напрашиваться на неприятности. Неужели у местных женщин нет ни грамма скромности? Или, учитывая характер Гильгамеша, осторожности? Служанки указали обеим девушкам и другим гостям их места. Эйс посадили в конце самого большого стола, рядом с Доктором, кожу которого, похоже, не скребли, да и одежду он оставил свою старую. Он даже зонт с собой взял. Он явно вышел победителем во всех спорах со слугами. Она завидовала этому его умению. К разочарованию Эйс, Эн-Гулу и Аврама посадили за стол в дальнем конце комнаты. Увидев, что она помахала им рукой, Доктор улыбнулся.

– Всё дело в статусе, Эйс, – тихо объяснил он. – Мы с тобой почётные гости, поэтому нам позволено есть за одним столом с Гильгамешем. Аврам всего лишь музыкант, а Эн-Гула – бывшая жрица. Местные аристократы ей тут вообще не рады. Поэтому их посадили как можно дальше от знати.

– Я удивлена, что их вообще сюда пустили, раз уж тут всё решается тем, из какой ты семьи и сколько у тебя золотых нитей в одежде.

Эйс были противны правила, диктовавшие кому где сидеть. Она хотела быть с теми, кто ей нравился, независимо от их статуса.

– Думаю, это потому, что Гильгамеш не хочет нас обидеть, – сказал ей Доктор. – А иначе им бы, наверное, пришлось кормиться на кухне.

– Хорошо иметь связи, да, Профессор?

Он ей подмигнул.

Начались развлечения. Были придворные музыканты, игравшие на грубых духовых инструментах, барабанах, и арфах. Были танцоры, фокусники, и акробаты. Были дрессированные мартышки, жонглировавшие орехами и яркими игрушками. На все эти выступления почти никто не смотрел, так как гости были заняты преимущественно едой.

К радости Эйс, Гильгамеш сидел по центру стола, а справа от него сидел Энкиду. Дальше за Энкиду сидел елейный советник Эннатум. Слева от Гильгамеша сидела красивая женщина с исключительно развитой грудью. Весь вечер царь не приставал к Эйс, а много смеялся и тискал свою соседку. Та же явно наслаждалась его вниманием, и с удовольствием клала Гильгамешу в рот разные вкусности, пока его руки шарили у неё за пазухой.

– Слава Богу за эту маленькую радость, – пробормотала Эйс Доктору. – Кто она, царица?

– Нет, – с невозмутимым лицом сказал Доктор. – Это жена Гудеи.

Он кивнул в направлении толстяка, которого Эйс напугала на подъезде к дворцу.

– Что? – вырвалось у Эйс. – И его величество щупает её на глазах у всех? У них в этом городе совсем никаких законов нет?

– Конечно же, есть, – наставительно сказал Доктор. – Это же, в конце концов, цивилизация. Но не забывай, что законы тут издаёт Гильгамеш.

Она смотрела, как царь полез в платье женщины за виноградинами. Им обоим это явно нравилось. Также явно было и то, что Гудее это не нравилось. Эйс начала понимать скрываемые эмоции, которые могли довести человека до измены даже хорошему царю.

– Мне это кажется неправильным.

– Я не говорил, что это правильно, Эйс, – вздохнул Доктор. – Но в этой культуре это считается допустимым. Гильгамеш – царь-воин, герой. Благодаря его силе Урук стал одним из влиятельнейших городов во всё мире. Если ему хочется подурочиться с жёнами и дочерями знати – что же, им это, может, и не нравится, но это цена, которую они вынуждены платить. Для них царь почти божественен. Она, наверное, считает внимание со стороны Гильгамеша честью.

– А на мой взгляд, это мерзко, – ответила Эйс. – Если ему дороги его пальцы, в его интересах держать их от меня подальше.

Доктор грустно на неё посмотрел:

– Эйс, наши с тобой путешествия должны расширять твой кругозор. Хоть на мгновение перестань рассуждать мерками двадцатого века и посмотри на этих людей их собственными глазами. Я знаю, что тебе Гильгамеш не нравится, но по стандартам этого времени он, вообще-то, довольно неплохой парень.

– Значит, у них заниженные стандарты.

– По крайней мере, у них есть какие-то стандарты, – он покачал головой. – Я бывал в таких местах и временах, где Гильгамеш выглядел бы просто ангелом, – он скривился оттого, что в этот момент царь громко рыгнул. – И в таких, где с него бы сняли кожу живьём за такое поведение. Относительные размерности, Эйс, не только у ТАРДИС, но и у обществ, которые мы навещаем.

Эйс пожала плечами. Она была не согласна с этим, но спорить с Доктором смысла не было.

Она попробовала еду и сочла её сытной, но почти безвкусной. Зелень и специи почти не использовались. Мясные блюда – в основном птица, немного свинины и жесткой говядины – все были жареными. Были поданы тёплые хлебные лепёшки, также было несколько видов овощных супов. И это явно воспринималось как пятизвёздочное питание. Эйс задумалась о том, лучше ли её кормили в школе. Некоторые из блюд школьной столовой были в одном шаге от помоев.

Она не сразу поняла как есть эти блюда без ложек. Миски с горячими супами выставлялись по одной на троих-четверых гостей, которые затем отламывали куски хлеба и с их помощью вылавливали из супа овощи или мясо. Учитывая местные стандарты гигиены, Эйс не очень хотелось пользоваться с другими гостями одной миской, но других вариантов не было. После нескольких попыток она научилась. Полоскательницы для пальцев, как она заметила, были очень востребованы. Не имея под рукой полотенце, гости просто вытирали пальцы об одежду. Не удивительно, что одежда Гильгамеша уже была в пятнах.

Было много фруктов, и она ела в основном их. Виноград, яблоки, и персики были вкусные, а вот апельсины оказались горькие. С другой стороны, она поняла, что бананы и ананасы – её любимы фрукты – в Месопотамии были неизвестны.

Из напитков были мерзкое ячменное пиво, поглощаемое в больших количествах мужчинами, и что-то вроде водянистого красного вина. Эйс пила вино, но не потому, что оно ей нравилось. Просто это было меньшим из двух зол. Она жалела, что они ещё не придумали ни чай, ни кофе... ни хотя бы газировку.

Наконец, когда все наелись, Гильгамеш встал, убрал руки с каких-то частей тела жены Гудеи, и громко хлопнул в ладоши. Наполнявший зал гул разговоров затих, и все посмотрели на царя.

– Друзья, – громко сказал он, – мы с Энкиду вернулись из необычного приключения. Рискую жизнью, мы отправились в разведку, в Киш.

В ответ раздался грохот аплодисментов: люди одобрительно стучали кулаками по столу. Гильгамеш им, может быть, и не нравился, но они знали, что нужно делать, чтобы не попасть под его гнев.

– Подхалимы, – крикнула Эйс.

Доктор сердито посмотрел на неё.

– Там мы много узнали, – продолжал царь, просяив от аплодисментов. – И в этом приключении к нам присоединились два бога: Эа и Айа, – он указал на Доктора и Эйс.

Снова раздались аплодисменты.

– Он нас объявил, как дуэт комиков, – проворчала под нос Эйс.

Она очень боялась, что эта толпа сейчас начнёт им кланяться или молиться, или ещё что-нибудь. Ей бы ни за что не удалось выдержать такое.

– А ещё мы встретили нового слагателя песен, – сказал Гильгамеш. – Поскольку он пользуется сегодня нашим гостеприимством, думаю, сейчас самое время, чтобы он рассчитался за свою еду.

Раздался общий гул одобрений, и Аврам, сжимая арфу, встал из-за стола. Выйдя в центр помещения, он ударил по струнам, и все замолчали.

– Господин царь, – торжественно сказал он. – Господа, дамы... Для меня большая честь оказаться в таком изысканном и благородном обществе. Я с радостью развлеку вас своим пением. Есть ли какая-нибудь песня, которую бы вам хотелось услышать?

– Да, – подал голос Доктор, пока его не опередили. – Я бы хотел услышать об Утнапиштиме, если никто не против.

– Новая песня? – удивлённо спросил Гильгамеш. – Что же, Эа, как скажешь. А потом он сможет спеть про Иштар и семь пьяных ночей.

Его соседка захихикала и что-то прошептала ему на ухо, отчего он громко захохотал.

– Потом, бесстыжая! Вначале музыка!

Аврам поклонился царю, а затем Доктору. Снова ударив по струнам, он запел. Его песня состояла в основном из текста, а арфа использовалась скорее для выразительности, чем для аккомпанемента. Когда Аврам начал петь, все утихли.

12. СКАЗАНИЕ АВРАМА

Хвала Шульпею, богу пиршеств!

Он дал нам пищу, чтобы мы насытились.

Хвала Ашнану, богу ячменя!

Благодаря ему мы утоляем жажду.

Хвала Гильгамешу, царю людей!

Под его защитой мы в безопасности, в тепле и сытости.

Слушайте!

На востоке, у вод Океана, стоят великие горы.

Зубчатые, сильные, они бросают вызов царству Ану, отца богов.

Люди называют их горами Машу, вратами дня.

В скалах резвится ибис. На вершинах поёт птица-итуби.

На тропе стоят зукакип. Они высокие, как люди.

Высокие, как сыновья людей! И они сильны.

Одной рукой они могут раскрошить камень;

даже валун размером с человека.

Их кожа не такая, как у людей, и не такая, как мех животных.

Вместо шерсти и волос они покрыты металлом.

В свете Шамаша они сияют.

Когда на них светит солнце, они сияют!

Они стоят у врат к богам, и они никогда не спят и не дремлют.

Всегда на стороже, они ждут; а ожидая, они служат.

Сильна рука зукакип, но ещё сильнее его жало!

Как стрелы Адада, чьи шторма проносятся над землёй,

Стрелы, которые летят и приносят на землю огонь,

Таковы же жала зукакип, дозорных у пути.

Как стрелы Адада, они летят и жгут.

Как стрелы Адада, они режут и убивают.

Кто может противостоять этим жалам? Смертный человек?

Может ли человек раскрошить камень в песок?

Может ли человек воззвать, чтобы явился Адад?

Может ли человек не спать семь раз по семь дней?

Кто может противостоять силе этих часовых?

И что они охраняют, эти зукакип?

Что за великий секрет таят они от наших глаз?

Слушайте!

За этими горами лежит сад богов.

В тех полях живут перворожденные сыны бессмертных.

И род Утнапиштима!

Кто такой этот Утнапиштим?

Никто иной, как спаситель своего народа.

Далеко отсюда они жили, в мире и благополучии.

Никто там не работал, кроме тех, кто хотел.

Никто не занимался тяжёлым трудом, ни копал, ни прyal.

Вместо них работали их слуги. Во их славу трудились слуги.

Все люди Машу были благословлены.

Их жизни были долгими и счастливыми.

А затем среди них появилась великая Иштар.

Красавица Иштар, гордая Иштар.

«Люди всегда будут бездельничать?» – спросила она.

– «Их жизнь всегда будет лёгкой? Нет!»

Она поработила их и заставила трудиться.

Те, кто раньше знали лишь отдых, теперь знали лишь труд.

*Те, кто жил раньше легко, теперь потели.
Во имя Иштар они трудились.*

*И тогда Утнапиштим, сильный и мудрый, увидел, что произошло.
Он плакал, он причитал, он рвал на голове волосы.
«Как низко вы пали, дети зари! Как тяжело вам».
И, как добрый отец, он присягнул: «Скоро вы будете свободны!»
Взявшись за дело, мудрый и хитрый Утнапиштим
Выпустил громы и стрелы Адада.
Грянула гроза! Поднялся ветер!
Воды поднялись! Даже земля задрожала!*

*И увидев это, Иштар разозлилась и испугалась.
«Если ты это сделаешь», – крикнула она, – «люди умрут.
Сгинет Человек, и больше не воскреснет. Прекрати!»
Но Утнапиштим не послушался её.
И снова он выпустил громы; снова полетели молнии.*

*Снова затряслась земля, и хлынули воды.
И, увидев этот, мудрый Утнапиштим созвал людей.
Ремесленники и мастера, мечтатели и мыслители – всех он созвал,
Вышел к ним, и сказал:
«Воды поднимаются, и мы погибнем.
Земля дрожит, она поглотит нас всех.
Сделайте для меня корабль, сто локтей в длину,
сто локтей в ширину, и сто локтей вокруг.
А в нём разместите палубы, и помещения, двери и факелы.
А на крыше – единственную дверь, чтобы только я мог закрыть.
И ремесленники и мастера, мечтатели и мыслители,
все пришли к нему и сказали:
«Всё, о чём ты просил, мы сделали, господин. Говори!»*

*И Утнапиштим, повелитель людей, сказал:
«Из всех животных возьмите каждого по паре,
и поместите в мой ковчег.
И то же с птицами, тоже возьмите по паре,
и тоже возьмите на борт.
И сыновей человеческих, тоже соберите всех, кто жив,
и поместите их с птицами и зверями.
И когда всё это будет сделано, наступит покой».
И ремесленники и мастера, мечтатели и мыслители,
все поступили так, как он указал.
И когда ковчег был полон, пришли они к Утнапиштиму и сказали ему.
И поднялся Утнапиштим, и запечатал свой ковчег.*

*И тогда поднялась вода, и покрыла землю.
Земля задрожала и поглотила воды.
Не было больше дня, ночь была везде.
Шесть долгих месяцев не было дня. Внутри ковчега был покой,
Но снаружи был хаос всего мироздания.
И когда прошли эти месяцы, остановился ковчег.
Он нашёл новое пристанище в горах Машу.*

*И поднялся Утнапиштим, и открыл корабль.
И там был Шамаш!
Шамаш золотой, славный Шамаш!
Шамаш, сияющий сверху.
И вот так весь род мудрого Утнапиштима
Был спасён от смерти, от гнева Иштар.
И до сих пор они живут там, в горах!*

Аврам закончил петь и замер в ожидании. Какое-то время все молчали, собираясь с мыслями. Затем раздались аплодисменты, и Аврам улыбнулся. Знать стучала по столам, пока Гильгамеш не хлопнул, чтобы все замолкли.

– Итак, – широко улыбаясь, сказал он. – Славное сказание, и спето хорошо. Но теперь давай настоящую песню. Спой о пьяных ночах, о любовниках Иштар, слагатель песен!

Аврам покорно поклонился, а Доктор тем временем грубовато подтолкнул Эйс своим костлявым локтем.

– Как тебе эта песня?

– Ну, с «U2» не сравнится, – усмехнулась она, – но мне кажется, что довольно неплохая. Ему бы ещё аккомпанирующую группу, и он легко попадёт в хит-парады.

Доктор вздохнул.

– Я не просил тебя быть его менеджером. Что ты думаешь о самой истории?

– Немного глупая, не находишь? – сказала она. – Похоже на кусок из Библии.

– Легенда о потопе? – Доктор пожал плечами. – В эту эпоху это распространённый сюжет. Учитывая местный ландшафт – всё плоское, как блин, ничего выдающегося – любое наводнение может оказаться катастрофой. Но, с другой стороны, как тебе остальное?

– Что? Люди-скорпионы? И шесть месяцев тьмы? – она нахмурилась. – Ты что, воспринимаешь это серьёзно?

– Я всё воспринимаю серьёзно, – ответил Доктор. – Кроме самого себя.

– Да ладно тебе, Профессор. Это всего лишь песня. И ничего более.

– Никогда не торопись с выводами, – сказал он ей. – Первое мнение часто неправильное. Я же тебе говорил, не суди о культуре по её собственным стандартам.

Этого Эйс не выдержала.

– Ты мне говорил прямо противоположное.

– Разумеется, – весело сказал Доктор. – Ты что, Гегеля не читала?

– Не знаю. Это он «Корабельный Холм» написал?

– Нет, не он, – повелитель времени нахмурился. – Хоть раз будь серьёзной. Нельзя вечно прятаться от мира за взрывами. Гегель предложил брать идею – тезис – и её противоположность – антитезис – и объединять их, чтобы добиться конечного результата, синтеза. Так что, напрягись. История Аврама довольно точная, и основана на реальных событиях. Но рассказана она с точки зрения его культуры, его собственного опыта. Воспользуйся воображением и тем, что ты узнала о Вселенной за время путешествий со мной, и предположи, о чём там на самом деле речь.

Большую часть этой лекции Эйс не слушала, она начала думать гораздо раньше.

– Профессор! Этот ковчег... Это на самом деле космический корабль?

Он просиял.

– Я знал, что рано или поздно, с моей помощью это до тебя дойдёт.

– Шесть месяцев тьмы – полёт! Без солнца, разумеется. А люди-скорпионы – люди в скафандрах? С лазерами?

– Думаю, что в общих чертах так оно и было, – согласился Доктор. – И в этом рассказе есть и другие интересные аспекты, не так ли? Утнапиштим и Иштар были врагами. По словам Эн-Гулы, Иштар сейчас живёт в Кише. А по словам Аврама, Утнапиштим со своими людьми приземлились в горах Машу. Тот талисман у Аврама – какой-то электронный ключ, который подтверждает его слова. Потрясающе, правда? – затем его лицо помрачнело. – Единственный вопрос – и что нам со всем этим делать, а?

Эйс понятия не имела, но это в любом случае обычно было занятием Доктора. Планировал обычно он. А она предпочитала действовать.

– Поспать, а утро вечера мудренее? – предложила она.

– Почему бы и нет?

Доктор стал слушать то, что в этот момент пел Аврам. Его совсем не удивило, что Гильгамеш заказал песню о сексуальных похождениях богов. Наверное, царь надеялся чуть позже воспроизвести их, – подумал Доктор.

Тем временем в Кише было не так празднично. Иштар, не в силах ждать, вызвала царя Аггу. Она ползала у алтаря, недовольно размахивая хвостом. Ну какой же этот царь медлительный! Правда, сейчас ночь, и он, наверное, спал, но разве это может быть оправданием того, что ей приходится ждать?

Наконец, явился заспанный царь.

– В чём дело? – проворчал он недовольно.

– Я думаю, Агга, что в свете последних событий нужно ускорить темпы работ, – повелела Иштар. – Нужно выслать больше людей на прокладывание по стенам медных дорожек. А ещё мне нужна вторая бригада рабов. Они займутся обеспечением необходимой мощности. Мне не терпится воплотить свои планы.

– А какой ещё мощности ты говоришь? – с любопытством спросил он. – Эти слова для меня бессмысленны.

– Ещё бы! – усмехнулась она. – Для тебя и твоего жалкого города мощность измеряется рабами и работой, которую они могут совершить. Я же говорю о настоящей мощи, Агга, царь праха и песка! О мощи, способной сдвинуть горы, сравнять холмы! Способности летать и строить. А если мне будет угодно – разрушать.

– Ах, – сказала она, разочарованная отсутствием у него понимания, – и чего я только с вами, насекомыми, разговариваю? Вам не дано это понять, – затем она холодно улыбнулась: – Но кое-что ты поймёшь. Я знаю, что тебе было любопытно, что лежит в моих дальних покоях. Пойдем, посмотришь... И бойся!

Она не стала проверять идёт ли он за ней. Она знала, что он не осмелится отклонить её предложение. Во внутренних помещениях она приблизилась к своей частной комнате. Быстро и незаметно она отключила защитные системы, которые всегда включала, выходя из комнаты, и повела царя вовнутрь.

Здесь было всё её оборудование из повреждённой шлюпки. Электронные приборы, которые поддерживали в ней жизнь, приборы, которые соединяли её сознание с сознанием её рабов. Это всё, разумеется, было за пределами понимания царя Агги. Он удивлённо смотрел на мигающие огни и похожие на змей следы на видеомониторах. Вычислительный потенциал этого оборудования ничего для него не значил. Однако Иштар знала, что есть одно устройство, которое поймёт даже такой тупица как он.

Это был небольшой ящик, около 30 сантиметров по каждой стороне. Она нежно погладила ящик и улыбнулась царю.

– Одна из причин, почему я прибыла именно сюда, Агга, – мурлыкала она, – состоит в том, что в этой местности я обнаружила источник радиоактивности. Пока что твои люди собрали мне этого материала немного, но и этого хватает на то, чтобы питать всё, что ты видишь. За последние несколько дней я накопила достаточно этого материала, чтобы наполнить этот ящик.

Агга пожал плечами.

– Мне это о чём не говорит, – признался он. – Какая разница что лежит в этом ящике, Иштар?

Она смеялась долго и громко, наслаждаясь его глупостью. Затем перестала.

– О царь, – улыбнулась она, – ты же видел, какой урон нанесли моему храму чужаки? Так вот это было сделано с помощью простых взрывчатых веществ. Они нанесли большой ущерб. А это, – она снова погладила ящик, – называется термоядерная бомба. Она связана со мной электронными средствами. Одна или две крошки этих минералов

произведут такой же эффект, как бомба, повредившая мой храм. А в этом ящике несколько фунтов этой разрушительной руды. Если со мной что-нибудь случится, Агга, этот ящик взорвётся.

Пытаясь это понять, Агга предположил:

– Ты имеешь в виду, что если тебя что-то уничтожит, твой ящик разрушит мой город?

– Твой город? – Иштар снова засмеялась. – Агга, этот ящик уничтожит всё, что ты когда-либо видел, и даже то, о чём ты только слышал! Весь этот кусок вашей жалкой планетки перестанет существовать!

Агга посмотрел на ящик уже с большим уважением. И он видел по глазам Иштар, что если такая катастрофа случится, она будет только рада.

13. ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

Несмотря на вчерашний кутёж, Гильгамеш на утре проснулся рано и сразу созвал собрание совета. Доктор привёл туда Эйс, Аврама, и Эн-Гулу, не обращая внимания на насупленные взгляды Эннатума и других представителей знати. Тем не нравилось, что на их священное собрание привели женщин и простолюдинов. Доктор не сильно переживал по этому поводу.

Сидеть разрешалось только Гильгамешу. Даже влиятельным господам приходилось стоять при обсуждении планов и тактики. Как только явились все, за кем он послал, Гильгамеш постучал скипетром по каменному полу, и наступила тишина.

– Как вам всем известно, – объяснил царь, – мы с Энкиду побывали с разведывательной миссией в городе Киш. То, что мы там узнали, весьма тревожно. Во-первых, – он обвёл взглядом помещение, задержавшись на каждом из аристократов, – люди Киша знали о нашей миссии. Вначале я подумал, что кто-то сообщил им о моих планах, – он посмотрел прямо на Эннатума, который выдержал его взгляд без тени сомнения на лице. – А где Гудея? – спросил Гильгамеш притворно мягким голосом.

– Он куда-то пропал, – развёл руками Эннатум. – Я отправил на его поиски гонцов, о царь. Но пока что от них не было никаких сообщений.

Гильгамеш кивнул, а затем продолжил свою речь:

– Но есть и другая возможность. Похоже на то, что город Киш благословлён явлением богини Иштар.

Аристократы скептически забормотали, но царь строго посмотрел на них, а затем обратился к Доктору. Доктор кивнул.

Гильгамеш продолжил:

– Сейчас она обитает в своём храме в Кише и контролирует солдат этого города. Нам с Энкиду пришлось ночью уходить с боем, и она знала куда и когда присылать против нас отряды. Таким образом, ясно,

что наш приход был известен благодаря ей, а не предателю в этом совете. За что вы все должны быть благодарны, – он посмотрел в глаза Эннатуму. – Тем не менее, я бы хотел поговорить с Гудеей, когда ты его найдёшь.

– Как пожелаешь, господин, – ответил Эннатум. Ни в его глазах, ни в манере держаться ничего не выдавало охватившую его сердце панику.

– Теперь, – сказал царь, указывая на Доктора, – мы тоже благословлены божественными посетителями. Оказывается, сейчас очень много богов ходит среди людей. Это Эа, бог мудрости, а с ним Айа, богиня рассвета.

Эйс подумала, не ожидают ли от неё после такого объявления реверанса? Вместо этого она лишь мило улыбнулась.

– Они хотят помочь нам в нашей борьбе с Кишем.

Доктор вышел вперёд, лицом к совету, и опёрся на зонт.

– Как сказал ваш царь, господа Урука, – начал он, – в городе Киш поселилось нечто, называющее себя Иштар. Но она не богиня, а демон из ада. Чтобы обманывать людей, она может делать себя похожей на богиню. Этим враньём она пытается добиться славы, которой достойны только боги. Она заражает умы тех, кого она касается, и она готовится повести Киш в войну против Урука.

– Если она демон, о Эа, – спросил Эннатум, – то почему настоящая Иштар в своём божественном гневе не разнесёт её на куски?

Среди аристократов раздался одобрителный гомон.

– Потому что, о человек, – ответил Доктор, – есть баланс в извечной борьбе между добром и злом. Верно, боги могли просто уничтожить эту фальшивую Иштар, но чему бы это научило смертных? Нет, это должна быть битва людей.

Другой советник, пожилой мужчина по имени Лагаш, вышел вперёд.

– А вы будете сидеть и смотреть? – цинично спросил он.

– Нет. Мы с Айа будем помогать вам разрешёнными нам способами. Мы можем советовать вам, и можем предложить небольшую физическую помощь. Но это должна быть ваша битва, а не только наша, – он обезоруживающе улыбнулся. – И есть ещё кое-кто, кто вам поможет – Утнапиштим.

Этой новости удивился даже Аврам. Доктор ненадолго замолчал, чтобы насладиться их удивлением, а затем объяснил:

– Он и эта дьяволица – враги с давних времён. Когда он узнает, что она в Кише, он поможет уничтожить её.

– Ты в этом уверен? – прошептала ему Эйс, пока знать обсуждала новости.

– Не может быть такого совпадения, чтобы два разных звездолёта двух разных рас оказались одновременно здесь, на небольшом кусочке Земли, – ответил он. – Корабль Иштар – спасательная шлюпка, и на ней следы радиоактивного оружия. Рискну предположить, что силы Утнапиштима уничтожили её главный корабль и подумали, что она погибла в этом бою.

– Может, и так, – согласилась Эйс не очень уверенным голосом.

– Поверь мне, – усмехнулся Доктор.

– А разве у меня есть другой выбор? – вздохнула она.

Доктор постучал по полу зонтом, чтобы разговоры умолкли.

– Я предлагаю следующее: пошлём делегацию к Утнапиштиму, чтобы попросить его о помощи. А мы, остальные, тем временем останемся тут, думать о том, как пробраться в Киш, чтобы изучить храм Иштар и его оборону. Поскольку Утнапиштим великий человек, лишь величайший из мужей Урука достоин того, чтобы встретиться с ним, – он посмотрел на Гильгамеша.

Царь засмеялся, довольный.

– Эа, в твоих словах правда. Я хотел бы познакомиться с этим человеком, пережившим великое наводнение, уничтожившее земли. Мы с Энкиду немедленно начнём готовиться к отбытию.

– Посмею возразить, – сказал Доктор, тщательно подбирая слова. – Если в твоё отсутствие что-нибудь случится, скажем, Иштар что-то сделает, то мне здесь не обойтись без Энкиду. Только он может действовать от твоего имени.

Гильгамеш нахмурился:

– Эа, ты же не хочешь, чтобы я отправился на встречу с этим Утнапиштимом один? Это было бы унижительно и для меня, и для него.

– Разумеется, нет, о царь, – ответил Доктор. – Тебе нужно взять с собой Аврама, который знает путь в горы Машу. Он будет твоим проводником. А также госпожу Айа, которая будет твоей советницей.

– Что? – Эйс не верила своим ушам. – Доктор! Не поступай так со мной!

– Сделай как я прошу, – тихо умолял он. – Мне нужно, чтобы ты присматривала за Гильгамешем.

– Это оправдание больше не подействует, – сказала она. – Ему будет безопаснее вдали от меня – у меня больше причин его убить, чем у кого-либо.

Доктор улыбнулся.

– Простите, мы на минутку, – попросил он и вытащил Эйс за дверь. – Эйс, только в этот раз, пожалуйста, сделай как я прошу.

Возмущённая Эйс даже слушать не хотела.

– Этот так называемый монарх у меня уже в печёнках сидит, – набросилась она на Доктора. – Я не собираюсь отправляться с ним в поход по пересечённой местности. Ни за что. Хочешь, чтобы он пошёл к этому Утна-дядьке – отведи его сам.

Доктор вздохнул.

– Эйс, не вредничай. Нужно всё сделать именно так. Мне нужно остаться в Уруке, на случай если Иштар изменит свои планы. Но мне нужно, чтобы с Гильгамешем был кто-то, кто привык иметь дело с инопланетянами, кто не будет слишком сильно потрясён, и кто не

наделает при встрече глупостей. Кроме тебя некому. Ты единственная, кому я могу это доверить.

Он улыбнулся ей, надеясь, что убедительно. Не желая поддаваться его логике, Эйс ответила:

– А зачем вообще всё так усложнять? Нельзя, что ли, дать им возможность самим всё уладить? Мотнись на ТАРДИС, найди Утна-дядьку, привези его сюда, и пускай сами разбираются.

Доктор покачал головой.

– Всё не так просто. Я понятия не имею где база Утнапиштима. Я не могу попасть туда на ТАРДИС. И не забывай, мы тут должны встретиться с Времяточцем, что бы это ни означало. Я не хочу рисковать ТАРДИС. В конце концов, если это существо как-то связано со временем, то она что-нибудь почувствует. Я не хочу перемещать ТАРДИС.

– Но ТАРДИС не в Кише, – заметила Эйс. – Как ты узнаешь, что там происходит?

Он вынул из внутреннего устройства небольшое устройство. Оно было похоже на карманный калькулятор.

– Пока вы все спали, я взял из ТАРДИС индикатор пути во времени, – объяснил он. – Он регистрирует любую активность в Вихре, направляющуюся к Земле и к ТАРДИС.

– Раньше я его не видела.

Доктор пожал плечами:

– Обычно он мне не нужен. Не так уж часто у меня на хвосте сидит другая машина времени. Не пользовался им уже... – он замолк, вспомнив последний раз, когда работал с этим прибором.

Это было тогда, когда за ним гнались далеки, чтобы отобрать ядро таррания, которое он у них украл. Очень давно, ещё до его первой регенерации. В тот раз погибли Сара Кингдом и Катарина. Он решительно заблокировал свою память о тех событиях.

– В общем, если Времяточец направляется на Землю, я его обнаружу. Это ещё одна причина почему мне лучше остаться здесь, а тебе оправиться с Гильгамешем.

– Не нравится мне твоя логика, – недовольно сказала Эйс, – но спорить с тобой всё равно бесполезно. Однако, если мне нужно идти с этим сексуально озабоченным царьком, то скажи ему, чтобы держал свои руки при себе... а не то пожалеет.

– Я постараюсь быть убедительным, – пообещал он голосом, который не вызвал у неё доверия.

– Уж постарайся.

Доктор положил руку ей на плечи.

– Я понимаю твои чувства к царю, – с сочувствием сказал он. – Я бы тоже не хотел отправиться с таким в пеший поход. Но в данный момент он наша лучшая возможность победить Иштар. Поверь мне, если бы я мог придумать другой способ, я бы не просил тебя пройти через это.

– Ага, – согласилась Эйс, понимая, что это он сказал искренне. – Но мне от этого не легче, Профессор.

Гильгамеш задумчиво смотрел на Эннатума. Он никогда не любил и не доверял этому аристократу, но пока что советник был слишком хитёр, чтобы быть пойманным за руку на обмане. Гильгамеш знал, что это вопрос лишь времени. Эннату за холодной маской своего лица так вертелся и изворачивался, что рано или поздно обязан был выдать себя. Гильгамеш подождёт.

– Говоришь, ты нашёл Гудею? – спросил Гильгамеш. – Тогда почему он не тут?

– Увы, – ответил Эннату с грустью, – боюсь, он уже не в силах прийти к тебе, о царь. Похоже, у него было много неприятностей, которые он решил залить отравленным пивом.

– Да что ты? – поднял бровь Гильгамеш. – Любопытно. Интересно, знал ли он, что оно отравленное?

Эннатум изобразил на лице удивление:

– Ты хочешь сказать, что это может быть не самоубийство?

– Мне всё равно, – ответил царь. – Теперь мне не придётся убивать его самому. Хотя с другой стороны, мне бы не хотелось думать, что могут быть ещё несчастные случаи из-за того, что кто-то выпил не то.

Поклонившись, Эннатум пробормотал:

– Я уверен, что это не повторится, господин.

– Уверен, что так для всех было бы лучше.

Отослав советника прочь, царь не перестал думать о нём. Как только Эннатум вышел, Гильгамеш подозвал к себе Энкиду.

– Энкиду, друг мой, утром я отправлюсь искать Утнапиштима. Найдём ли мы его, я не знаю. Мне беспокойно от того, что тебя со мной не будет.

Волосатый человек кивнул:

– Мне тоже, Гильгамеш. У тебя будет много возможностей добавить в свою историю новые рассказы! Это будет хорошее приключение.

– Да, наверное, – царь снял со своей шеи цилиндрическую печать и надел её на страшную голову Энкиду. – Вот моя печать, Энкиду. С ней я передаю тебе свои полномочия. Используй её с умом, друг мой. И будь очень осторожен с Эннатумом. Я уверен, что Гудея замышлял что-то против меня из-за своей жены; Эннатума я подозреваю в том же, но не могу доказать это. Он жалкая тварь, но тварь с жалом. Будь осторожен.

Кивнув, Энкиду спросил:

– А что насчёт Доктора и его спутницы? Ты веришь, что они действительно Эа и Айа?

Гильгамеш засмеялся.

– Что, волосатое чудовище, у тебя тоже сомнения в их божественности? Что же, и я сомневаюсь. По поводу того, боги ли они – кто знает? Но у меня такое чувство, что им можно доверять. В них много загадок, но, как мне кажется, мало лжи. У них есть свои причины делать то, что они делают, и они с нами заодно... Во всяком случае, пока.

– Счастливого пути, мой царь и мой друг, – Энкиду крепко пожал руку Гильгамеша. – Возвращайся поскорее. У меня такое чувство, что мы живём в очень опасное время.

– Верно, – согласился Гильгамеш. – Но такие времена – самые интересные. С опасностью приходит шанс заработать славу, а может быть, даже бессмертие. Ну и скучать не приходится, правда?

– Бывают в жизни вещи хуже, чем скука.

– Ха! Назови хоть одну.

Серьёзно посмотрев на царя, Энкиду ответил:

– Смерть.

Гильгамеш пожал плечами.

– Смерти не нужно бояться, друг мой. Когда придёт моё время, я не стану прятаться, а с моего боевого топора будет капать кровь многих врагов. Люди будут петь обо мне вечно!

– Неделю?! – взвыла Эйс. – Целую неделю с этим...

– Царём, – быстро сказал Доктор. Он повернулся к Авраму и хлопнул музыканта по плечу: – Береги себя, слагатель песен. И присматривайте за Гильгамешем, – он посмотрел на Эйс. – У меня такое чувство, что ему понадобится помощь.

14. ГОРЫ МАШУ

Это была самая длинная неделя в жизни Эйс. В компании Доктора ей приходилось довольно часто сталкиваться и с опасностью, и со скукой, но в этом путешествии от неё потребовалось всё терпение, которое у неё было.

Гильгамеш, вообще-то, вёл себя вполне неплохо, как по его меркам. Он не пытался ни соблазнить её, ни изнасиловать – должно быть, Доктор таки сумел как-то убедить его, что Эйс трогать нельзя – и, казалось, старался быть галантным и внимательным. К сожалению, оба эти качества были у него в дефиците.

По мнению Эйс его наибольшей проблемой было то, что его воспитали так, будто он в принципе не может сделать что-то не так. В один из вечеров, пока царь охотился, она поделилась этой мыслью с Аврамом. Певца это удивило.

– Госпожа, он царь Урука. Говорят, что его мать Нинсун – богиня. Народ Урука верит, что он на две трети бог, и на одну треть человек. Как он может сделать что-то не так?

– Ну сколько можно! – с отвращением сказала Эйс. – У него же манеры свиньи, эго размером как гора, и либидо, не знающее границ.

Аврам пожал плечами:

– Что касается последнего, то многие женщины считают за честь лечь с ним в постель. Я вижу, что ты не из их числа, но он ведь не пристаёт к тебе, верно? Он не настолько глуп, чтобы настаивать на своём влечении, если оно не взаимно. Есть множество раскрытых для него объятий, ему остаётся только выбирать. Что же касается его манер, то он не хуже других людей при его дворе. Возможно, там, откуда ты родом, Айа, его манеры кажутся странными. Но для него они нормальные. А по поводу его эго... – он помолчал. – Госпожа, что ты знаешь о царе?

– Больше, чем хотела бы.

Он рассмеялся:

– Гильгамеш герой, госпожа. Под его руководством на Урук никто не нападёт, за годы его власти город стал сильнее. Торговцы процветают, люди довольны, богатство аристократов растёт. Он сильнее четырёх обычных мужчин, его никто не превзойдёт в охоте на зверя или человека. Его стрелы никогда не пролетают мимо его цели, его топор всегда бьёт точно. Если он гордится всем этим... ну, сама посуди: разве у него нет на это причин?

– Ну... хорошо. Но почему не держать своё эго при себе? Хотя иногда можно вести себя скромно?

Аврам засмеялся:

– Ты хотела бы, чтобы Гильгамеш врал и добавлял что-то в тот список изъянов, которые ты в нём видишь? Он обычный мужчина, и в нём великая сила.

Эйс недовольно проворчала:

– Ты что, его агент?

– Я тебя не понял, – сказал музыкант.

– Иногда я сама себя не понимаю, Аврам, – призналась Эйс. – Гильгамеш меня раздражает, но дело не только в этом. Ещё столько, столько всего, чего ты не поймёшь.

Аврам пожал плечами.

– По крайней мере, я терпеливый слушатель, – сказал он ей. – Если тебе станет лучше, говори. Я не обещаю, что смогу что-то посоветовать, но как минимум смогу потом спеть песню для поднятия духа.

Не зная о чём говорить, Эйс грустно пнула ногой камень.

– Мне это непросто, – призналась она. – Просто иногда я задумываюсь над тем, чего я вообще хочу от жизни. Я, как какая-то галактическая туристка, следую повсюду за Доктором... Меня бьют, в меня стреляют, меня предают, а то и похуже. А ещё приходится терпеть придурков типа Гильгамеша. Я ни в чём в этом не вижу смысла.

– Тогда мне это и подавно не понять, – улыбнулся Аврам. – Но у тебя же есть выбор, не так ли? Ты можешь расстаться с Доктором. Пойти другим путём.

– Да, могу.

Она попыталась убедить себя в этом, но затем покачала головой:

– Нет, не могу. В ближайшее время мне от него не избавиться.

Он с любопытством посмотрел на неё.

– А почему? Он связал тебя какими-то магическими узами?

Засмеявшись, Эйс сказала:

– Можно это и так назвать. Знаешь, что он со мной недавно сделал? Отобрал у меня все мои воспоминания. Все до единого. Я не знала кто я, где я, как тут оказалась. Ничего.

– Он пытался наказать тебя? – силился понять это событие Аврам.

– Не-а. Он просто ошибся. К счастью, он смог вернуть всё на свои места. Иначе я вообще не знала бы, что мне делать. Но он всё время так поступает... делает что-то очень глупое... и, похоже, даже не замечает этого.

Музыкант нахмурился.

– Похоже, твоя жизнь очень неопределённая.

– Это точно.

– Тогда почему ты остаёшься с ним? – настаивал он.

Эйс порылась в своей душе и не нашла там никаких ответов.

– Ну, это лучше, чем было раньше. Я родилась в скучном и бедном районе. Сейчас моя жизнь хотя и опасная, но скучать рядом с Доктором никогда не приходится. Не то, что в Перивейле. Ты не представляешь, как я ненавидела этот район. Я там была как в тюрьме. Словно я там чужая была. Не своя. И знаешь, что мне больше всего не нравилось? – на неё нахлынули воспоминания. – Люди там друг друга ненавидели. Люди с белой кожей ненавидели людей с тёмной кожей. Бедные ненавидели богатых. Мужчины не доверяли женщинам. Женщины боялись мужчин. И среди них была я – девушка, бедная, и тупая, как

они говорили. Якшавшаяся не с теми. Я не могла ненавидеть всех. Разве что тех, кто ненавидел других. А это включало почти всех вокруг. Что бы у меня была за жизнь? А вот Доктор... ну, у него есть свои недостатки, но в нём нет ни капли предвзятости. В его случае всё наоборот. Он готов поднять знамя и сражаться за права кого угодно, — она усмехнулась. — Он даже кое-кому из своих соплеменников тумачков надавал, когда они хотели ему помешать. Он заботится о людях, но в своей странной манере. Он может казаться чёрствым, но это, как мне кажется, только маска. Так он защищает себя от боли. Думаю, он очень обо мне заботится, но он знает, что рано или поздно я от него уйду, поэтому не хочет ко мне привязываться, — она вздохнула. — Для него это, наверное, очень сложно. Знаешь, ему уже больше тысячи лет.

— На вид не скажешь, — вежливо заметил Аврам.

— Ну, когда он становится немного дряхлым, он вроде как... Ну, он меняется. Он сказал мне, что уже шесть раз это делал.

Подумав, Аврам кивнул:

— Как змея сбрасывает кожу, — сказал он. — Чтобы можно было расти дальше.

Эйс посмотрела на него с уважением за такую проницательность.

— Да, наверное, это одна из причин, почему он регенерирует. Тяжело, наверное, тысячу лет быть бодрым и решительным и не уставать при этом.

В этот момент в лагерь вернулся Гильгамеш, неся на плечах тушу антилопы. Он проревел:

— Кто хочет печёнку? Может быть, наша усталая богиня?

Фу! — подумала Эйс. Но сама не заметила, как сказала:

— Мне не надо, спасибо.

— Мне больше достанется, — усмехнулся он, и Эйс ему тоже улыбнулась.

— Думай, Доктор, думай!

Прижав пальцы к вискам, Доктор пытался воспользоваться всеми методиками, которым его обучил его наставник К'Анпо. Расслабить себя, дать волю своему разуму. Но ничего не помогало. Он был слишком напряжён, слишком переживал. Он развернул ноги из позы лотоса и вместо неё лёг спиной на каменный пол.

Проблема его ума, по его мнению, состояла в том, что в нём было слишком много мусора. Хотя он недавно и почистил память, там всё равно осталось слишком много ерунды. И многое важное было закопано где-то глубоко или даже потерялось за века... включая причины того, зачем он записал предупреждение самому себе.

Он знал предысторию этого предубеждения. Это было тогда, когда сонтаранам и их наивным сообщникам варданам удалось вторгнуться на Галлифрей. Он тогда был в своём четвёртом теле. Ему пришлось войти в Матрицу, чтобы узнать что происходит.

Но он узнал что-то лишнее, и Матрица удалила его воспоминания. По сути, ничего из этого он напрямую не помнил – Матрица затёрла эти части его мозга подчистую. Нет, всё это было воссоздано по другим источникам: банки памяти К-9, его последнее чаепитие на Галлифрее с Лилой и её глупым мужем... Когда это было? Не важно.

Может быть, предупреждение о Времяточце было ошибкой? Продуктом его воспалённого мозга, только что выскобленного Матрицей? На данный момент проблемой была Иштар, и этой проблемы было более, чем достаточно. Всё, что ему пока что удалось сделать – преодолеть сомнения Эйс и убрать её с линии огня. Ей была свойственна слепая преданность, а его новый план мог оказаться очень опасным. Может быть, он и преувеличивал, но недавнее сканирование памяти напомнила ему о многих болезненных событиях: Катарина убила себя, чтобы спасти вселенную, которую даже не понимала; Сара Кингдом погибла ради поражения далеков; Адрик погиб в метеорите над доисторической Землёй, чтобы предотвратить уничтожение людей киберлюдьми.

А поверх всего этого – леденящее изображение Эйс, мозг которой высасывает похожее на змею существо.

Что это, воспоминание о будущем? Или у него просто разыгралось воображение? Он не мог больше рисковать Эйс. Иштар была для неё опасна, так что пускай она будет где-то далеко, пока он самостоятельно разберётся с Иштар.

Неожиданно он понял, что рядом с ним есть ещё кто-то. Открыв глаза, он увидел удивлённое лицо Эн-Гулы.

– Здравствуй, – улыбнулся он, садясь.

– Я тебе помешала? – взволновано спросила она.

– Хм? О, нет, что ты, – соврал он, вставая на ноги. – Просто немного задумался. Люблю держать мозги в форме. Ты что-то хотела?

Девушка, похоже, была очень растеряна. Доктор не стал её торопить, и в конце концов она спросила:

– Что со мной будет?

– Прошу прощения?

– Я не знаю, настоящий ли ты Эа, бог мудрости, – вздохнула жрица.

– Но говоришь ты умно. Ты можешь сказать, что со мной будет?

– Что будет, то будет, – ответил он, потирая подбородок. – Это мне напоминает песню, но не могу вспомнить какую. Ну и ладно. Быть может, ты объяснишь понятнее, что именно ты хочешь знать?

– Доктор, я всю жизнь считала, что моё призвание – быть жрицей Иштар, – сказала Эн-Гула. – Я была счастлива, и мне хочется думать, что я была хорошей жрицей.

– Хотя под лежащий камень вода не течёт? – пошутил он. – Продолжай.

– Но когда явилась эта фальшивая Иштар, для меня всё изменилось. Я возненавидела храм и всё, что с ним связано. А теперь я стала на путь борьбы с этим демоном, но я предала своё призвание, и я уничтожила свою жизнь. Что же со мной будет?

Доктор приподнял её подбородок и посмотрел в её печальные глаза.

– Послушай меня, – тихим уверенным голосом сказал он. – Ты сделала то, что считала правильным. Ты восстала против зла. Что бы ты ни сделала, ты сделала это из лучших побуждений. Обещаю, что когда Иштар будет побеждена, ты снова будешь счастлива.

Сглотнув, Эн-Гула кивнула. Он видел, что к ней возвращается надежда.

– Спасибо, – сказала она, не сомневаясь в его словах.

А если не будешь счастлива, – подумал он, – то, по крайней мере, ты побудешь собой.

– А пока что, – торопливо сказал он, не желая задумываться над данным ей обещанием, – ты можешь ещё помочь нам. Мне нужно заглянуть в Киш, чтобы узнать что там происходит. Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы нам помочь, или место, где мы могли бы спрятаться?

Она кивнула, она очень хотела помочь.

– Принцесса Нинани тоже ненавидит фальшивую богиню. Она укроет тебя и предложит помощь.

– Великолепно! – потёр он руки. – Что же, пойдём, найдём Энкиду, и отправляемся.

Она посмотрела на него удивлённо:

– А ты не будешь ждать возвращения Айа?

– Нет, нет, не думаю, – сказал он. – У неё сейчас полно дел, наверное. В любом случае, она найдёт способ вернуться ко мне. Она всегда находит. Я просто хочу заглянуть в святилище Иштар, не переживая о том, что кто-то его в это время взорвёт.

Он положил руку ей на плечи и повёл её из комнаты.

– Между нами говоря, у Эйс есть привычка вначале что-то взорвать, а уже потом задавать вопросы.

– Что такое взрывать?

– Объясню как-нибудь позже.

Прикрыв ладонью глаза от солнца, Эйс посмотрела туда, куда указывал рукой Аврам.

– Туда, – объяснил он. – Это единственный проход в центр гор Машу. Там стоят на страже зукакип. Мы доберёмся туда к утру.

После протяжённой плоской равнины Эйс была рада увидеть хоть что-нибудь выше, чем холмик у кротовой норы. Но это был настоящий горный хребет, и он выглядел высоким. На его вершинах сверкали угасающими углями лучи солнца. Эйс неосознанно нащупала у себя в рюкзаке моток нейлоновой верёвки.

– Высоко нам нужно лезть?

Певец пожал плечами:

– Кто знает? Я доходил только до стражей. Раз ты с нами, они должны нас пропустить.

– А если не пропустят, – прорычал Гильгамеш, – то я их убью.

– Прекрати, – посоветовала Эйс. – Мы добьёмся большего, если вначале будем вначале задавать вопросы, и лишь потом сражаться. Или вообще не будем сражаться.

Царю это не понравилось:

– Какой смысл жить и не сражаться?

Эйс покачала головой:

– Ты хоть о чём-нибудь, кроме сражений, думаешь?

– Да, – усмехнулся он. – Но это тебе тоже не нравится.

– Ну, спасибо, Профессор, – пробормотала она себе под нос. – Всегда мечтала заняться альпинизмом с сексуальным маньяком.

Затем она сказала громко:

– Думаю, лучше переночевать тут, а утром выдвигаться. Кто хочет недоеденную антилопию ножку?

15. СТРАЖИ У ВРАТ ЗАРИ

Доктор с любовью похлопал стенку ТАРДИС и посмотрел на возвышавшийся за орошаемыми полями Киш.

– А они тут время не теряли, правда? – заметил он.

Медные узоры были уже на всех стенах. За последнюю неделю работу почти закончили. Как обычно, он решил явиться в последний момент. Ещё один пример предвидения или обычное везение? Что же, раз уж они тут, то какая разница?

– Зачем они? – спросил Энкиду. – Потратить столько металла на какие-то узоры... Нет. В этом должен быть какой-то смысл.

– Совершенно верно, – подтвердил Доктор. Несмотря на внешнюю схожесть с обезьяной, Энкиду был очень умён. – Меня всегда впечатляла способность неандертальцев рассуждать логически. Я встречал одного из твоих соплеменников через несколько тысяч лет с этого времени, и он тоже был очень умный. Представь себе, что Иштар – паук. Этот металл – её паутина, в которую она пленит умы и души всех, кто живёт в Кише.

Энкиду нахмурился, думая об этом.

– Она хочет повелевать мыслями всех горожан?

– О, я боюсь, что её намерения значительно масштабнее, – беззаботно сказал Доктор. – Весь мир, наверное. Может быть, даже космос. Зависит от того, насколько вопиющ эгоцентризм этого существа. Киш, наверное, только усилит её аппетит.

Эн-Гула силилась понять что-нибудь в этом разговоре.

– Мы можем сделать что-то, что её остановит? – спросила она.

Доктор улыбнулся и постучал по носу ручкой своего зонта.

– Что-то сделать всегда можно, – ответил он. – Вопрос в том, будет ли этого достаточно? – он плотнее завернулся в плащ и велел

остальным сделать то же самое. — Что же, пора идти. «Заходите, милый друг, — муху в гости звал паук...»³

Последняя часть подъёма была самой сложной. Эйс лезла вверх, упрямо отказываясь от помощи Гильгамеша. Её единственным утешением было то, что Авраму лезть было ещё тяжелее, чем ей. Будучи музыкантом, он не был привычен к тяготам альпинизма. Наконец, они дошли до тропинки, на которую их вёл Аврам, и остановились, чтобы отдохнуть.

Гильгамеш причин для отдыха не видел, но уступил ворчанию Эйс.

— Не думаю, — мрачно сказал он, — что ты должна брать на себя командование. В конце концов, я царь. А ты всего лишь женщина.

— Богиня, — сверкнула глазами Эйс. — Помнишь тот большой бабах, которым я спасла твою шею? Могу его повторить прямо тут и снять с твоих плеч этот непомерный груз. Тогда путешествие станет спокойнее.

Он определённо не хотел доводить её до этого. Она видела, что он на самом деле не считал её богиней; тем не менее, он помнил о её возможностях и не собирался бросать ей откровенный вызов. С другой стороны, сдаваться по-хорошему он тоже не собирался.

— Не нравится мне эта идея разговаривать со стражниками, — возражал он. — Если они солдаты, то сила — единственное, что они станут слушать.

— Слушай, царь, — не выдержала Эйс, — была б на то моя воля, я бы с удовольствием отправила тебя туда, чтобы они изрубили тебя в кусочки. Но Доктор хочет, чтобы ты остался целый, и я постараюсь сделать всё возможное, чтобы так и было. Если у этих стражников есть хотя бы половина того оружия, о котором я думаю, они из тебя

³ Цитата из стихотворения «Паук и муха» английской писательницы Мэри Хауитт (1799—1888).

цыплёнка а-ля царь в секунду приготовят. Так что будем делать по-моему, ясно?

Он почувствовал её злость, и затих.

– Хорошо, – неохотно сказал он. – Пока что будем делать по-твоему. Но если ничего не выйдет, наступит моя очередь, – он провёл пальцем по лезвию своего топора. – Согласна?

– Как скажешь, – ответила Эйс. – Ладно, Аврам, пора заканчивать наше путешествие, – она встала, и вместе с Гильгамешем они пошли за слагателем песен по узкой тропе между камней.

Почти сразу горы обступили их со всех сторон, их тропа извивалась между двумя стенами отвесного гранита. В каком-то смысле это было красиво, но у неё было не то настроение, чтобы любоваться. Ноги у неё болели, терпению подходил конец, и она всё сильнее подозревала, что Доктор затеял что-то в её отсутствие. Чем быстрее закончится это путешествие, тем лучше.

Аврам резко остановился и указал вперёд.

– Стражи, – выдохнул он.

Эйс оттеснила его в сторону и проследила взглядом вдоль тропы.

Всё было хуже, чем она думала. Стражи зари не были солдатами в космических скафандрах. Они были роботами.

Их было двое, оба ростом по два с половиной метра. Они были гуманоидной формы, стояли по стойке «смирно». Длинные металлические ноги были приделаны к коренастым туловищам. Пара длинных шарнирных рук заканчивалась клешнями, вооружёнными чем-то вроде пистолетов с заострёнными концами. К туловищу сверху, без шеи было приделано нечто вроде головы. На ней были похожие на глаза объективы камер, под ними небольшие решётки, а затем из нижней части лица торчали то ли антенны, то ли мандибулы. Эйс не хотелось думать об их предназначении. Она шагнула вперёд.

Две головы повернулись в её сторону, руки, щёлкнув, поднялись, оружие было нацелено на них. Она приготовилась к нападению, но роботы сказали хором:

– Подойдите и назовитесь.

Голоса были металлические, но их нельзя было назвать ни безжизненными, ни монотонными. Их звук был похож на жужжание ос. Эйс осторожно шагнула вперёд, за ней Аврам, и последним пошёл затихший Гильгамеш. Похоже, что-то всё-таки могло произвести впечатление на его эго.

В головах роботов что-то щёлкнуло, и они повернулись друг к другу. Оба стража пожужжали, а затем головы снова повернулись лицами к трио путешественников.

– Подойдите, – повторил первый.

– Назовитесь, – добавил второй.

Между двумя голосами было небольшое отличие по высоте. Эйс мысленно окрестила их Первым и Вторым.

– Мы подходим, – сказала она. – Меня зовут Эйс. А это Аврам и Гильгамеш, – она указала на своих спутников.

Головы роботов проследили за её жестом, задержавшись на взволнованном лице Аврама.

– Вернулся, – сказал Первый и зажужжал.

– Певец Аврам, – добавил Второй.

– Назовите... – сказал Первый.

– ...цель прибытия, – завершил Второй.

Не зная, на кого из них смотреть, Эйс пожала плечами.

– Мы хотим увидаться с Утнапиштимом.

– Не возможно, – щёлкнул Первый.

– Не принимает, – объяснил Второй.

– Кровь Нергала, – выругался Гильгамеш и вынул свой топор. – Я же говорил, что говорить с ними – ошибка. Дай я разнесу их.

– Нападение? – прогудел Первый.

– Нелогично, – добавил Второй.

Не успел Гильгамеш и двинуться, как оба робота выстрелили из своих мандибул лазерными лучами. Камень возле царя начал светиться красным и растёкся лужицей шлака. Гильгамеш замер, почти как комедийный персонаж, понимая, что преимущество не на его стороне. Он осторожно вернул топор за плечи.

– Умный... ...ход, – роботы повернулись снова к Эйс. – Утнапиштима... ...нужно защищать.

Мысленно проклиная Гильгамеша, Эйс попробовала ещё раз.

– Мы не хотим причинять ему вред, – сказала она. – Мы пришли просить его помощи,

Головы роботов повернулись к Гильгамешу.

– Вот так... – начал Первый.

– ...просьба, – закончил Второй.

– Не обижайтесь на него, – вздохнула Эйс. – Он не умеет сдерживать агрессию. Но мы с Аврамом не такие.

– Аврам... ...не такой, – согласились роботы. – Но... ...ты?

Эйс очень медленно и осторожно вынула руки из карманов. В правой руке у неё была бомба Иштар. Руки стражей поднялись, наводясь на неё.

– Стойте! – крикнула она. – Она безопасна.

Их антенны немного подёргались.

– Да... ...безопасна.

Руки роботов, однако, не опустились.

– Объясни... свои действия.

Эйс медленно подошла к настороженным роботам и протянула им бомбу.

– Посмотрите. Мог ли кто-нибудь из этой культуры и этого времени изготовить такое устройство?

Антенны снова подёргались, в этот раз дольше.

– Нет, – согласился Первый. – Это...

– ...сделано на Ану, – завершил Второй.

– Интересно. Где ты... – ...нашла это?

Эйс подумала, что лучше будет называть их Труляля и Траляля.

Она объяснила:

– В повреждённой спасательной шлюпке возле городов Киш и Урук.

Головы роботов посмотрели друг на друга.

– Подождите... ..минутку.

Наступила короткая пауза, во время которой Эйс слышала, как в роботах гудят механизмы. Она почувствовала, что кто-то тянет её за рукав.

– Что они делают? – обеспокоенно спросил Аврам.

– Наверное, связываются с Утнапиштимом или с кем-то из его людей, – сказала ему Эйс. – Они могут прийти только к одному выводу – что Иштар удалось от них сбежать. Они наверняка захотят узнать больше.

Две головы снова развернулись к ним.

– Проход разрешён, – сказали они. – Идите по этой тропинке.

Эйс спрятала бомбу обратно в карман куртки и подошла к роботам. Проходя мимо них, она похлопала их по спинам.

– Молодцы, – одобрила она.

– Похвала...

– ...не нужна.

Гильгамеш наградил их обоих мрачным взглядом, но сдержал свои эмоции и прошёл мимо. Аврам шёл последним, нервно улыбаясь безответным роботам. Эйс пошла вперёд, спускаясь в узкое ущелье. Когда она оглянулась через плечо, оба стража уже не обращали на них никакого внимания, а снова смотрели на тропу.

– Странно, – пробормотала она.

– И что дальше? – сердито спросил Гильгамеш. – Эта тропа ведёт к Утнапиштиму?

– Будем надеяться. Нужно пойти по ней и узнать, согласен?

– Не нравится мне всё это. – Гильгамеш указал на отвесные утёсы по обе стороны от них. – Если враг начнёт бросать на нас сверху камни, мы обречены. Тут нам негде сражаться. Попахивает ловушкой.

– Слушай, камнелобый, – сказала ему Эйс, – если бы они хотели нас убить, то те два охранника зажарили бы нас на месте, и ни ты, ни я не смогли бы им помешать это сделать. Пока мы делаем то, что нам говорят, ничего с нами не будет.

– Никто не указывает Гильгамешу что делать, – нахмурившись, пожаловался царь. – В том числе и женщина, даже если она и заявляет, что она богиня.

Он многозначительно посмотрел на Эйс.

– Пока что я согласен с твоим планом, Айа, но только пока.

Только этого ей не хватало: у Гильгамеша ворчливое настроение и руки чешутся подраться. Всё равно как за ребёнком присматривать; следить, чтобы он не нашкодил. Ну чем она такое заслужила? Надеюсь, что ходьба его утомит, он прошёл ещё один поворот каньона, и остановилась, как вкопанная.

Проход внезапно открывался: с обеих сторон скалы отступали. Они стояли на краю огромной впадины в горах, и тропа вела вниз. Оглядевшись по сторонам, она увидела, что скалы замыкаются кольцом на дальнем берегу огромного озера. Внезапно она поняла, куда они попали.

– Это потухший вулкан! – воскликнула она. – Во многих из них в центре есть такие озёра.

Аврам кивнул.

– Ходят легенды, что в этой горе когда-то жили боги, – сказал он ей. – Дым от их очагов поднимался в небо много лет, а затем пропал. Боги переехали.

– Надеюсь, это было очень давно, – пробормотала она.

Она смутно припоминала, что в потухших вулканах бывают озёра. Или ей просто хотелось верить в лучшее?

– Смотри, внизу, – сказал Гильгамеш, указывая рукой.

Посмотрев туда, куда указывал его палец, Эйс увидела, что на берегу стоит какая-то небольшая хижина. А рядом с ней была лодка, которая была ещё меньше.

– Думаешь, это там Утнапиштим живёт?

– Что-то мелковато, – неуверенно ответила Эйс. – Я ожидала что-нибудь гораздо крупнее. И металлическое.

Внутри кратера солнечный свет не проникал. Присмотревшись, она спросила:

– Это что, остров в самом центре озера?

– Возможно, – согласился царь. – Там тень, очень плохо видно. Я никогда не доверяю темноте; и тому, что в ней прячется. Но если мы подойдём к дому, то от него должно быть лучше видно.

Эйс согласилась, и они пошли вниз, к маленькому домику. Идти было легко; возможно, слишком легко. Камни высыпались из-под их ног и катились вниз, разгоняясь.

Земля стала пологой, и они подошли к краю камня, на котором стояла хибара. Намётанный глаз Эйс заметил, что здание необычное. Оно выглядело так, словно кто-то вырезал его из беловатого пластика, в отличие от деревянных, каменных, и кирпичных зданий Киша и Урука. Подойдя ближе, она поняла, что была права: хибара была построена из какого-то искусственного материала.

Она была небольшая, примерно по шесть метров в длину и ширину, и около двух с половиной метров в высоту. Окон не было, дверь была одна. Она неуверенно подошла и занесла руку, чтобы постучать.

– Незачем, – донёсся со стороны лодки ленивый голос.

Они обернулись и увидели, что из лодки встаёт, зевая, сухопарый мужчина.

– Там никого нет. Я здесь один.

Нинани сидела перед полированным металлом зеркала и тщательно наносила на веки тушь из сурьмы. Сегодня днём, когда она встречается с отцом, ей нужно выглядеть как можно лучше. После своего последнего разговора с Иштар царь Агга был постоянно в плохом расположении духа. Нинани была решительно настроена исправить это. Если только, конечно, Иштар ещё не раскрыла её попытку заговора против богини.

У неё мурашки по коже бегали, когда она думала об этом. Уже больше недели прошло с исчезновения Эн-Гулы, и никто не говорил о том, что она навещала принцессу. Возможно ли, что никто об этом не знал? Или Иштар знала, что две девушки были заговорщицами, и просто тянула время? Подавив в себе сомнения и страхи, Нинани подумала о том, что она, наверное, просто не создана для того, чтобы плести заговоры. Её нервы были для этого слишком слабые.

Раздался тихий стук в дверь. Думая, что это Пуаби со свежей одеждой, Нинани властно велела зайти. Увидев в зеркало, кто вошёл, она от страха размазала тушь по всему лицу.

Эн-Гула вернулась.

Вскрикнув, Нинани обернулась. Она не знала чего бояться больше: того, что девушка – приведение, или того, что за ней зайдёт храмовая стража с приказом арестовать принцессу. Но вместо этого за жрицей зашли два человека, завёрнутых в плащи торговцев.

Упав на колени, Эн-Гула поцеловала ближайшую ступню принцессы.

– Госпожа, – пробормотала она.

Паника сменилась у Нинани осторожностью. Один из двух странных людей тихо прикрыл дверь, предварительно убедившись, что их никто не видел. Принцессе удалось справиться со своими страхами, и в ней проснулось любопытство.

– Эн-Гула, – спросила она, – где ты была? Что случилось? И кто эти люди?

Со вздохом облегчения Доктор снял с себя маскировку. Под тяжёлым шерстяным плащом было жарко. Энкиду ограничился тем, что отбросил назад капюшон своего плаща. Увидев его, Нинани чуть не вскрикнула.

– Ты... то существо Гильгамеша!

Она готова была кричать, чтобы позвать на помощь. Эн-Гула вскочила на ноги.

– Тихо, госпожа! – прошипела она. – Он не причинит вам вреда! Он пришёл помочь нам с Иштар. А этот – бог Эа.

Нинани не знала, что и сказать. Недоверчиво глядя на Доктора, который вежливо приподнял шляпу, она в конце концов произнесла:

– Прости, но увидев, что сделала Иштар, я перестала доверять спустившимся с неба божествам.

– И правильно делаете, – согласился Доктор. – Дела тут у вас ужасны. Но я прибыл, чтобы что-то с этим сделать. Эн-Гула сказала нам, что вы хотите лишить её власти.

Принцесса кивнула.

– Она – зло, от неё горе и моему отцу, и нашему городу, – она с интересом осмотрела его. – Может ли такой, как ты, помочь победить её?

– Я, наверное, единственный, кто это может сделать, – сказал он ей. Затем он повернулся к Эн-Гуле:

– Тебе лучше рассказать принцессе о том, что с тобой случилось.

Он терпеливо стоял, пока жрица рассказывала о том, как нашла Доктора, и как Эйс напала на храм. Доктор старался сдерживать своё возмущение действиями Эйс. Затем девушка рассказала о совете в Уруке, и завершила свой рассказ.

Нинани обвела всех взглядом.

– Так значит, – наконец, сказала она. – Гильгамеш, Айа, и певец ушли искать Утнапиштима, а вы трое пришли сюда. Зачем?

Ответил за всех Доктор.

– Мне очень нужно заглянуть в комнату Иштар, – объяснил он. – Там всё её оборудование. Я знаю, что она имплантировала какие-то радиопередатчики в мозги некоторых людей, благодаря чему может управлять ими. Я бы хотел, если это возможно, прервать эту связь до того, как уничтожить Иштар.

– Значит, – донёсся со стороны двери низкий, жёсткий голос, – ты участвуешь в измене, Нинани?

Они все обернулись. Нинани побледнела. В открытых дверях в окружении солдат стоял её отец.

16. ОЗЕРО ДУШ

Эйс рассматривала вышедшего из лодки мужчину. Он был высокого роста, больше 180 сантиметров, лицо у него было обветренное и морщинистое. Волосы у него были чисто белые и довольно растрёпанные. Он явно только что проснулся. Незнакомец провёл костлявым пальцами по волосам, пытаясь привести их в порядок.

Его одежда когда-то была униформой. Тяжело было понять, какой она была раньше, поскольку она была рваная, залатанная, грязная; но местами ещё остались пятна изначального коричневого цвета. Его обувь сохранилась гораздо лучше, а в лодке лежала пара перчаток. Завершал его наряд пояс, к которому был пристёгнут небольшой пистолет.

– Ты кто? – спросил Гильгамеш. – Почему ты не упал передо мной ниц?

Изумлённо посмотрев на царя, пугало ответило:

– Меня зовут Уршанаби, незнакомцы. Что же касается падения ниц... – он пожал плечами. – Раньше от меня такие навыки не требовались. Вы первые, кто сюда пришёл за несколько недель с нашего прибытия. А теперь расскажите кто вы такие.

Недовольный Гильгамеш шагнул вперёд. Эйс видела, что он готов схватиться за свой топор.

– Я Гильгамеш, царь людей, – холодно сообщил он Уршанаби. – Мои спутники – Айа и музыкант Аврам.

– Правда? – мужчину это не впечатлило. – И далеко вы идёте?

– Мы пришли, – быстро вмешалась Эйс. – чтобы встретиться с Утнапиштимом.

Она с опаской глянула на Гильгамеша, и по его лицу было ясно, что его терпение подходит к концу.

– Неужто? – Уршанаби почесал подбородок и на мгновение задумался. – Вас, должно быть, стражи пропустили.

– Конечно пустили, – сказал Гильгамеш, едва сдерживаясь. – Ты сам сказал, что сюда никто не приходит. Как ещё мы могли сюда попасть?

– Верное замечание, – согласился мужчина, по-прежнему спокойный. – Но лишь частично. Стражи – хорошие солдаты, но их логические функции несколько ограничены. Может быть, вы расскажите мне, зачем вы хотите увидеть Утнапиштима?

– Может быть, – с угрозой заревел Гильгамеш, – ты нас пропустишь, и не будешь лезть не в своё дело?

– Это моё дело, – объяснил Уршанаби. – Я решаю, кто попадёт на остров, – он указал в сторону озера.

Эйс увидела, что даже вблизи вода казалась почти чёрной. На дно кратера проникало слишком мало света. Это вызывало ощущение одиночества, отрезанности. Она вздрогнула. Уршанаби заметил это и тихо засмеялся.

– Да, это место тоску наводит. Мы называем его Озеро Душ. Потому что душа замирает, когда глядишь в него.

– Кстати, о душах, – зловещим голосом перебил его Гильгамеш. – Если хочешь, что бы твоя душа осталась в теле, води нас немедленно к Утнапиштиму.

Мужчина удивлённо изогнул бровь и посмотрел на царя.

– Не торопите меня, – ответил он. – Решения тут принимаю я. А не какой-то мускулистый мудака с топором.

Этого царь не выдержал.

– Клянусь задницей Лугальбанды! – проревел он. – Я больше не буду терпеть чужие приказы!

Он бросился к Уршанаби. Тот попытался увернуться, но не успел. Огромный кулак Гильгамеша коснулся его груди, и он полетел на землю.

– Прекрати! – заорала Эйс и вцепилась в занесенный Гильгамешем кулак.

С таким же успехом можно было пытаться остановить падающее дерево. Отбросив её в сторону, царь собрался устроить взбучку своему пленнику.

Но Уршанаби перестал изображать спокойствие; он выхватил пистолет и направил его на Гильгамеша. На секунду у Эйс был соблазн позволить ему выстрелить, но, вспомнив об инструкциях Доктора, она неохотно решила, что рисковать нельзя – а вдруг пистолет настроен не на оглушение? Она выбила пистолет, и кулак Гильгамеша врезался в лицо несчастного Уршанаби.

Эйс удивилась, что голова бедолаги не сплющилась. Судя по звуку удара, нос сломался; по грязной униформе потекла кровь. Гильгамеш отбросил свою жертву в сторону, всё ещё не утолив свой гнев. Выхватив из-за спины свой боевой топор, он напал на единственную доступную ему другую жертву – лодку.

Эйс с отчаянным криком пыталась его остановить. Он снова отшвырнул её в сторону и принялся за вёсла, пока от них не остались одни щепки. В таком же исступлении он бросился на единственную мачту судна. Высокая мачта треснула, словно дерево во время бури, и рухнула поперёк борта. Тяжело но дыша, но всё ещё не успокоившись, Гильгамеш искал новую жертву.

Эйс не могла больше это терпеть. Она подняла оружие Уршанаби. Оно было довольно простым в обращении, и она выстрелила царю под ноги. Зашипев, песок расплавился, собравшись в пенистую массу стекла. Оружие было настроено на поражение. Если бы она его не выбила, Гильгамеш был бы уже мёртв. Тем не менее, царь не мог быть уверен, что она не пристрелит его.

– Хватит! – приказала она. – Успокойся!

Гильгамеш мрачно посмотрел на неё, но спорить с тем, что она держала в руке, не стал. Бормоча себе что-то под нос, он немного успокоился. Эйс повернулась к лежавшему на земле Уршанаби.

Аврам смочил лоскут, оторванный от своей одежды, и протирали им кровь с лица оглушённого человека. К удивлению Эйс, Уршанаби, несмотря на силу обрушившегося на него удара, всё ещё был в сознании. Она опустилась на колени рядом с музыкантом и скривилась, глядя на это пугало, которое оказалось крепче, чем выглядело.

– Простите, пожалуйста, Гильгамеша, – извинилась она. – Даже в лучшие моменты он немного импульсивен. А сейчас у него не лучшие времена.

– Это заметно, – слабым голосом сказал Уршанаби.

Он говорил в нос, что было не удивительно. Отмахнувшись от тряпки Аврама, он с трудом сел и посмотрел на обломки.

– И за это тоже простите, – угрюмо добавила Эйс. – Его немного понесло.

– Может, он тогда и вас понесёт... – с трудом сказал Уршанаби.

– Что вы имеете в виду?

Он указал на лодку.

– Эта лодка была единственным способом попасть на остров Утнапиштима. Так что, даже если бы я и хотел вас туда отвезти, я не смогу это сделать после того, как этот идиот порубил мачту и вёсла. Теперь мы тут застряли.

У Эйс замерло сердце – она поняла, что он говорит правду.

– А заменить их нельзя? – спросила она.

Уршанаби слабо хохотнул в ответ. Он обвёл рукой вокруг:

– Вы тут где-нибудь видите деревья?

Он был прав. В этом вулканическом ландшафте было немного кустарника, травы, но ничего такого размера, чтобы можно было соорудить замену мачты или вёсел. Последнее дерево, которое могло бы пригодиться в качестве материала, она видела три дня назад... Ей

страшно было даже думать о том, что нужно три дня идти обратно, а потом тащить сюда дерево.

Но... что тогда делать? Она посмотрела в чёрную воду, и от всего сердца пожелала, чтобы Гильгамеш оказался под её поверхностью. Желательно с бетонными блоками на ногах.

Доктор вдруг понял, что он единственный, кто остался стоять: остальные при виде царя распростёрлись на полу. Он доброжелательно протянул руку.

– Как поживаете? – вежливо обратился он. – Вы, должно быть, царь Агга. Я много о вас слышал. Насколько я понимаю, у вас есть проблема, разобраться с которой я могу помочь.

Не обращая на него внимания, царь медленно ступил вперёд. Конец его скипетра на короткое время задержался на плече Нинани.

– Встань, – сказал он ей усталым голосом.

Она поспешно встала, и он покачал головой.

– Дочь, что ты тут делаешь?

– Пытаюсь помочь, – печально сказала она.

Агга фыркнул:

– И обсуждение измены должно помочь?

– Мы не обсуждаем измену! – вспыхнула она. – Мы говорим о том, как сломить власть Иштар над тобой.

Агга указал скипетром на Энкиду:

– А это, значит, не обезьяно-человек, который служит Гильгамешу?

Нинани неуверенно посмотрела на неандертальца.

– Да... Но он говорит, что хочет помочь нам.

– А что же ему ещё говорить? – сразу согласился Агга. – Он хочет помочь Гильгамешу захватить мой трон. Мы все знаем, что царь Урука видит в нас своих врагов. Или военный трофей, который можно добыть.

Он посмотрел на Эн-Гулу.

– А это кто?

– Она жрица из храма Иштар, господин, – робко ответила Нинани.

Кивнув, царь повернулся к Доктору, который вежливо приподнял шляпу и улыбнулся.

– Ясно. А ты, наверное, тот не потерявший сознание человек, которым интересовалась Иштар вскоре после разрушения её храма?

– Ах, да... – ответил Доктор. – Я могу это объяснить. Понимаете...

Агга взмахнул скипетром, чтобы Доктор замолк.

– Не нужно мне ничего объяснять. Мне это не интересно. Но я тебе кое-что объясню, – его взгляд впился в глаза Доктора. – За то, что ты со своими спутниками сделал с её храмом, Иштар едва не разрушила мой город. Я не буду этим рисковать. Она сказала мне, что у неё есть ящик, который может опустошить все человеческие земли. Я этим её словам верю, и не стану рисковать вызвать её гнев тем, что выслушал дураков, которые замышляют что-то против неё.

– Если вы не выступите против неё, она вас поглотит, – сказал ему Доктор.

– Нет, – ответил Агга. – Если мы выступим против неё, она нас всех уничтожит. Я не буду этим рисковать.

– Вы совершаете большую ошибку, позволяя ей шантажировать вас.

Не желая слушать, Агга повернулся к страже.

– Отведите обезьяно-человека и его спутников в камеру, – приказал он. – Я останусь с принцессой, чтобы поговорить с ней наедине.

Он безразлично смотрел, как выполняется его приказ.

Прежде, чем выйти, Доктор в последний раз бросил на него взгляд, полный жалости и презрения. Затем двери закрылись.

С тяжёлым сердцем Агга снова повернулся к дочери.

– Нинани, – вздохнул он. – Я люблю тебя так же, как я любил твою мать. Я понимаю, что то, что ты делала это заботясь обо мне. Но... – и его голос стал жёстким. – Больше никогда даже и не думай помогать мне таким образом. Я сам принимаю решения, а ты должна им

полностью подчиняться. В противном случае, хоть ты и любимая дочь, ты будешь наказана. Тебе всё понятно?

Покраснев от стыда и сдерживаемой обиды, Нинани коротко кивнула. Он обращался с ней, как с глупым ребёнком!

– Хорошо.

Он заметил гнев в её глазах.

– Я понимаю твои чувства, дочь. Ты делала лишь то, что считала верным. Но если бы Кишем правила ты, а не я, ты бы скоро узнала, что для принятия решений нужно обдумать очень, очень многое. Мудрый царь скрывает свои мысли и не делится ими. Твоя идея напасть на Иштар могла показаться тебе умной, но на самом деле безумно опасна. У неё есть способности, которых мы не понимаем, и её гнев, если он будет вызван нами, может нас погубить.

Нинани больше не могла сдерживать свой гнев.

– И мы будем сидеть и ничего не делать, позволяя ей делать всё, что ей захочется? – закричала она. – С чего ты взял, что она не планирует убить нас в любом случае? Ведь лучше же умереть, сражаясь за свободу, чем умереть как рабы!

– Умирать никогда не лучше, ни по какой причине, – наставлял её отец. – Пока мы живы, мы можем надеяться.

– Надеяться? – осмелев от его мягкого голоса, Нинани дала волю своим эмоциям. – На что мы можем надеяться, если из страха перед ней ты садишь в тюрьму тех, что мог нам помочь?

Агга гневно посмотрел на неё, с трудом сдерживаясь. В конце концов он сдержанно сказал:

– Следи за тем, что говоришь, дочь. Ещё одна такая вспышка и, хотя ты и принцесса, тебя посадят в колодки вместе с твоими друзьями. И будут пороть до тех пор, пока твой язык не будет знать своё место. Молчи, и делай как велено!

Он развернулся и вышел из комнаты. Ожидавшая его стража закрыла за ним дверь.

Нинани вдруг поняла, что так сильно сжала кулаки, что её ногти впились в ладони до крови. Заставляя себя успокоиться, она разжала руки. Она поднесла к лицу залитые кровью ладони, не видя их. Если её отец думает, что сломил её дух, он ошибается. И он ошибается, думая, что ублажать Иштар – лучшая тактика. С богиней нужно воевать, любой ценой. Глубоко вдохнув, Нинани попыталась успокоиться. Ей нужно что-то придумать. Из всех заговорщиков на свободе осталась только она. Теперь всё зависело от неё. Она понимала, что отец её накажет по-настоящему, если сочтёт это правильным, но ей придётся пойти на этот риск. Она всё больше убеждалась в том, что Иштар – зло, которое грозит уничтожить всё вокруг. Как её отец мог даже думать о том, чтобы потакать ей?

Она подошла к двери и прислушалась. Как она и думала, там кто-то был. Её отец сделал её узницей в собственной комнате. Но это её не остановит. Нужно только придумать, как выйти.

Уршанаби постепенно приходил в себя после уложившего его удара; он начал сваливать деревянные обломки, оставленные Гильгамешем, в небольшую кучу. Эйс следила за его действиями без интереса, разочарованная тем, что они так далеко зашли лишь ради того, чтобы застрять тут из-за охватившего Гильгамеша припадка.

Аврам тихо беседовал с лодочником, явно выпытывая у него детали для очередной песни. Гильгамеш сидел на камне и думал о чём-то своём. Эйс представляла себе, что сталкивает его в воду и кидает на его голову камни.

Она наблюдала за тем, как Уршанаби, заручившись помощью Аврама, вынимал из лодки остатки сломанной мачты. Один длинный кусок древесины что-то ей напоминал, но она не могла вспомнить что. Она заставила себя сконцентрироваться, и до неё дошло.

Широко улыбаясь, она бросилась к лодочнику и певцу.

– Эй! – крикнула она. – А какая глубина этого озера?

Уршанаби пожал плечами:

– Не очень большая. Чуть больше человеческого роста, наверное. У него не было времени накопить много воды. Но даже и не думайте о том, чтобы плыть на остров.

Она думала совсем не об этом, но это предупреждение её озадачило, и она спросила:

– Почему?

Вместо ответа он кинул в воду палку. Чернота воды немного побурлила, потом опять стало тихо. Увидев шок на её лице, он мрачно улыбнулся.

– Утнапиштим выпустил в воду рыб-убийц, – объяснил он. – Чтобы остановить непрошенных гостей.

Эйс вздрогнула.

– У ворот роботы, тут сторожевые барракуды... Как же сильно он любит уединение.

Уршанаби странно посмотрел на неё.

– Мы всего лишь защищаемся, – сказала он ей.

От чего? – подумала Эйс. А вслух сказала: – Что же, переплывать озеро нам не обязательно. Почему бы нам не воспользоваться шестом?

– Шестом?

– Да, – усмехнувшись, Эйс взялась объяснять. – Это очень популярно в будущем, через несколько тысяч лет. Нужно двигать лодку, отталкиваясь от дна длинным шестом. Вообще-то, примерно такой длины, как обломок мачты. И если тут воды всего два с половиной метра, всё получится.

Потирая подбородок, Уршанаби задумался.

– Возможно, получится, – наконец, согласился он. – Но понадобится много сил, чтобы дотолкать нас до острова.

Эйс ухмыльнулась и посмотрела на Гильгамеша.

– У нас тут есть кое-кто с избытком сил, которые ему не помешает на что-нибудь израсходовать...

Когда Эйс объяснила ему свою идею, Гильгамеш, хотя и сомневался в ней, не стал всерьёз возражать. Несмотря на все свои недостатки, дураком он не был. Он понимал, что он, в конце концов, чуть не испортил их поход, и молча клял себя за необдуманные действия. У него появился шанс загладить свою вину. Он должен был согласиться хотя бы попробовать. Уршанаби сел на носу, а Эйс и Аврам позади него. Гильгамеш осторожно зашёл на корму и оттолкнулся куском мачты от берега.

Вокруг лодки возникло бурление, которое было вызвано не движением лодки, а голодными рыбами, изучающими новый объект. Но шест был несъедобный, им он быстро наскучил, и они уплыли.

Хотя раньше Гильгамешу толкать лодку не доводилось, он быстро приноровился. Напрягая мышцы, он поднимал шест, а затем погружал его до тех пор, пока тот не упирался в дно. Сильно оттолкнувшись, он снова поднимал, перемещал, опускал... Лодка скользила по чёрным водам Озера Душ навстречу тому, что могло их ждать в центре острова.

Эйс не могла прогнать мысли о том, какой их там ждёт приём. Пока что все решения Утнапиштима говорили в пользу того, что «все, кто выжил, будут осуждены». Почему у него такая паранойя относительно гостей? Могут ли они действительно рассчитывать на то, что он поможет им победить Иштар?

Доктор попробовал подвигать ступнями ног, а затем осмотрелся.

– Бывал я в казематах и пострашнее, – оптимистично сказал он спутникам. – И колодки эти не такие уж и тугие.

В темноте он едва разглядел, что Энкиду скривился.

– Отлично, – ответил воин. – Это хорошая новость. А плохая новость в том, что они, наверное, удержат нас тут навсегда.

– Капитулянт, – ответил Доктор.

– Да ну? – горько рассмеялся Энкиду. – А твои волшебные способности могут нас отсюда вызволить?

Обиженно посмотрев на грубое деревянное устройство, удерживающее его ноги, Доктор был вынужден сказать правду.

– Нет. Они для этого слишком просто устроены. Электронный замок или старый добрый навесной замок – с такими я бы в два счёта разобрался. Но их ещё не изобрели.

Колодки представляли собой просто два куска древесины, которые удерживали их ступни вместе. Куски были соединены друг с другом простым, но эффективным методом: в отверстия обеих половинок были забиты деревянные клинья. Освободить ноги можно было только выбив клинья молотком.

Закованная в отдельные колодки, напротив Доктора и Энкиду всхлипывала Эн-Гула. Доктор жалел, что не может дать ей платочек.

– Ну что ты, что ты, – сказал он, надеясь, что это утешает. – Всё, наверное, не так плохо.

Сам же он тоже переживал. Не смотря на уверенность, с которой она действовала до этого, Эн-Гула на самом деле была почти девочкой, которая была вынуждена рано повзрослеть из-за своей профессии. В душе она была ещё ребёнком и нуждалась в утешении. Он никогда не умел себя вести в таких случаях. Он мысленно корил Аггу за то, что тот не выделил для неё отдельную камеру. Тогда он смог бы игнорировать её проблемы и на какое-то время сосредоточиться на своих. Порывшись в карманах, он нашёл потёртый бумажный пакет. Он протянул его ей:

– Лакричных конфеток?

Эн-Гула никак не прореагировала, продолжая тихо плакать. Как низко она пала! Несколько недель назад она была жизнерадостной послушницей в храме Иштар, любила свою работу, нравилась мужчинам. А теперь она заперта в подвалах под дворцом вместе с получеловеческим существом и странным безумцем. Прихоти богов оказались для неё чрезмерны. Её мечты рухнули, её мучили кошмары.

Энкиду тем временем не бездельничал. Он осторожно испытал прочность всех соединений в колодках. Его волосатая кожа вздымалась

под напрягающимися мускулами, но здесь от них толку не было. Скованный таким образом, он просто не мог приложить свою силу туда, куда было нужно. Тем не менее, он считал, что бывало и хуже.

Он был воин, он был готов ко всему, что могло с ним случиться. Если ему суждено провести в этих колодках несколько часов, а то и дней, то можно потратить это время с пользой. Он собрался уже устраиваться удобнее, чтобы заснуть, но услышал, что Доктор бормочет себе под нос.

– Ну же, ну же, – раздражённо говорил Доктор. – Должен же быть способ выбраться. Столько нужно сделать, нельзя терять время здесь!

Энкиду рассмеялся:

– Ты разговариваешь сам с собой, дружище.

– Потому что я люблю умных собеседников, – едко ответил Доктор.
– Не могу же я весь день так потерять.

Пожав плечами, Энкиду сказал:

– Выбирать нам не приходится. Сделай то же, что сделаю я: отдохни, пока есть возможность. Кто знает, когда нам наши силы понадобятся?

– О, как это по-философски, – проворчал повелитель времени. – Ешь, пей, и веселись, потому что завтра, возможно, умрёшь... Так?

– Хороший принцип жизни, – рассудил Энкиду. – Что будет, то будет. Наша роль вынести всё, что шлют нам боги, и сделать всё, что в наших силах. Тогда нас будут помнить и после того, как наши души перейдут к Белит-Шери, который всех записывает в книгу мёртвых.

– Ну, я бы всё-таки предпочёл сделать что-нибудь более конструктивное, – сказал ему Доктор.

– Мы все хотели бы, но некоторые вещи неизбежны. Смерти не откажешь.

– Ну, не знаю, не знаю, – усмехнулся Доктор. – Раз или два у меня это получалось... Впрочем, после этого я становился другим человеком.

Энкиду эти странные слова не были понятны. Он вздохнул:

– У меня лишь одно сожаление по поводу смерти.

– Всего одно? Если бы мне предстояло умереть, я бы составил список размером как Энциклопедия Британника. Так о чём же ты сожалеешь?

– О том, что я последний в своём роду. После меня мой народ навеки исчезнет, – Энкиду с грустью посмотрел на свои ноги. – Мой народ забудут.

Доктор толкнул его в бок:

– Тогда у меня для тебя есть хорошие новости.

Энкиду недоверчиво посмотрел на него, и Доктор продолжил:

– Ты не последний из своего народа. Прямо сейчас спит некто по имени Нимрод. Он проснётся в будущем, через пять тысяч лет. Мы с Эйс знакомы с ним. Довольно милый парень, хотя дворецкий из него ни к чёрту. Он будет вашим наследником.

Переважив это, Энкиду улыбнулся.

– Так значит, я не последний?

– На ближайшие несколько тысяч лет – нет.

– Хорошо, – смиренно вздохнув, Энкиду закрыл глаза. – Теперь я умру спокойно.

Доктор с отвращением посмотрел на него, но без толку. Неандерталец заснул. Завидуя его способности, Доктор продолжил пытаться думать о том, как освободиться. Энкиду, может быть, не брал это близко к сердцу, но он так не мог. У него было мрачное предчувствие, что близится критический момент, и когда всё начнётся, ему нужно будет быть свободным.

17. УТНАПИШТИМ

Когда они доплыли до острова, Уршанаби пришвартовал лодку и повёл маленький отряд на берег. Кроме скал там ничего не было видно, ни единого признака места, где мог бы жить Утнапиштим. Они шли среди вулканических обломков, плавно набирая высоту. Наконец, они подошли к краю большой впадины. Уршанаби указал рукой вниз. Подойдя к гребню, Эйс проследила за его взглядом и чуть не ахнула.

Они были на краю огромной ямы поперечником почти милю. О её глубине судить было невозможно, потому что она полностью была наполнена чем-то, похожим на город из паутины.

Перед ними дрожали минареты из света и воздуха. Башни, дорожки, пандусы были словно сотканы из волшебных материалов. Длинные тропы извивались между зубчатыми зданиями, уводя в ещё более яркие глубины. Казалось, что они смотрят на город фей, бестелесный и нереальный.

Гильгамеш выругался, и даже Аврам пробормотал защитную молитву. Они оба остановились позади Эйс и не решались идти дальше.

– Что... Что это за место? – с трудом спросила Эйс.

Уршанаби улыбнулся.

– Это не место. Это наш корабль.

– Корабль? – переспросил Гильгамеш. – Но... где его вёсла? Рабы? Паруса? Как он может плыть?

– По воздуху, мой вспыльчивый друг, – объяснил Уршанаби. – Сквозь пустоту между звёздами, – затем он скривился. – Во всяком случае тогда, когда исправен. А сейчас он находится здесь и никуда отсюда не сдвинется, – он снова пошёл вперёд. – Идите за мной.

– Вниз? – опасливо спросил Гильгамеш.

– Конечно. А как ещё вы собираетесь говорить с Утнапиштимом? Он живёт в корабле, – лодочник удивлённо оглянулся: – Или Гильгамешу, царю людей, страшно?

– Никто не смеет называть Гильгамеша трусом! – прорычал царь, потянувшись к топору. – Я просто проявляю осторожность.

Эйс шлёпнула его по руке.

– Тогда проявляй её позади меня, – предложила она и пошла вниз за Уршанаби.

Нахмурившись, Гильгамеш пошёл за ней, а потрясённый Аврам замкнул колонну. Шли медленно, потому что все, кроме Уршанаби, были зачарованы сверкающими внизу огнями. Казалось, что этот город был живым существом, и прямо под его кожей течёт кровь пастельных оттенков. Волны света пробегали по улицам, зданиям, и земле. Это было странное, неземное, и неописуемо красивое зрелище.

Эйс подумала о том, что её культурный шок, наверное, даже сильнее, чем у Гильгамеша и Аврама. Они оба просто смирились с тем, что это было недоступно их пониманию, и теперь уже ничто их не удивляло. Для них летающий корабль был просто волшебством. Эйс, с другой стороны, уже много чего повидала за время странствий с Доктором: чудеса Ледяного Мира, ужасы Райских Башен, зло Психоцирка. Но это было абсолютно не похоже на всё, что ей доводилось видеть.

Даже сам масштаб поражал. Они вошли сквозь нечто, служившее шлюзом, но вместо того, чтобы оказаться в пустых металлических коридорах такого космического корабля, который ожидала увидеть Эйс, они зашли в страну чудес. Внешняя оболочка корабля была залита сияющими, извивающимися огнями. Изнутри стены, пол и крыша были освещены танцующим сиянием, озаряющим внутренность корабля. Дороги протянулись по паркам. Здания протыкали то, что служило небом. Было даже журчание воды, и она увидела недалеко от дороги ручей.

Растения и деревья немного отличались от всего, что она раньше видела. Большие растения, похожие на орхидеи, росли рядом с колючими кустами. Под ногами росло что-то среднее меду травой и

мхом. Странные деревья экзотической формы оборачивались друг вокруг друга и тянулись к искусственному небу. Она видела людей, ходивших в зданиях и по тротуарам.

– Поразительно, – наконец, смогла сказать она. – Круть!

Уршанаби небрежно улыбнулся:

– Нам это нравится. Когда-то Ану выглядела похоже.

– Выглядела? – переспросила Эйс.

– Нам лучше не задерживаться и идти к Утнапиштиму, – сказал их проводник, избегая вопроса. Он указал на платформу, похожую на большие напольные весы, в конце которой стоял вертикальный столбик с какими-то приборами. – Залезайте.

Эйс сделала, как он сказал, аккуратно ступая по основанию. Оба мужчины молча повторили её действия, а Уршанаби занял место возле столбика. Его пальцы бегали по панели управления, и у Эйс в лодыжках возникло лёгкое, приятное ощущение, удерживающее её на месте во время взлёта платформы в воздух.

– Это магия! – ахнул Аврам, глядя на мелькающие под ними поляны.

– Направленные гравитационные поля, – сказал Уршанаби. – Это быстрее, чем идти. И не так утомляет.

– Да, – согласилась Эйс, наслаждаясь ощущением. – Лучше карусели.

Они двигались напрямик к одному из самых крупных зданий, пролетая над низкими сооружениями и маневрируя между высокими. В тот момент, когда казалось, что они сейчас столкнутся со стоящей перед ними стеной, в ней возникло и расширилось отверстие, в которое они залетели и резко остановились. Головокружения не было; платформа просто опустилась на пол, и удерживающее ощущение в лодыжках пропало.

– Сюда, – сказал их проводник, выходя из комнаты, и жестом показал идти за ним.

Это было похоже на любое офисное здание, в которых бывала Эйс... правда, она в таких местах не часто появлялась. Полы были покрыты мягкими ковровыми дорожками, стены были пастельных тонов, в основном голубых и зелёных. Не было видно явного источника света; казалось, что само здание излучает мягкое свечение, освещавшее помещения. Уршанаби остановился у двойной двери и приложил ладонь к небольшой пластине, встроенной в стену. Ненадолго что-то загудело, двери разъехались, и он повёл их вовнутрь.

Эйс не знала, чего ожидать, и была немного разочарована тем, что оказалась в обычном кабинете. Правда, он был большой, но всего лишь кабинет. Он был шириной около двенадцати метров, и вся дальняя стена представляла собой окно, из которого было видно город. Прямо перед окном стоял массивный стол длиной три метра, и шириной больше метра. Его поверхность была чисто белой, на ней ничего не было. Вокруг стола стояло несколько стульев.

С одной стороны на стене висела белая доска, а рядом с ней было что-то, что на Ледяном Море Эйс приняла бы за бар. Полки были заставлены бутылками экзотической формы и содержимого. Рядом стояли наготове несколько стаканов. Уршанаби отошёл в сторону, указывая гостям пройти к столу. Ему не нужно было указывать; их внимание и так привлёк сидящий за столом мужчина. Он был высокий, ростом больше двух метров. На нём была такая же, как у Уршанаби, униформа, только свежая и чистая. Её белизна почти ослепляла. Его лицо было покрыто морщинами и другими следами времени и утомления, но в золотых глазах светилось любопытство. Его волосы и борода были коротко подстрижены, и тоже чисто белые. Он был похож на бесцветного Санта-Клауса.

— Итак, — сказал он спокойным голосом. — Вы хотели меня видеть? Я Утнапиштим.

— Да, — ответила Эйс, протягивая ему руку. — Я Эйс. Это Аврам, певец, и Гильгамеш, царь Урука.

Утнапиштим вежливо кивнул мужчинам, но проигнорировал руку Эйс. Она не знала, не понял ли он её жест или просто проигнорировал. Смутившись, она опустила руку. Она не могла не чувствовать благоговения перед этим человеком. Он просто излучал собой уверенность, которую, похоже, чувствовал даже Гильгамеш.

– Ты бог? – спросил царь, удивлённо рассматривая комнату. – Это небеса?

Утнапиштим по-доброму засмеялся.

– Нет, я не бог. И это всего лишь моё рабочее место. Далеко не рай, а иногда, боюсь, почти ад.

Он посмотрел на Аврама.

– Мне кажется, вы уже однажды приходили. Стражи докладывали о певце, который разговаривал с ними несколько недель назад.

Аврам сглотнул и опасливо кивнул.

– Я рассказал о тебе госпоже Айа, – запинаясь, сказал он. – Она и господин Эа очень заинтересовались, и она пришла просить вас о помощи.

Уршанаби прервал их, раздавая с серебряного подноса напитки. Эйс взяла один из вежливости и надпила. На вкус напиток был похож на какой-то фруктовый сок, после их долгого путешествия это было то, что нужно. Утнапиштим тоже взял стакан и улыбнулся, увидев, недоверчивое лицо Гильгамеша.

– Безвредная смесь фруктовых экстрактов, – заверил он царя и надпил сам, чтобы успокоить его. – Судя по вашему виду, вам нужно было попить. А теперь присаживайтесь, пожалуйста, и расскажите о цели вашего визита.

Он искоса посмотрел на Эйс.

– А вы, похоже, не местная. Мне казалось, что в этой цивилизации женщины не считаются равными мужчинам.

– Не считаются, – ответила Эйс. – Я не из этой страны... и из другого времени.

– Путешествуете во времени? – с любопытством спросил Утнапиштим. – Это возможно? Я слышал о том, что это возможно, но только... – он замолчал. – Продолжайте.

– Ну, Доктор и я – своего рода бродяги в пространстве и времени, – объяснила Эйс. – Мы прибыли сюда и обнаружили тут серьёзную проблему, с которой, мы думаем, вы можете нам помочь.

– Я не уверен, что мы можем... или должны... вообще помогать вам, – вздохнул Утнапиштим.

Эйс почувствовала, что ничего хорошего не будет.

– Вы хотите сказать, что не хотите помогать, – спросила она, – или не можете?

– И то, и другое.

Он встал и какое-то время помолчал.

– Уршанаби, ты не мог бы немного развлечь наших двух гостей? – он указал на Гильгамеша и Аврама. – А я поговорю с... Эйс? Поговорю с Эйс с глазу на глаз.

Уршанаби кивнул:

– Конечно.

Обращаясь к мужчинам, он сказал:

– Быть может, вы хотите немного поесть?

– Пир? – у Гильгамеша заблестели глаза. – С пивом? А... тут есть женщины?

– Много, – сказал лодочник, сверкнув глазами. Если царь попробует приставать хоть к одной из них, он об этом пожалеет.

– Тогда мне тут понравится, – Гильгамеш встал, готовый к новым впечатлениям.

Аврам был не настолько решителен, но Эйс кивнула ему, пытаясь приободрить. Уршанаби вывел их из комнаты, и дверь за ними с шипением закрылась.

Утнапиштим жестом предложил Эйс подойти к окну. Несколько секунд они смотрели в окно.

– Моё наследие, и моя проблема, – объяснил старик. – Нас в этом городе почти семнадцать тысяч. В генетических банках хранятся материалы ещё почти на миллион, – он посмотрел прямо на неё, и она увидела в его глазах сильную боль. – А у нашего чудесного корабля запасов энергии осталось буквально на шесть недель.

Она начала понимать, к чему он клонит.

– А потом? – спросила она.

– А потом нам придётся уйти, – внезапно устав, он опустил взгляд на её лицо. – Мы должны будем уйти и искать себе новый дом, здесь, на Земле.

Он вздохнул и опустился в кресло.

– Мне это не нравится. Мы древний народ, и нам придётся адаптировать эту планету под наши потребности. Я вижу, что нам придётся сражаться. Мы технологическая раса, и местные люди никогда не примут нас теми, кто мы есть. Будут проблемы, конфликты.

У Эйс мороз пробежал по коже:

– Вы говорите о войне...

– Да, Эйс. Теперь ты понимаешь, почему мы не можем помочь этим людям? Да простят нас боги, но мы собираемся отобрать у них их планету.

Эйс почувствовала, как уверенность покидает её, а кровь оттекает от лица.

– Война? – повторила она без выражения.

– Мне это нравится не больше, чем вам, – ответил Утнапиштим. – В конце концов, я цивилизованный человек. Но я не дурак, – он снова указал в окно, на город. – Я знаю, что любая попытка вывести всё это наружу, в этот примитивный мир, за пределы нашего острова, вызовет ужасные проблемы. Но у меня нет другого выбора. Мой долг перед моим народом важнее всего. Наследие Ану должно выжить, и если это должно быть здесь... – он пожал плечами. – Значит, так и будет.

Он снова повернулся лицом к ней, и она видела в его глазах ужас.

– Мне не нравится то, что я делаю, но как лидер этих людей я должен принять это решение. А затем жить с его последствиями, какими бы они ни были.

– Вы не понимаете, – наконец, сказала она. – Вы не можете сделать то, о чём говорите.

– Эйс, – грустно сказал он, – я понимаю, насколько это для тебя отвратительно, но у меня нет друго...

– Не выйдет, – сказала она, отчаянно надеясь, что он не заметит её сомнения. – Я путешествую во времени. Я появлюсь на свет лишь где-то через пять тысяч лет. На этой планете. Среди людей. Не среди ваших потомков.

Высказанный Эйс пример темпоральной причинности поразил Утнапиштима. Поняв, о чём она говорит, он снова отвернулся к окну.

– Земля останется за людьми? – тихо сказал он. – Тогда что случится... случилось... с моим народом?

– Я не знаю, – ответила она. – Я раньше никогда об Ану не слышала. И хотя я путешествую уже довольно много, я не помню, чтобы мне доводилось слышать о ваших потомках.

Устало опустившись в кресло, Утнапиштим подпёр голову правой рукой.

– И это всё? – спросил он, обращаясь не к ней. – После всего того, через что мы прошли... Всё бесцельно? Мы просто погибнем здесь?

Эйс стало его жалко, и она попыталась утешить его.

– Вселенная большая. В моём времени вы можете где-то быть, и я о вас не знаю. А что занесло вас сюда? Расскажите мне, – предложила она. В таком состоянии он ни за что Доктору помощь не предложит. – Знаю, я впечатление не произвожу, но вдруг я смогу помочь.

Она постаралась подавить в себе мысль о том, что ни черта у неё не выйдет. А ещё она пыталась прогнать мысль о том, что, вполне возможно, это и есть тот кризис, который повлияет на всю будущую жизнь на Земле! Быть может, в какой-то отколовшейся реальности

Утнапиштим и его народ всё-таки завоевали планету? Эта мысль была неприятная, но Доктор, похоже, был уверен, что опасность, которой им нужно противостоять, это Иштар. Впрочем, Доктор уже ошибался в прошлом; что если он ошибся и в этот раз? Ведь пока что не было признаков ничего, что можно было бы считать Времяточцем. Она прогнала эту мысль и снова обратилась к Утнапиштиму. У него, казалось, вот-вот наступит нервный срыв. Навалившееся на него горе было, должно быть, ужасным.

– Расскажите, – снова попросила она. – Что значит «наследие Ану»?

– Почему бы и нет? – он рассеянно провёл рукой по коротко стриженным волосам, пытаясь взять себя в руки. – По крайней мере, это поможет убить время.

Он жестом предложил ей сесть и продолжил:

– Этот корабль, этот город, в котором мы находимся, представляет собой всё, что осталось от нашей планеты, Ану. Отсюда до неё много тысяч световых лет, Эйс, и когда-то она была очень красивая. Теперь у нас остался только этот ковчег, да и он протянет не долго.

– Наверное, Ану не была раем, которым мы её себе представляем. На ней, конечно же, были проблемы, но нам там нравилось. Наши города были примерно такими: красивыми, зелёными, в них мы могли расслабиться и быть счастливы. Наши науки добились удовлетворительных результатов, и жизнь для всех была проста и элегантна.

– А затем появилась Катака.

На какое-то время он погрузился в свои воспоминания и замолчал. Затем, вспомнив об Эйс, он выпрямился и улыбнулся ей:

– Откуда она взялась, никто толком не знает. Наверное, вначале она была просто одной из нас. Но у неё была ужасная боязнь смерти, она не могла смириться с тем, что хотя мы и живём почти тысячу лет, в конце концов к нам приходит смерть. Она слышала, наверное, рассказы о расе

существ, называющих себя повелителями времени и живущими вечно. Это просто сказки, их рассказывают детям по всему космосу.

– Нет, не вечно, – тихо сказала Эйс. – Тот, с кем я путешествую, один из них. Его зовут Доктор.

Утнапиштим вопросительно поднял бровь:

– Простите меня. В другое время я бы был в восторге от того, что мифическое существо оказалось реальным существом из плоти и крови. Но сейчас... – он снова вздохнул. – Боюсь, что сильные переживания лишают возможности радоваться. В общем, не знаю почему, но Катака решила, что она не умрёт. Она экспериментировала с кибернетикой, заменяла части живой плоти механическими аналогами.

– Да, я знаю, что такое кибернетика.

Эйс очень хорошо помнила холодную хватку киберлюдей, с которыми имела дело совсем недавно. Конечные результаты замены тканей, они были мрачными, неумолимыми, логичными дьяволами, и входили в число главных врагов Доктора.

– В общем, у неё были успехи. Наш народ в прошлом баловался кибернетикой, но потом забросил эту отрасль. Наши познания в медицине позволяют нам выращивать утерянные конечности и сохранять тело в хорошем состоянии вплоть до самого момента смерти.

Эйс удивлённо спросила:

– Если вы можете выращивать органы заново, то почему вам приходится умирать?

Утнапиштим кивнул:

– Хороший вопрос. Мы можем обновлять большинство органов, но единственное, что мы не можем обновлять – ткань мозга. Она неизбежно деградирует до такого состояния, когда мы уже не можем ничего поделать. Наши живые умы просто изнашиваются. Можно сказать, что мы умираем не от болезни или несчастного случая, а просто от усталости.

– Катаку это не устраивало. И она придумала способ оставаться живой. Вместо того, чтобы пытаться вырастить ткани мозга заново, она просто периодически заменяла их.

– Как?

– Выражаясь грубо, она отбирает их у других живых существ.

Увидев на лице у Эйс отвращение, он кивнул.

– У нас такая же реакция на это. Как только мы узнали, чем она занимается, её действия тут же были остановлены, а её саму приговорили к смерти, которой она так боялась. Если бы только этот приговор было так просто привести в исполнение!

Он снова на какое-то время задумался о прошлом. Наконец, он поднял взгляд.

– Она, разумеется, знала, что однажды власти обнаружат, что происходит. И она готовилась к этому. Во время своей работы над поддержанием жизни своего мозга, она сделала ещё одно открытие, которое было ещё ужаснее, чем первое.

– Она столкнулась с проблемой хранения своих воспоминаний – при отмирании клеток мозга информация неизбежно терялась. Свежие клетки очищались от мыслей хозяина, и оставались пустыми до тех пор, пока она не заполняла их. И тогда она попыталась соединить живое сознание с компьютерной резервной памятью. Там она, если можно так сказать, хранила второй набор всех своих данных. И она обнаружила, что может пользоваться искусственным разумом так же, как и своим собственным. Она изготовила маленькие радиоприёмники, которые могла имплантировать в черепа других людей, а затем соединять их со своим компьютерным разумом, который получал возможность управлять этим человеком. Она могла видеть их глазами, думать их мозгами, ощущать то, что ощущали их тела.

После паузы, Эйс спросила:

– И что было дальше?

– Мы были слепыми глупцами. Нам удалось изолировать Катаку, её приговорили к смерти, она кричала и молила проявить милосердие. Милосердие! Она сама не понимала смысл этого слова, – он вытер платком пот со лба. – Но в конце она перестала умолять, и стала угрожать. Во время казни она пообещала, что отомстит нам. Я был тем, кто был назначен её палачом, и, выполняя свою обязанность, я видел по её глазам, что она говорила правду. Я понимал, что она действительно верит в то, что отомстит нам, даже после смерти. Но я мало кого смог в этом убедить.

– Мне было страшно, Эйс, ужасно страшно. Я поверил в обещанное ею разрушение, хотя и понятия не имел о чём идёт речь. Вот я и построил этот ковчег, просто на всякий случай. Если бы она каким-то образом смогла уничтожить Ану, я смог бы спасти хоть что-то. Мы построили его в космосе, на орбите вокруг нашей планеты, и я убедил других лидеров планеты в том, что это экспериментальная колония. Они считали это безрассудством, но позволили мне обеспечить его припасами и набрать добровольцев.

– И хорошо, что я его сделал. Мы почти закончили, когда Катака выполнила своё обещание. Понимаете, когда её поймали и казнили, мы ещё не знали о её запасном компьютерном сознании. Она о нём, разумеется, не упоминала. Но это компьютерное существо было ею... до последней детали, до последней мысли. И оно очень страстно нас ненавидело. Оно не спеша установило связь с контролируемыми сознаниями. Некоторых оно заставило изготовить для него тело. Остальных заставило работать над созданием смертоносного оружия, которое было у нас запрещено много-много поколений назад: кобальтовую бомбу.

– Когда до нас дошли новости, я занимался пополнением запасов этого города-корабля. Катака вышла из своего убежища и нанесла удар по всей планете. У неё тоже был некий корабль, управляемый её

рабами. Её компьютерная личность погрузилась на борт этого корабля, а затем подорвала кобальтовую бомбу.

Прошло несколько минут, прежде чем он смог продолжить рассказ. Но в глазах его всё равно оставались слёзы, голос был хриплый.

– Мы увидели... Мы увидели охваченную смертельным огнём поверхность нашей планеты. Против неё обернулись все стихии. Все до одного, кто был на планете, погибли. Ану была опустошена в считанные мгновения, и превратилась в тлеющий, безжизненный обугленный шар посреди космоса.

– Но Катака не знала о моих планах так же, как я не знал о её. Она была удивлена тем, что мы живы, так же, как мы были удивлены тем, что жива она. Тогда она попыталась напасть и на нас. Перед самой гибелью Ану другие члены совета предупредили меня о том, что Катака по-прежнему жива в виде компьютерного существа. Она не смогла удержаться и позлорадствовала над своими жертвами перед тем, как взорвать бомбу, и у них было несколько секунд на то, чтобы перед смертью предупредить меня. Но это позволило мне подготовиться. Я создал электронный организм... запрограммированную болезнь, которая должна была проникнуть в её сознание и уничтожить его...

– Компьютерный вирус? – спросила Эйс.

– Компьютерный вирус... да, точно, это был вирус. При помощи радиосигнала мне удалось передать его на её корабль. Это почти сработало. Если бы у меня было больше времени на его разработку, возможно, она бы умерла. Но вместо этого вирус только оборвал её связь с её рабами. А затем она атаковала нас. Мы атаковали её. Наше сражение представляло собой последовательность манёвров, мы прыгали через гипер-пространство, нанося удары и уклоняясь. В конце концов, над этой планетой, мы победили. Корабль Катаки развалился под нашим огнём, и ей, наконец-то, пришёл конец. Но было слишком поздно. Мой корабль, мой город, повреждён, наш запас топлива загрязнён и становится бесполезным. Мы были вынуждены совершить

экстренную посадку. Мы выбрали это место потому, что оно удалено от местных городов, мы не хотели их беспокоить. Мы приземлились благополучно, но с тех пор медленно теряем запасы энергии. Ничто из того, что мы смогли сделать, нам не помогло. Очень скоро нам придётся покинуть этот корабль навсегда.

– Печально, но наш единственный шанс в том, чтобы отобрать эту планету у местной расы. Поэтому я поставил двоих стражей наблюдать за подходом. Была бы у нас энергия, их количества на наших складах хватило бы для самостоятельного завоевания этой планеты. Но при имеющихся остатках энергии мы не можем себе этого позволить. Нам придётся сражаться, используя примитивное оружие этой эпохи и наши технологические навыки. Что ещё нам остаётся делать? – он грустно посмотрел на Эйс. – Такая вот перед нами ужасная дилемма.

– Всё гораздо хуже, чем вы думаете, – угрюмо сказала она. – Вы не уничтожили эту вашу Катаку. Она жива и здравствует в Кише в качестве богини Иштар.

Утнапиштим чуть не лишился сознания.

– Вы врёте! – наконец крикнул он.

– Нет, не вру. Она там, набирает новых рабов и готовится захватить новую планету. Поймите, очень скоро будет уже не важно, вы или люди будут контролировать Землю. Если ничего не предпринять, она будет всё контролировать.

После долгого молчания щёки Утнапиштима вновь обрели цвет. Эйс подала ему фруктовый сок, но он отказался.

– Я хорошо себя чувствую, – заверил он её, – учитывая эту ужасную новость.

– Итак, – сказала она, – что вы собираетесь делать?

– Делать? – уныло переспросил он. – А что я могу сделать? – он обвёл рукой помещение. – Когда мой корабль был целым, нам едва удалось остановить её. А сейчас нам повезёт, если она наши действия хотя бы заметит. Теперь мы не можем её ничем остановить.

– Нет! – сердито настаивала Эйс. – Нельзя ещё сдаваться! Она всё ещё слаба.

Пытаясь что-нибудь придумать, она схватила его за мундир.

– У вас роботы-стражи. Почему не отправить их за ней? Они же её за секунды разнесут, так?

Он покачал головой.

– Эйс, это невозможно. Она сможет перехватить управление и натравить их на нас, если узнает где мы. Я не посмею посылать их к ней. И мы не можем полететь на этом корабле так далеко, у нас не хватит на это энергии. Кроме того, если мы даже доберёмся до этого вашего Киша, что мы там сможем сделать? Закидать её камнями? Или заговорить её до смерти?

– А тот компьютерный вирус, – усмехнувшись, сказала Эйс. Она почувствовала воодушевление. – Вы сказали, что он бы её победил, если бы у вас была возможность доработать его.

Утнапиштим немного подумал, а потом опять покачал головой.

– Нет, Эйс. Я не смогу. Даже если как-то доработаю этот вирус, его потом нужно будет ввести в её тело. Это нужно будет сделать лицом к лицу, потому что теперь она наверняка имеет защиту от такого вмешательства.

– Тогда поднимайте свою задницу, и беритесь за работу, – заорала Эйс. – Нельзя вот так сдаваться. Нельзя, когда в ваших руках судьба моего вида. Я вам не позволю. Она угрожает моей планете и моему будущему. Я не позволю ей уничтожить их только потому, что у вас нет мужества сражаться за то, что вы считаете верным.

Пожимая плечами, Утнапиштим вздохнул и медленно встал.

– Хорошо, – согласился он. – Я займусь этим компьютерным вирусом. Но даже если я смогу сделать вирус, который сделает то, что нам нужно, как мы заразим им Катаку?

– Я что-нибудь придумаю, – пообещала Эйс. – Вы сделайте для нас оружие, а я позабочусь о том, чтобы оно попало туда, где нанесёт ей наибольший урон.

Она закрыла глаза и до боли сжала кулаки. Ради всего человеческого рода, она не имела права на ошибку. Осталось только молиться о том, что Доктор придумает, как воспользоваться вирусом...

18. ПОБЕГ

Нинани осмотрела вазу для благовоний, которую она держала в руках, и пожалела, что другого большого контейнера у неё не было. Она её ещё ни разу не открывала, а это должен был быть редкий и красивый аромат, привезенный из долины Инда. Но ваза ей была нужна для более важной цели, чем забота о своём запахе. Освободив левую руку, она приоткрыла немного дверь, чтобы можно было выглянуть.

Часовой был всего один, и он не производил впечатление бдительного. Её отец не думал, что она попробует выйти, и часовой знал, что у него простое задание, к которому можно серьёзно не относиться. Ну и дурак. Ухватив вазу за горлышко, Нинани осторожно приоткрыла дверь ногой, ровно настолько, чтобы выйти. Её босые ноги ступали бесшумно, она на цыпочках подошла вплотную к часовому.

Как она и боялась, хрупкая ваза раскололась от удара об голову мужчины. Он упал, покрытый липким пахучим веществом и керамическими осколками. Нинани нагнулась и убедилась, что он ровно дышит. Она не хотела сделать инвалидом того, кто всего лишь выполнял приказ. К счастью, он всего лишь потерял сознание. Она нащупала на его голове шишку, но череп остался невредим.

Вернувшись в комнату за сандалиями, она затем быстро побежала по коридору, стараясь оставаться в тени. Сбегая вниз по каменным лестницам, она никого не встретила. У двери камеры часового не было: он не был нужен, поскольку изнутри дверь открыть было невозможно, а снаружи её открыть, нарушив приказ царя, никто бы не посмел. Нинани подумала, что несколько дней назад она бы тоже не посмела. Но при нависшей угрозе того, что Иштар с каждым днём становится всё сильнее, у неё не было другого выбора. Она вынула запирающий дверь засов. Затем тихо открыла дверь.

Все трое были там. Энкиду и Эн-Гула спали, а Доктор всё ещё пытался освободиться. Ему удалось снять туфлю и носок, и он пытался

вспомнить о том, как Гарри Гудини учил его сжимать ступню, чтобы протолкнуть её в узкую щель. Увидев свет со стороны двери, он удивлённо обернулся.

– Принцесса! – пробормотал он. – Что, уже настал час посещений?

– Тихо, – прошептала она. – Я пришла освободить вас.

– Вы уверены, что это разумно? – спросил он, глядя как она берёт в руки молот и деревянный клин. – Мне кажется, что ваш отец будет недоволен.

– Мой отец обычно мудрый человек, – ответила Нинани, – но в данном случае он позволил своим страхам заглушить разум.

Опустившись на колени, она упёрла свой клин в тот, который удерживал колодки. Затем осторожно начала бить по нему молотом.

Шум разбудил спавших. Доктор зашипел на них, чтобы они молчали. Стараясь шуметь как можно меньше, Нинани выбила второй клин, и Энкиду смог убрать верхнюю колодку, освобождая ноги себе и Доктору. Затем воин взял у Нинани молот и клин, и взялся освобождать жрицу. Прыгая на одной ноге, Доктор вернул на место носок и туфлю. Как только Эн-Гула была свободна, Доктор подозвал всех к себе.

– Так, – сказал он вполголоса, – нужно быстро уходить. Мы не знаем, когда кому-нибудь взбредёт голову нас проверить, так что нужно использовать всё время, которое у нас есть. Эн-Гула, ты можешь провести нас в храм Иштар таким путём, где людей поменьше?

– Конечно, господин, – сказала она. – Идите за мной.

Она повела их к выходу из замка, остальные старались не отставать. Энкиду оставил себе молот, поскольку это было единственное подобие оружия, которым он мог воспользоваться в случае проблем.

Замыкавший колонну Доктор позволил себе немного надежды.

– Я знал, что что-нибудь придумаю, – поздравил он сам себя. – Ещё немного такого везения, и Иштар наступит конец.

Агга сидел на троне и пил из серебряного кубка молодое вино. Набирая его в рот, он глотал его так быстро, что не успевал даже почувствовать вкус. Он знал, что не следовало топить свои страхи в выпивке, но угрюмо продолжал это делать, поскольку ничего другого придумать не мог.

В глубине души он понимал, что Нинани была права – Иштар их всех поработит. Но что он мог поделаться? Глотнув ещё, он подумал о том, что Иштар, если ей заблагорассудится, вполне могла убить Нинани, и он не мог этим рисковать. Кроме того, был ещё этот волшебный ящик, который мог уничтожить всё мироздание, если Иштар умрёт. Заглянув в её глаза, он понимал, что это не пустая угроза.

Положение было безнадёжным. В целом, он считал себя способным и, возможно, даже хорошим царём. Но в таких условиях?.. Боги насмехались над ним, сделав его царём ничего. Что он мог сделать? Он попытался хлебнуть ещё вина, но кубок был уже пуст. Потянувшись к графину, он налил себе ещё. Стукнув графином об стол, он заметил, что в тени что-то движется.

– Кто там? – проревел он, вглядываясь в темноту. – А ну покажись, как подобает честному человеку!

На освещённое факелами пятно вышел Думузи. В мерцающем свете в его виде было что-то нечеловеческое. В его худом лице, белой бороде, тяжёлом носе, а прежде всего – в остекленевших глазах.

– Приветствую, господин, – пробормотал он. – Отдыхаешь?

– Нергал тебя побери, гад ползучий! – ответил царь, хлебнув вино.
– Ты почему крадёшься в темноте?

– Если бы я не крался, о царь, кто-нибудь заметил бы, что я шпионю за тобой.

– Так значит, – огрызнулся Агга, – ты присматриваешь за мной для Иштар?

– Дурак, – резко сказал верховный жрец. – Я и есть Иштар. Эти глаза – мои глаза, этот язык – мой язык. Я здесь, точно так же, как если бы тут присутствовало моё тело.

– От тебя у меня мурашки по коже, – сказал он жрецу, шатаясь, вставая на ноги. – Я верю тебе, Иштар. Я уже видел, как ты овладевала людьми. И зачем же глаза Думузи шпионят за мной?

– Я ждала, – ответил жрец. – Я хотела, чтобы ты, прежде чем предстать передо мной, оказался в этом жалком, шатающемся виде. Мне весело смотреть на то, как царь Киша ведёт себя как обычный пьяница.

– Тебе весело? – засмеялся он. – Разве это не человеческая эмоция? Богине это не к лицу.

Тело Думузи пожало плечами.

– Во мне, возможно, мало человеческого, – сказала оно от имени Иштар. – Но мои эмоции остались. Я люблю посмеяться... А иногда – отомстить, – улыбка на лице Думузи была похожа на трупное окоченение. – Настало время мести.

Шатаясь, Агга сошёл с трона и подошёл к старому жрецу. Мутным от алкоголя взглядом он смотрел на него, пытаясь подавить свой страх.

– Мести? Что это ты такое несёшь?

– Как? – удивлённо спросил Думузи. – Ты что, разве не знаешь, что делает твоя дорогая красавица-дочка?

Аггу бросило в холод, он чуть не протрезвел.

– Она у себя в комнате, под охраной, – ответил он. – Она не имеет никакого...

– Напротив! – проревел Думузи, озвучивая удовольствие Иштар. – Она только что освободила троих пленников, которых ты скрыл от меня. Ты думал, что я о них не узнаю? И о том, кто они? Дурак! Они все вместе направляются к моему храму. Агга, я тебе предупреждала о том, что если она будет мне мешать, то станет либо моей рабыней, либо моим обедом. Теперь ты увидишь, как я держу своё слово.

Выругавшись, Агга выплеснул остатки вина в лицо Думузи. Оттолкнув старика в сторону, царь быстро вышел из тронного зала. Не обращая внимания на капающее с его лица вино, Думузи смотрел как царь, шатаясь, выходит в коридор.

– Да, – довольным голосом пробормотал он, повторяя мысли Иштар, – я знала, что после этого ты примешься действовать. Ещё один спешит ко мне. Обожаю вечеринки... Какое соберётся общество, какое будет пиршество!

Запрокинув голову, старый жрец захохотал нечеловеческим голосом посреди пустого зала.

– Мне это не нравится, – проворчал Энкиду.

Подавляя в себе желание закричать, Доктор постарался сказать спокойно:

– Я, конечно, ценю реализм, но ты разве не слышал о преимуществах позитивного мышления? Со времени нашего побега ты только и знаешь, что жалуешься.

– Потому что я от природы осторожный, – ответил Энкиду. Он выглянул из-за колонны, за которой они оба прятались. Перед ними был главный зал храм Иштар. – И говорю тебе, мне это не нравится.

– В таком случае, обещаю тебе, что когда всё закончится, я поговорю с декораторами, чтобы они тут всё перекрасили.

Обезьяно-человек недовольно сверкнул взглядом:

– Я имел в виду, что тут слишком тихо.

– Возможно, он прав, господин, – вмешалась в их спор Эн-Гула. – В этот час тут обычно около двадцати жрецов, приносящих жертвы.

Доктор ещё раз быстро всё осмотрел. Он видел только шесть или семь фигур в балахонах, хотя около двадцати посетителей несли своих животных в качестве подношений.

– Может быть, у них обеденный перерыв, – предположил он. – Мне всё кажется нормальным, – он недовольно посмотрел на них обоих. –

Ну почему вы не можете прекратить оспаривать все мои решения? Возьмите пример с Нинани.

Принцесса настороженно смотрела, чтобы никто неожиданно не подошёл к ним сзади. Её очень удивляли собственные храбрость и умения, и ей было приятно, что господин Эа похвалил то, что она делала, и её отношение к ситуации.

– Хорошо, – неохотно сказал Энкиду. – Тогда как нам пройти через храм, не вызвав подозрений?

– А почему всё должен я придумывать?

Доктор ещё раз выглянул из-за колонны. Из людей они видели только жриц, которые сидели в своих альковах. Время от времени один из посетителей-мужчин подходил к одной из них и бросал монету-подношение. Тогда жрица уводила его в одну из боковых комнат общаться с богами.

– Хм... Эн-Гула, мне кажется, что тебе пора вернуться к обязанностям жрицы.

Она посмотрела на него непонимающими глазами, и ему пришлось объяснить:

– Нам нужно попасть в помещения за алтарём. Между нами и теми помещениями есть комнаты, которыми пользуются жрицы. Мы можем сделать небольшой крюк, чтобы нас не заметили.

Эн-Гула широко улыбнулась, поняв, что он имеет в виду. Кивнув, она изменила свой костюм так, чтобы грудь была видна, и таким образом она вновь стала служительницей храма. Доктор же при помощи зонта умудрился стащить пару плащей со стола, на котором прихожане, прежде чем войти вглубь храма, оставляли одежду. Один из них он дал Энкиду, а во второй завернулся сам.

Нинани посмотрела на них и решительно сказала:

– Я не собираюсь обнажаться ради этого маскарада, – сказала она ему. – Негоже для принцессы демонстрировать себя таким образом.

И не обращай внимания на то, что это может спасти наши жизни, – подумал Доктор. Вслух же он сказал:

– Ладно, будем надеяться, что стараний Эн-Гулы будет достаточно. Энкиду, води её в помещение для уединения, а затем незаметно проскользните во внутренние покои. А я пойду следом за тобой с Нинани.

Солдат-неандерталец кивнул.

Набросив плащ и на себя и на принцессу, Доктор сказал:

– По крайней мере, постарайся притвориться, что собираешься доставить мне райское удовольствие...

Каждый шаг был для них пыткой. У Эн-Гулы получалось более чем достоверно изобразить, что она вернулась к старой работе и, соблазняя, заманивает клиента. Нинани изо всех сил пыталась делать то же самое, но, по мнению Доктора, это было столь же убедительно, как если бы певец-любитель попытался исполнить оперу Вагнера, не имея ни нот, ни слуха. Тем не менее, никто в храме не обратил на них внимания, так что он решил, что их маленькое представление было либо абсолютно убедительным, либо ужасно скучным.

Пройдя мимо входа в будуары, они прошмыгнули в помещения позади алтаря. Доктор в последний раз оглянулся через плечо и облегчённо вздохнул. Он не был уверен, что им удастся дойти сюда без помех. Отбросив плащ в сторону, он всмотрелся во мрак.

– Проблемы с освещением? – спросил он.

Во время его прошлого визита сюда тут было так же темно.

Эн-Гула пожала плечами:

– Иштар любит мрак.

– Хм... Интересно, это потому, что она не выносит свет, или же у неё исключительное зрение, и она хочет иметь преимущество над посетителями?

– В любом случае, – прошипел Энкиду, – пока тут темно, мы в худшем положении. Почти ничего не видно, сложно в таких условиях сражаться. Или шпионить.

– Ну, если мы будем стоять тут весь день и разговаривать, то лучше не станет, – ответил Доктор. – Я прекрасно вижу, так что идите за мной.

Не дожидаясь подтверждения их согласия, он повёл их через комнату ко внутренней двери. К счастью, его глаза были гораздо чувствительнее, чем у его спутников-людей. Он надеялся, что Иштар допустит ещё несколько таких просчётов.

Это было помещение, где Иштар работала на публику. Запах эфира тут был гораздо сильнее. Возле одной из стен Доктор увидел несколько тщательно запечатанных сосудов. Видимо, это её запасы усыпляющего средства. Комната была красиво обставлена и, криво усмехнувшись, он заметил в стене две ниши по бокам от двери. Расставь в каждую нишу по жрице, и любого входящего схватят, опустят на колени, и усыпят, если возникнет такая потребность. Так они его и поймали во время первого визита.

Но почему в комнате никого нет? Может быть, у Иштар неотложные дела в другом месте? Велев жестом никому не двигаться, Доктор тихо прошёл к дальней двери. С запозданием он понял, что остальные его жест в темноте увидеть не могли и продолжали идти следом.

– Пойдите минутку здесь, – прошипел он.

Убедившись, что они его послушались, он вошёл в дверь покоев Иштар.

В этой комнате было светлее, потому что работало много приборов. Две стены были заставлены компьютерами, на которых постоянно были запущены какие-то программы. Остальное место было занято аппаратурой слежения. Среди приборов был только один промежуток, который Доктор счёл камерой дозарядки. Если Иштар была, как он подозревал, кибернетическим организмом, то здесь она подключалась

для зарядки своих аккумуляторов. С этим можно будет разобраться позже.

В конце комнаты было что-то вроде трона, а прямо перед ним стоял маленький квадратный ящик. Он быстро подошёл к нему, и рассмотрел его сквозь очки. Затем тихо присвистнул.

– Кобальтовая бомба... Да ещё и подключённая к мозгу, судя по всему, – он прикусил губы. – Тогда отключать её немного опасно. Значит, она не соврала Агге, говоря, что может стереть Месопотамию с лица Земли.

Решив не забивать себе пока что этим голову, он пошёл рассматривать компьютеры. Они не были ему знакомы, но он решил, что сможет быстро с ними освоиться. Всему миру может стать лучше, если их немного перепрограммировать. Где-то среди этого оборудования есть радиоустройство, позволяющее Иштар поддерживать связь с теми, кого она Коснулась. Если оно будет подключено к огромным цепям, которые она создала на стенах Киша, её сигнал сможет распространиться на весь известный в этот период истории мир. Имея подходящий источник питания и достаточное количество электронных имплантатов, она, наверное, сможет править Землёй.

Эта мысль его пугала – так Иштар изменит ход человеческой истории и эволюции. Учитывая то, что ему о ней рассказали, Доктор сомневался, что эти изменения будут к лучшему. Если у неё была потребность вживлять людям в головы устройства, управляющие их разумом, значит, у неё не было уважения к личности, но было всепоглощающее желание контролировать всех. Ни то, ни другое нельзя было назвать похвальным.

– Настало время небольшого саботажа, Доктор, – сказал он сам себе. – Прежде всего, монитор...

Он подошёл к экранам на соседней стене. Задумчиво нажимая на клавиши под одним из них, он добивался того, чтобы на экране

отобразились пути команд компьютера. Не успел он ничего сделать, как на экране возникло изображение.

А на нём Доктор увидел собственный затылок. Он медленно обернулся, и его изображение на экране повторило его действия.

В дверях была Иштар; её сияющие красным глаза были направлены на него. Немного сдвинувшись вперёд, она проворковала:

– Доктор! Наконец-то мы встретились.

19. ПИРШЕСТВО ИШТАР

Иштар полностью вползла в комнату. Она ползла по полу как змея, на которую так была похожа, и внимательно рассматривала Доктора. Он тоже внимательно её изучал. Наконец, она склонила голову набок.

– Тебе нравится то, что перед тобой, Доктор? – спросила она.

– Превосходно, просто превосходно, – ответил он с энтузиазмом. – Кожа из платинового сплава, я полагаю. Поразительно сложная, и в то же время такая гибкая. Гуманоидные черты, видимо, являются пережитком прошлого... быть может, проявление тщеславия? Но змеиная часть тела очень хороша для движения. И износоустойчивая, наверное. Встроенные в неё сенсоры, похоже, гибкие и легко адаптирующиеся. Что-то вроде позитронного мозга с аналогами мозговых клеток... Просто превосходно.

Затем он добавил:

– Жаль, что такие умения используются для таких разращённых целей.

– А, – весело сказала она, – мораль. Слабость, отличающая дурака от гения.

– Достоинство, отличающее мудрого от преступника, – возразил Доктор.

– Слабость, – настаивала она, – отличающая мёртвого от живого.

Одна из её металлических рук коснулась лица Доктора и погладила его почти с любовью.

– Сам видишь, у меня слабостей нет. И никто не может противостоять моей силе.

Она снова улыбнулась, и он поразился тому, насколько человеческими могут быть выражения её лица. И какой ужасно красивой она была. Впрочем, подумал он, при использовании такого совершенного материала, как платина, это не удивительно. На ней ведь не бывает ни прыщей, ни родимых пятен, ни морщин.

– Что ты сделала с моими спутниками? – потребовал Доктор.

– С людьми? – ухмыльнулась она. – Только не говори мне, что они тебе не безразличны... и что ты тоже представитель этого жалкого, хрупкого вида, – она постучала пальцем под красным глазом. – Меня внешность не обманывает, Доктор. Я знаю, что ты не человек. А вот чего я не знаю, так это того, кто ты. Но ты мне расскажешь об этом, а иначе... – она сделала едва заметный жест.

Стража втолкнула в комнату Энкиду, Эн-Гулу, и Нинани.

– Прошу прощения, – с трудом сказал неандерталец.

Челюсть у него опухла, по щеке текла кровь. Он без боя не сдался. Яркие красные отметины на руках и шеях девушек говорили о том, что им не дали возможности предупредить Доктора.

– Не за что, – ответил Доктор. – Ты сделал всё, что мог.

Снова повернувшись к Иштар, он спросил:

– И что дальше?

– А дальше – неизбежное, – ответила она. – Я победила. Но некоторых игроков всё ещё не хватает. Поэтому я буду щедрой, Доктор. Пойдём, поговорим наедине? Приятно будет для разнообразия поговорить с кем-то, чей ум почти равен моему, – она с презрением посмотрела на людей. – Их ничтожно маленькие мозги меня едва прокармливают, но твой... О, это будет пиршество, которое я запомню надолго.

– Скорее всего, от меня у тебя будет несварение, – быстро сказал Доктор. – Мой ум очень захламлённый и беспорядочный. С ним лучше не связываться.

Иштар довольно засмеялась:

– О, а ты весёлый! Мне это очень понравится. Так скажи мне, из какой ты расы? С какой ты планеты?

Увидев, что он колеблется, она снова провела рукой по его щеке.

– Ну же, малыш. Я всё равно всё скоро узнаю – либо ты сам скажешь, либо я пообедаю. А пока ты меня развлекаешь, я могу сдерживать свой аппетит.

Он неохотно сказал ей:

– Галлифрей.

– Галлифрей? – переспросила она, и все её металлические сухожилия напряглись. – Галлифрей, говоришь? – её лицо опустилось до уровня его лица. – Так ты повелитель времени?

Когда он медленно кивнул, она запрокинула голову и с нескрываемой радостью захохотала.

– Наконец-то! Я знала, что когда-нибудь найду кого-нибудь из вас! Я знала, что вы не миф. И я знала, что найду вас, сколько бы времени это не заняло.

– Или что мы тебя найдём, – поправил её он. – Это вмешательство в развитие человеческой расы недопустимо, Иштар. Прекрати его.

– А иначе что? – презрительно сказала она. – Доктор, ты проживёшь ровно столько, сколько я тебе разрешу. Не пытайся меня запугивать. А что касается моего вмешательства в жизнь людей... Посмотри на них! – она обвела рукой комнату. – Мелкая мразь. Жалкие ничтожества по сравнению с такими существами, как ты и я, Доктор!

Он посмотрел на неё с грустью.

– В этом наши мнения расходятся, – ответил он. – Да, живут они недолго, и да, на этой стадии эволюции они ещё не многого достигли. Но они создали эту цивилизацию с нуля. И не забывай: я повелитель времени. Я знаю, что уже сейчас у них есть потенциал к величию, и я не позволю тебе его уничтожить, поработив их ради удовлетворения своих извращённых желаний.

– Осторожнее, Доктор, – предупредила его Иштар. – Мне нужен только твой мозг, твой язык мне ни к чему. Будешь меня раздражать – я его вырву. Без анестезии... которая на тебя всё равно не действует.

– Обход дыхательных путей, – улыбнулся он. – Полезная штука, когда ходишь в гости к таким, как ты.

– И этот, и все остальные твои секреты скоро станут моими, Доктор, – она снова улыбнулась. – Такие, как манипуляция временем, способность жить вечно. С твоей невольной помощью, Доктор, я стану бессмертной и буду царить в ткани времени.

– Никем ты не станешь, – сказал он ей. – Я не могу позволить тебе вмешиваться сильнее, чем ты уже вмешалась. Всё кончено.

Иштар снова провела рукой по его лицу.

– Надеюсь, твоему мозгу не вредит вся эта глупость, которую ты постоянно несёшь, – сказала она ему. – Иначе я очень расстроюсь. Я бы очень хотела, впервые пробуя вкус повелителя времени, чтобы он был чистым и максимально вкусным.

– Я застряну в твоём горле, как куриная кость, – пообещал Доктор. – Если у тебя вообще будет шанс попробовать меня.

В душе он не был настолько уверен, как пытался говорить... И он видел, что она это понимает. Он не хотел сдаваться, отчаявшись. Пока есть жизнь – есть надежда, – напомнил он себе. Но единственная надежда, которая у него была – что появится Эйс с рюкзаком нитро-9, а он отправил Эйс куда-то в горы искать то, не знаю что.

Внимание Доктора вновь переключилось на комнату – ещё один человек ворвался вовнутрь и резко затормозил. Он был пьян и тяжело дышал после того, как бежал изо всех ног.

– Царь Агга, – сказала Иштар, наслаждаясь происходящим. – Как мило, что ты к нам зашёл.

Не обращая на неё внимания, царь подбежал к Нинани. Он вырубил солдата, который держал его дочь, и попытался поднять её на руки. Вместо этого он почувствовал сильный удар – другой солдат ударил его по спине древком копья. Корчась от боли, Агга рухнул на холодный пол. Вскрикнув, Нинани бросилась на его распростёртое тело, чтобы защитить.

– Как трогательно, – ухмыльнулась Иштар. – Вся семейка собралась вместе. Жаль, что придётся это прекратить.

Она послала своим рабам-стражам мысленный приказ. Один из них грубо оторвал Нинани от её отца. Он не обращал внимания на её крики и удары. Второй страж поднял шатающегося царя на ноги. Иштар подползла к нему, почти касаясь его лица своим.

– Я же говорила тебе, Агга, что будет, если ты не будешь держать свою глупую дочь в узде. Надо было поверить мне, и сильнее стараться.

Она обернулась и поползла к девушке.

– Иштар, не делай этого, – крикнул Доктор. – Прекрати всё это немедленно.

– Нет, Доктор, – ответила женщина-змея. Он почувствовал, что его схватили за руки ещё двое управляемых стражей. – Ты не можешь указывать, что мне делать, а что нет. Никто не может. Дело зашло слишком далеко, чтобы твоих силёнок хватило всё исправить. Молчи, и смотри, что случается с теми, кто ставит мне палки в колёса.

Она потянулась к Нинани. Принцесса дрожала от страха и от сильной хватки стражей. Контролируемый раб насильно опустил её на колени перед богиней. Иштар протянула ладони и взяла ими красивое, перепуганное личико Нинани.

– Моли о пощаде, – сказала она. – Кто знает... Может быть, если ты меня повеселишь, я буду щедрой.

– Я принцесса Киша, – сказала Нинани, изо всех сил стараясь не упасть от страха в обморок. – Я не стану позорить ни себя, ни отца, моля о чём-то таких, как ты.

Затем, собрав всю влагу, которая была у неё во рту, она плюнула в металлическое лицо Иштар.

Иштар скривила лицо и подтащила Нинани ближе к себе. Эн-Гула в ужасе закричала:

– Нет! Пощади её! Возьми вместо неё меня!

– Что? – Иштар с любопытством обернулась на молодую жрицу. – Какая щедрость! Это так неожиданно, – она весело взглянула на Доктора: – Ты прав, повелитель времени. У этой расы большой потенциал... в отношении дурацкой морали, которой ты отдался.

Отвернувшись от них, она взяла в руки дрожащую голову Нинани.

– Обычно, малышка, я пользуюсь анестезией. Но ты меня рассердила, поэтому я не буду избавлять тебя от мучений. Мы прочувствуем твою боль вместе.

Зашипев, из её правой ладони вылез зонд. Нинани с ужасом смотрела на его металлическое остриё.

– Прощайся со своим разумом, принцесса.

Схватив девушку за виски, Иштар подала сигнал в свою ладонь. Зонд начал бурить голову Нинани, и принцесса закричала. В стороне беспомощно взвыл Агга. Эн-Гула упала в обморок. Доктор подавил в себе гнев, Энкиду тоже старался сдерживать свои эмоции. Никто из них не мог ничего сделать. Змеиные черты Иштар охватило выражение экстаза.

Сознание Нинани охватило огнём. Иштар отпустила её, и она упала на спину. Из прижжённой раны на виске текла струйка крови, вокруг начала образовываться гематома. Её глаза снова открылись, боли больше не было, как не было и всего, что принадлежало Нинани. Иштар посмотрела из головы принцессы и, довольная, рассмеялась. Сперва неуверенно, принцесса встала на ноги и подошла к отцу.

– Агга, – сказала она чистым голосом Нинани, но с желчью Иштар, – ты вырастил очень красивого ребёнка, – она посмотрела вниз и провела рукой по мягким тканям одежды принцессы. – Я очень, очень давно так глубоко не погружалась в гуманоидную форму.

Она плясала по всей комнате и смеялась.

– Это просто чудесно, правда? – она снова стала напротив Агги, чтобы поиздеваться над ним. – Мне это понравится. Будет интересно снова есть, пить. Опьянеть! Давно я ничего этого не чувствовала. Или

немного сексуальных развлечений – это тело, похоже, неплохо сложено для такой активности, – она склонила голову набок. – Я уже несколько столетий так глубоко не погружалась в сознание и душу одного из своих рабов. Это так весело!

Агга уткнулся лицом в плечо и плакал.

– В чём дело, Агга? – смеялась она. – Не хочешь, чтобы твоя дочь веселилась? Как тебе не стыдно! Девушкам нужно развлекаться.

– Хватит издеваться над ним, – вмешался Доктор. – Неужели тебе мало?

– Конечно, мало! – прошипела Иштар, повернув к нему свою металлическую голову. – Я хочу насладиться каждой каплей мучений, которые выжму из всех, кто пошёл против меня. Сейчас очередь Агги; очередь Нинани тоже наступит.

Агга понял смысл последней фразы.

– Она не умерла? – спросил он с надеждой.

– Умерла? – засмеялась Иштар. Её голос раздался из горла принцессы: – Ещё нет, царь. Она всё ещё здесь... – тело Нинани постучало себя по голове, – но на задворках. Поверь мне, я наслаждаюсь каждой секундой её страха и отвращения. Она не в силах меня остановить. Она не умрёт, пока я ей не позволю, – тело Нинани опять улыбнулось. – А до тех пор она испытает все унижения, которым я хочу её подвергнуть. И, поверь мне, их будет много.

Эйс громко радостно рассмеялась, когда небольшой летательный аппарат понёс над равнинами её, Аврама, и Уршанаби. Сразу за ними летел аппарат Утнапиштима, в котором также был и нетерпеливый Гильгамеш. Они быстро возвращались с гор – меньше, чем за день, они пролетели то, что прошли за неделю. Они ненадолго задержались в Уруке, где узнали, что Доктор уже отправился в Киш. Как обычно, – подумала Эйс, – Доктор занимается самым интересным, пока её нет рядом.

Уршанаби улыбнулся ей:

– Я уже и забыл, как здорово летать, – признался он. – Но на зарядку этих двух аппаратов ушла большая часть остававшейся у нас энергии. Нам осталось только молиться, чтобы ты оказалась права и этот Доктор смог нам помочь найти другой источник энергии.

– Поверьте ему, – сказала Эйс, мысленно скрестив пальцы. – Он всегда на высоте.

Она повернулась к Авраму, который смотрел на быстро мелькавший под ним ландшафт:

– Правда, круто?

Он удивился:

– Странное слово ты выбрала, – сказал он. – Это потрясающе. Надеюсь, у меня будет возможность сложить об этом песню.

– Песни потом! – широко улыбаясь, крикнул Гильгамеш. – Сперва битвы! Мой топор изнывает от жажды.

Эйс закатила глаза. У этого всегда только битвы на уме. Что же, следующая часть плана ему придётся по душе. Вряд ли Иштар раскроет двери храма и постелет красную дорожку.

На горизонте внезапно появились стены Киша. Эйс с беспокойством отметила, что медных дорожек на стенах стало гораздо больше. Успели ли они прибыть до того, как Иштар завершила то, что хотела? Уршанаби что-то переключил. Аппарат задрал нос и полетел к главной сторожевой башне. Эйс едва разглядела несколько перепуганных лиц, над которыми они пролетели. Гильгамеш у неё за спиной ревел от восторга и размахивал топором, когда аппарат Утнапиштима пролетал над стенами. Эйс заставила себя не оглядываться и не проверять, удалось ли царю кого-нибудь задеть топором.

Затем аппараты опустились и полетели в двух с половиной метрах над людными улицами. Горожане кричали и разбегались, уступая дорогу двум аппаратам, несущимся к храму Иштар.

Перед ними возникли большие каменные стены, и Уршанаби сбросил скорость. Эйс увидела почему: огромные двойные двери были заперты, а перед ними выстроился отряд городской стражи.

– Тут нам не пролететь, – сказал пилот.

– Другого достаточно большого для нас входа нет, – сказал Аврам.

– Что дальше? – спросила Эйс.

Гильгамеш высоко поднял свой топор. С него капала кровь.

– А дальше, – сказал он довольным голосом, – мы будем сражаться!

С громким боевым кличем он спрыгнул на землю.

– Идите сюда! – крикнул он солдатам. – Пришла ваша смерть!

Эйс вздохнула и вынула одну из своих драгоценных банок.

– «Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом»⁴, – тихо сказала она и тоже спрыгнула.

– Ты просто жалкий червяк, – громко сказал Доктор, надеясь отвлечь внимание Иштар от насмешек над Аггой. – Такая бессмысленная жестокость не достойна твоих возможностей.

Похожее на змею тело Иштар подползло к Доктору. Рукой она взяла его за подбородок, словно зажав его в тиски.

– Осторожнее, повелитель времени, – посоветовала она. – Мне нравятся мучения низших существ. Мне приятно осознавать, что я этого никогда не почувствую. Но, возможно, я могу быть милостивой. Кто знает, насколько щедрой я себя почувствую после того, как съем твой ум? Или какие знания я получу, – она улыбнулась ему. – Ты не веришь, что я могу быть милостивой? – спросила она. – О, это правда. Давай покажу...

Нинани подошла к Эн-Гуле, которая только что пришла в себя. Державший её страж отпустил её, и она упала на пол. Перепуганная почти до безумия девушка осторожно начала вставать с пола. Нинани

⁴ Уильям Шекспир, «Генрих V». Перевод Е. Бируковой.

быстро к ней подошла и ударила ногой под коленку, отчего Эн-Гула снова упала на пол. Жрица вскрикнула, а Нинани запрыгнула на неё сверху, её пальцы вцепились в горло Эн-Гулы и начали его сжимать. Эн-Гула пыталась сопротивляться, но без толку. Металлическое лицо Иштар снова оказалось возле лица Доктора.

– Может, убить её сейчас? Это избавит её от больших страданий в будущем, это будет милосердие.

– Прекрати это, – попросил Доктор. – Не делай с ними этого.

– Доктор, – засмеялась женщина-змея, – ты заявляешь, что сострадаешь этим жалким существам. Но в то же время просишь оставить эту шлюху в живых, чтобы я смогла мучить её позже. Это с твоей стороны так бесчувственно. Но хорошо... сделаю по-твоему.

Нинани отпустила шею Эн-Гулы. На горле девушки остались красные пятна. Кашляя, она с усилием сделала хриплый вдох, затем ещё один. Как только она восстановила дыхание, страж схватил её и снова поставил на ноги.

– Зачем ты это делаешь? – потребовал Доктор. – Тебе не достаточно того, что ты победила?

– Нет, – холодно сказала Иштар. – Победить – никогда не достаточно. Нужно ещё и вкусить поражение тех, кто пошёл против тебя. Они должны признать, что ты победил, а они проиграли.

Она не обернулась на вошедшего в комнату Думузи. Верховный жрец был явно под её контролем.

– Возьмём, к примеру, Думузи. Он был любезен, найдя меня в горах, дав мне начальную энергию, чтобы я смогла добраться до этой кучи навоза, называемой городом. Но всё время, пока я была в его сознании, он мне противился. Был бы он ко мне добрее, возможно, я была бы к нему щедрее.

– Возможно, – сказала Нинани с интонацией Иштар, – я бы позволила ему попользоваться этим телом. Но теперь уже поздно.

– Просто иметь власть – недостаточно, Доктор, – мрачно продолжала Иштар. – Нужно этой властью пользоваться. И когда у тебя есть власть над жизнью и смертью, как у меня, то иногда даруешь жизнь. А иногда...

– Нет, – возразил он ей. – Тогда приходишь к выводу, что бывают времена, когда нельзя пользоваться всей имеющейся властью. Учишься сдерживать себя.

– Ты, быть может, и ограничивал себя, – согласилась она, подумав. – С твоими способностями путешествовать во времени, с твоим умом... Ты мог бы запросто править этой жалкой планетой, а не защищать её.

– Возможно, – осторожно сказал Доктор. Он вспомнил других представителей своей рас, которые пытались сделать именно это. – Но из этого никогда ничего не выходит. Власть порождает жажду, и многие утверждают, что пытаются эту жажду утолить. Но она становится ненасытным хозяином.

– Странная у тебя мораль, – ухмыльнулась Иштар. – У меня есть власть делать, что я пожелаю. А я сейчас желаю... освободить Думузи.

Озадаченный этим неожиданным поворотом, Доктор посмотрел на верховного жреца. Тот начал содрогаться и громко закричал. Затем в нём начал просыпаться его разум. Его взгляд остановился на Иштар, и он нахмурился. Впервые за несколько недель его ум полностью принадлежал ему, связь с Иштар пропала.

– Ты обманула меня, воспользовалась мной, – сказал он почти шёпотом.

– Да, – спокойно согласилась Иштар. – И от тебя всё ещё может быть польза, жрец.

Она отвернулась от него и направила лицо на Доктора.

– Его ум снова полностью принадлежит ему, пусть делает с ним что хочет. Я уже выпила из него все знания, которые были мне нужны. Но есть у него ещё один способ послужить мне, есть у него ещё кое-что, что мне нужно – его жизнь.

Она сжала свою металлическую руку в кулак.

Думузи почувствовал, как по коммуникационному модулю, который им так долго управлял, в него хлынул огонь. Закричав, он упал на колени и начал бить себя по вискам, пытаясь справиться с волнами боли, охватившими всё его тело. Он вскрикнул в последний раз, и его сознание растворилось, а тело осело на пол.

Доктор оторвал потрясённый взгляд от того, что только что было человеческим существом, и посмотрел на Иштар. На её лице было удовольствие, отражавшееся и на лице принцессы. Издав продолжительный блаженный вздох, металлическое лицо повернулось к Доктору.

– Какое наслаждение, – сказала она. – А какая вкуснятина!

– В этом не было необходимости, – ответил Доктор.

– Ещё как была, – сказала Иштар. – Это была демонстрация для всех остальных. И просто потому, что мне этого хотелось. Тут играет роль только моя воля, Доктор. Но хватит уже, – она поползла к нему. – Готовься, Доктор. Твой мозг следующий.

Её рука повернулась ладонью вверх, и из неё с жужжанием выдвинулся зонд, готовый поглотить его разум.

Тишину нарушил приглушённый взрыв.

20. ЭЙС НА ВЫСОТЕ

Храм задрожал; в покои Иштар посыпались пыль и камни.

Электроника на мгновение погасла, но затем снова включилась. Снаружи донёсся ещё один глухой взрыв.

Иштар повернула голову на звук.

– Что это было? – яростно прошипела она.

– Похоже на мою подругу, – ответил Доктор. – Только Эйс может озвучить такие тонкие полутона.

– Остановить их! – приказала Иштар страже. А посмотрев на Доктора, добавила: – Это в лучшем случае временная отсрочка.

– Чем богаты, тем и рады, – ответил он.

Он осматривал комнату, выискивая способ переломить ход их противостояния. Большинство стражей отправились встречать Эйс, остались только двое, которые держали Энкиду, и по одному на него, Эн-Гулу, и Аггу. Соотношение сил немного улучшилось.

Комнату сотряс ещё один взрыв. Стражи пошатнулись, и Энкиду воспользовался этим моментом. Быстрым броском он отправил одного из стражей на пол. Затем развернулся и вцепился пятернёй в лицо второго. Тот закричал, Энкиду выхватил у него меч, развернул его, и выпустил стражу кишки. Оттолкнув его тело в сторону, он набросился на стража, державшего Аггу.

– Недоучки! – закричала Иштар, отвлёркшись на мгновение на драку.

Её мысленный контроль над остальными стражами немного ослаб. Почувствовав, что державшая его рука немного расслабилась, Доктор сильно ударил зонтом своего стража по ступне.

Солдат вскрикнул, Доктор развернул зонт, подцепил его ручкой лодыжку солдата, и дёрнул. Стражник упал, и Доктор был свободен. Он бросился к компьютерам.

Энкиду попал в родную стихию. У стража, державшего Аггу, не было шансов противостоять ярости сражающегося неандертальского демона. Энкиду зарубил его, а его меч кинул Агге. Царь вопросительно посмотрел в его глаза.

– В данный момент, – сказал ему Энкиду, – у нас общий враг.

Кивнув, Агга присоединился к атаке на оставшихся стражей.

Видя, что её планы рушатся, Иштар оправила команду, чтобы пришли ещё солдаты. Это досадно, но ничего непоправимого. Стражи, может быть, и уязвимы к лезвию меча, но её металлическому телу это примитивное оружие не страшно. Обернувшись, она увидела, что Доктор возится у панелей управления. А вот это гораздо опаснее! Зашипев, она свернулась кольцом и прыгнула.

Доктор всё ещё пытался разобраться в инопланетном программировании, когда металлическая туша отбросила его в сторону. Хвост Иштар несколько раз обернулся вокруг него. Её лицо внезапно возникло у него перед носом и криво ему усмехнулось.

– Это была бессмысленная попытка, – прошептала она и начала затягивать кольца своего тела.

Доктор почувствовал, что это металлическое объятие сейчас раздавит его тело. Он отключил боль и начал отключать части своего сознания.

Внезапно запахло озоном, и на панели позади него раздался взрыв. По левой руке Иштар ударила молния, оставив струйку расплавленного металла. Впервые на лице Иштар появились неуверенность и боль.

– Отвали, сука! – крикнула Эйс, подражая Сигурни Уивер.

В руках у неё был пистолет, который она позаимствовала у не использовавшегося робота-стража. Она выстрелила ещё раз. Боясь, что рикошет от металлического тела может задеть Доктора, она целилась выше. Позади Иштар взорвалась ещё одна компьютерная панель, и во все стороны полетели платы и магнитные ленты.

– Нет, Эйс, не надо! – крикнул Доктор, освободившись из витков металла.

Разъярённая Иштар приготовилась прыгать на нового врага. Эйс опустилась на одно колено и снова прицелилась. У Доктора не оставалось иного выбора, кроме как воспользоваться своим зонтом. Он бросил его со всей силой.

Зонт ударил Эйс в живот, она вскрикнула и согнулась пополам. Пистолет покатился по полу. Иштар прыгнула на распростёртую Эйс, но Доктору удалось схватить свою спутницу за руку и оттащить в сторону.

– Ты зачем это сделал? – спросила Эйс, пытаясь восстановить дыхание. – Я могла её прикончить!

– Ты прикончила бы не только её, – сказал Доктор. Он указал на кобальтовую бомбу. – На фоне этого устройства атомные бомбы – хлопушки, и оно взорвётся, как только Иштар умрёт.

Сообразив, что она только что могла натворить, Эйс побледнела.

– Что же нам тогда делать? – спросила она.

– Думать!

Уршанаби снова сбросил высоту. В этот раз он отключил ограничивающее поле. Гильгамеш с радостным воем соскочил и, размахивая топором, побежал к солдатам. Топор прокладывал среди солдат кровавую дорогу. К военным песням Гильгамеша добавились крики раненых. Уршанаби летел дальше, вглубь храма. Эйс ушла вперёд без них, опасаясь за безопасность своего друга, повелителя времени.

Утнапиштим и Аврам летели следом на втором летающем скутере. Оба летающих аппарата ворвались сквозь огромную дверь в здание храма. Внутри был хаос. Жрецы и паства бросили совершать свои ритуалы и пытались найти где спрятаться. Стража Иштар, спеша в покои своей хозяйки, отпихивала в стороны всех, кто оказался у них на

пути. Уршанаби, войдя в раж, что-то крикнул и направил свой скутер прямо на них. Солдаты разлетелись в стороны и многие уже не могли встать.

– Славная битва! – воскликнул Аврам, перекрикивая шум.

Утнапиштим фыркнул:

– И бессмысленная! Эти люди сражаются потому, что их принудили, а не потому, что это их битва. Но с Катакой всегда так было.

В своей святая святых Иштар вновь взяла ситуацию под контроль. Наконец-то её воинов накопилось достаточно, чтобы обуздать Энкиду. Его вынудили стать на колени и прижали к горлу меч. Агга, расправившись с одним из бывших своих верных воинов, развернулся, чтобы помочь своему временному союзнику.

Между ними стояла Нинани. Со злой ухмылкой она прыгнула на своего отца. Он понимал, что она одержима Иштар, но всё равно не мог ударить любимого ребёнка. Не имея возможности обороняться, он попятился назад, оступился, ударился головой о металлические корпуса приборов, и упал. Нинани вырвала из его ослабших рук меч и приставила к его сердцу.

– Слабость! – прошипела она. – Сострадание!

Но она не стала наносить удар. Агга, ещё не оправившийся после удара головой, просто смотрел на лицо, которое он когда-то любил.

Бой завершился. Иштар выползла из-за колонны и приблизилась к Доктору.

– Ты поступил разумно, остановив эту напавшую на меня девчонку, – сказала она ему, с ненавистью посмотрев на Эйс. – Но, как видишь, её тщетные попытки ничего тебе не дали.

– Отнюдь, – раздался позади неё голос Утнапиштима. – Она выиграла нам время.

Иштар зашипела от ярости, увидев своего старого врага, а с ним Уршанаби и Аврама. Утнапиштим пошёл к компьютерам.

– Остановись! – закричала Иштар. – У тебя ничего не выйдет!

Несмотря на слова, в её голосе была паника.

Утнапиштим вынул из кармана небольшое устройство. Это была плоская коробочка размером в несколько сантиметров. Спереди из неё торчали два зубца, похожие на мандибулы.

Он слабо улыбнулся.

– Мой компьютерный вирус, – сказал он ей. – И твоя смерть!

Он протянул устройство к ближайшей панели.

Иштар не стала раздумывать. Несмотря на свои сверхчеловеческие рефлексy, она не могла успеть добраться до него. Вместо этого она подняла правую руку, и модуль связи, который она приготовила для мозга Доктора, полетел в её врага. Острый, как игла, имплантат прорезал запястье Утнапиштима до крови.

Вскрикнув, он выронил носитель вируса. Когда тот упал на пол, Иштар прыгнула и ударила по нему хвостом. Все были так поражены её скоростью, что лишь наблюдали, как она разбивает устройство на искорёженные металлические обломки.

– Вот и конец твоему вирусу! – ухмыльнулась она и ударом руки отбросила Утнапиштима в другой конец комнаты. Он застонал у стены; у него на лице появлялся синяк, а из запястья продолжала течь кровь. Аврам бросился ему на помощь, отрывая от своей одежды полоску ткани, чтобы перевязать рану.

Иштар триумфальным взглядом обвела комнату. Прибывало всё больше стражей, победа была явно за ней.

– Какая глупость! – огрызнулась она. – Вы были обречены на неудачу ещё до того, как начали. Примите свою судьбу.

– Подавись, – сказала Эйс. Её держали два стража, больно заведя обе её руки за спину. – Ещё Гильгамеш остался.

– Да, – согласилась Иштар, облизывая в предвкушении губы. – Ещё есть Гильгамеш. А с ним у меня есть счёты!

Она указала на дверь, в которую к остальным пленникам вводили сопротивляющегося царя Урука. Он был весь красный от крови, но в основном это была кровь его противников. На нём было несколько порезов от пропущенных ударов, но ни одного серьёзного. Потребовалось три стража, чтобы затащить его в комнату, подсечь ему ноги, и опустить на колени перед Иштар. Он посмотрел на неё с ненавистью и плюнул.

Иштар засмеялась.

– Бедный Гильгамеш, другого оружия у тебя не осталось? – она погладила его спутавшуюся бороду. – Однажды ты отверг мои объятия, о царь. Но в этот раз у тебя выбора не будет. В этот раз ты почувствуешь силу моих объятий... которые задавят тебя.

Но вместо того, чтобы исполнить свою угрозу, она с самодовольным лицом осмотрела комнату.

– Что же, Доктор, я тебе очень благодарна.

– За что? – спросил он, беспомощно дёргаясь в руках двух невозмутимых стражей.

Она указала на пленников.

– За что? За то, что ты собрал ко мне всех моих врагов, и я могу им не спеша отомстить. Утнапиштим, который думал меня уничтожить. Гильгамеш, который высмеял меня и отверг. Агга, который меня не слушался. И ты, Доктор, который обеспечит меня знаниями об управлении временем! Как здорово! – от удовольствия она выдохнула с присвистом. – Свободная от ограничений времени, кто знает, чего я смогу достичь?

– Даже и не думай об этом, – предупредил её Доктор. – У тебя ни единого шанса.

– Наоборот! – ответила она. – Теперь меня никто не победит. Ну кто сможет сразиться со мной? Не будь дураком, Доктор. Я – будущее,

меня теперь ничто не остановит. Сперва Земля, а затем, возможно, всё пространство и время станут моими. Подумай только: не будет ни преступности, ни боли, ни ссор. У всего человеческого рода будет общее сознание и общая цель.

– Твоё сознание, – сказал Доктор. – А не их. Не пытайся описать мне Утопию, Иштар; то, что ты себе представила – ад!

– А! – снова улыбнулась Иштар, наслаждаясь своей властью. – То, что для тебя ад, для меня рай. Моё сознание станет всемогущим, Доктор, оно заполнит всё время и пространство. Сейчас я, может, и выдаю себя за богиню, но скоро я ею стану!

– Её металлическая крыша поехала, – сказала Эйс. – Она сумасшедшая.

– Сумасшедшая? – женщина-змея спокойно задумалась. – Нет, детка. Я в абсолютно здоровом уме. Это ты и твои друзья сумасшедшие, раз решили, что сможете меня остановить. Нет, я готова к своей славе.

Она протянула правую руку и выдвинула зонд. Эйс увидела блеск одного из имплантатов.

– А начну я с тебя, – она улыбнулась Доктору: – Ты будешь следующим, повелитель времени. Но, прежде чем твоё сознание растворится в небытие, когда я его съем, я хочу, чтобы ты увидел своё окончательное поражение – смерть твоей спутницы!

Подняв свои металлические руки, Иштар крепко ухватила голову Эйс. Затем, хохоча от удовольствия, она вонзила имплантат в её висок.

21. АРМАГЕДОН

Эйс не переставала кричать от боли. Потрясённый Доктор плотно зажмурил глаза. Ещё один из его спутников обречён, и он не может ничем помочь. Безмолвные обвинители – воспоминания о Катарине, Саре Кингдом, Адрике, и остальных – проносились в его сознании. А теперь и Эйс станет одной из них.

Вдруг он понял, что кричит не только Эйс. Державшие его руки ослабли. Он увидел, что Иштар тоже корчилась от боли. А также Нинани и несколько стражей. Другие стражи храма просто стояли неподвижно с беспомощным взглядом.

– Сработало! – выдохнул Утнапиштим, с трудом вставая на ноги. – Мы обманули её!

– Что сработало? – Доктор побежал проверять состояние Эйс. Место входа зонда в её череп покраснело и отекло, но, несмотря на явную боль, она была жива и не слабела.

Уршанаби пнул ногой извивающиеся металлические кольца Иштар и засмеялся.

– То, что она уничтожила – муляж. Мы знали, что она набросится на него. Настоящий вирус был записан в наших мозгах. Стоило ей попытаться подчинить одного из нас, как она сама загрузила в себя вирус и запустила его.

Доктор, услышав это, ужаснулся:

– Он сейчас её атакует?

– Конечно, – сказал Утнапиштим, протягивая здоровую руку. – Скоро ей придёт конец, а её рабы будут свободны. Вы, должно быть, Доктор. А я Утнапиштим.

– Вы идиот! – крикнул в ответ Доктор. – Посмотрите, что у неё перед троном, – он отвернулся к Эйс, нагнулся, и с сожалением ударил её в челюсть. Она перестала кричать, перевернулась, и замерла без сознания.

Утнапиштим тем временем подошёл к трону. Его лицо побледнело.

– Это такая же бомба, как та, которой она уничтожила Ану!

– И она связана с её мозговой деятельностью, – добавил Доктор. Он поднял Эйс на ноги и забросил её руку себе на шею. – Как только ваш вирус её убьёт, эта бомба взорвётся. И это будет концом этой цивилизации и большей части этой планеты.

Вздрогнув, Утнапиштим спросил:

– Что же нам делать?

– У меня только одна идея, – Доктор благодарно улыбнулся Авраму, который взялся помогать ему держать Эйс. – Мне нужно немедленно вернуться в мою ТАРДИС. У вас, как я понимаю, есть поблизости какой-то быстрый транспорт?

– Два флаера на территории храма, – сказал Уршанаби.

– Хорошо. Приготовьте оба. Мы с Аврамом вынесем Эйс. Утнапиштим, а вы вынесите бомбу.

– Я?

Доктор вздохнул:

– Если бы Эйс была в своём уме, я поручил бы это ей; это как раз по её части. Но придётся это сделать вам. Энкиду!

Неандерталец подбежал к нему.

– Чем я могу помочь? – спросил он.

– Проследи тут за порядком. Пока меня не будет, не давай Гильгамешу убивать людей. Присмотри за Нинани и царём Аггой. Надеюсь, что я скоро вернусь. Так, пошли!

Полёт был быстрым, и уже через пять минут они были рядом с ТАРДИС, по-прежнему стоявшей среди финиковых пальм. Порывшись в кармане, Доктор вынул свой ключ.

– Мы успеваем? – спросил Утнапиштим, осторожно держа в руках кобальтовую бомбу.

Доктор кивнул на бомбу:

– Пока она не взорвалась, у нас всё ещё есть какое-то время.

Дверь открылась, и они с Аврамом затащили Эйс вовнутрь.

Утнапиштим и Уршанаби зашли за ними.

– Воздержитесь, пожалуйста, от комментариев по поводу внутреннего размера, – сказал Доктор. – Я их уже все слышал, а сейчас пора за дело браться.

Оставив Эйс с Аврамом, он поспешил к центральной консоли и начал запускать системы.

Инстинктивно он начал устанавливать вокруг корабля силовое поле, но затем его рука замерла:

– Нет, это было бы ошибкой с разрушительными последствиями...

Уршанаби и Утнапиштим зачарованно смотрели на панели управления.

– Интересная технология, – прокомментировал старший.

– Очень, – резко сказал Доктор и оттолкнул его, подходя к управлению телепатическими контурами. – Аврам, принеси Эйс сюда, пожалуйста.

– Что вы будете делать? – спросил Уршанаби.

– Обману бомбу. Она настроена на мозговые волны Иштар, так что мне просто нужно не дать им угаснуть, если она умрёт. У нас есть связь с Иштар через Эйс, так что если я смогу переместить её мысли в эти цепи, это должно помочь.

– Вы можете это сделать?

– О, да, – заверил его Доктор, вспоминая о том, что случилось, когда он пользовался этими контурами в последний раз, и как это тогда сказалось на Эйс. – Думаю, я могу гарантировать, что всё получится.

На мгновение он замер с занесёнными над кнопками пальцами.

– Впрочем, возможно, мне не помешает совет, – неохотно сказал он. Он не был уверен, что это хорошая мысль, но другого выхода у него не было.

– Мой? – с любопытством спросил Утнапиштим.

– Нет, мой, – ответил Доктор. – Мне нужно мнение, которое когда-то у меня было, – на мгновение он замер над телепатическими цепями. – Не нравится мне это, – признался он.

– Что вы собираетесь делать?

Нервно глядя на контакты, Доктор объяснил:

– Мы, повелители времени, достигаем почти бессмертия, которого так хочет добиться Иштар, благодаря процессу регенерации тела. Я уже несколько раз прибегал к этому. Но каждый раз, когда мы это делаем, наши личности несколько изменяются. Мы становимся почти другими: новые умения, новые методы. Третий я был очень способен по части технологий, которые нужны мне сейчас, – тяжело вздохнув, он с силой опустил руки на контактные пластины. – Поэтому я его возвращаю.

– Физически? – спросил поражённый Утнапиштим.

– Нет. Это невозможно. Ментально.

Тело Доктора изогнулось от боли. Ему пришлось глубоко скрыть свою текущую личность и воспользоваться способностью ТАРДИС усилить черты, знания, и навыки, которыми владело его третье воплощение. Это было непросто, потому что воспоминания были скрыты глубоко в закоулках его сознания, а его текущая личность пыталась отвергнуть наслоения, добавленные ТАРДИС. Но это нужно было сделать. У него не было уверенности, что текущий он сможет справиться с задачей.

Серебристое змеиное тело Иштар извивалось в агонии на полу её святая святых. Гильгамеш хотел засадить в него свой боевой топор, но Энкиду убедил его подождать. Скрипя зубами, царь начал вымещать свои эмоции на оставшихся растерянных стражах; он их построил и велел вынести из комнаты тела погибших.

Агга и Эн-Гула склонились над дёргающимся телом Нинани. Жрица видела слёзы боли и отчаяния в глазах царя, наблюдавшего, как

его дочь терзают спазмы боли. Она ласково положила ладонь на его волосатую руку.

– Доверься Доктору, – сказала она. – Он мудрый. Он поможет ей.

Агга кивнул, хотя легче ему не стало. Его дочь, его любимица, умирала. А если погибнет Иштар, то умрут они все.

– Ну вот, наконец-то, – Доктор выпрямился над панелью и с удивлением осмотрел себя. Затем осмотрел свою одежду. – Мать честная! Так вот кем я стал? Пугалом?

Не дожидаясь ответа, он посмотрел на Эйс.

– Ага, я вижу, в чём проблема. Хорошо, что ко мне за помощью обратились.

Утнапиштим нерешительно коснулся его руки.

– Доктор? Что случилось? У вас изменился голос.

– Это потому, что я изменился, – он потёр подбородок. – Послушайте, у нас, повелителей времени, на протяжении веков сменяются несколько личностей. Но они все связаны. Как разные грани разноцветного куба. То, что он – я – сделал, это вроде как перевернул кубик, чтобы показать другую грань, – он коснулся своего носа. – Вернее, наружная грань осталась та же, а внутренняя сменилась. Я гораздо лучше разбираюсь в телепатических цепях, чем он.

По его лицу пробежала тень – ненадолго вернулась текущая личность.

– Хвастун! – обвинил он сам себя.

Утнапиштим с большим беспокойством смотрел на этого странного человека.

– И вы считаете, что сможете помешать Иштар уничтожить эту планету?

– Если не смогу я, то не сможет никто.

– Боже нас храни, – вздохнул Утнапиштим, убеждённый, что перед ним маньяк.

– Итак, – приказал Доктор, – бригадир, принесите сюда, пожалуйста, Джо.

Затем, поняв, что он сказал, он потёр лоб.

– Аврам, принеси сюда, пожалуйста, Эйс, – поправился он.

Уршанаби потянул своего наставника за рукав.

– Это шизофреник, – тихо сказал он. – Можно ли верить, что он понимает, что он делает?

– А что ещё нам остаётся?

Они оба посмотрели на бомбу, понимая, что в любую секунду она может взорваться.

Аврам же воспринимал происходящее с полным доверием. Эта будка, в которой они находились, была волшебной не больше, чем всё остальное, что ему довелось увидеть с тех пор, как судьба свела его с Эйс. Если у этого странного Доктора появилась другая личность, что это меняло? Он помог Доктору уложить Эйс на пол возле консоли.

Став на колени, Доктор легонько шлёпнул Эйс по лицу.

– Очнись, Сара Джейн, – улыбнулся он. – Давай, будь хорошей девочкой.

– Эйс, – поправил Аврам.

Сердито обернувшись, Доктор рявкнул:

– Я знаю! Эйс, Эйс, очнись, – он ударил её немного сильнее.

Глаза Эйс распахнулись, и она снова начала вырываться и выть.

– Иштар всё ещё жива, – ахнул Доктор. – Вы двое, идите сюда. Помогите мне подключить Эйс к телепатическим контурам.

Все вместе они поставили Эйс на ноги и положили её сжатые в кулаки руки на контактные площадки. Оставив остальных держать её на месте, Доктор вернулся к органам управления.

– Может быть, изменить полярность потока нейтронов? – задумчиво сказал он. Затем, со вспышкой эмоций седьмого Доктора он покачал головой: – Это ничего не даст! Берись за дело.

Моргнув, он снова осмотрел панель управления. Утнапиштим и Уршанаби, удерживавшие извивающееся тело Эйс, беспокойно переглянулись. Верить в то, что Доктор понимал, что он делает, становилось всё сложнее и сложнее.

Ему, если по правде, в это тоже с трудом верилось. Возвращение прошлой личности было огромной нагрузкой для его тела и ума. Старая личность не стыковалась с современной формой, и ему приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы удержать её.

Сконцентрироваться в этом тумане было тяжело. Не удивительно, что он допускал мелкие ошибки. Но, по крайней мере, теперь он знал, что нужно сделать. Взявшись за органы управления, Доктор скривился:

– Поехали!

Ротор начал подниматься и опускаться, комнату наполнил ужасный скрежет. Эйс снова задрожала, но её спазмы, похоже, затихали.

– Сейчас понадобится высокая точность, сержант Бентон! – крикнул Доктор Авраму. – Постарайтесь удерживать её на месте.

Он что-то переключил на панели, и ротор перестал подниматься и опускаться, а начал вращаться, всё быстрее и быстрее.

– Так, а теперь ловкость рук, и никакого... – не сводя пристального взгляда с телепатических контуров, он осторожно коснулся органов управления. Малейшая ошибка в этот момент может погубить их всех.

Вспыхнув светом, металлический зонд, имплантированный в голову Эйс, выпал на панель ввода. Вскрикнув последний раз, тело Эйс обмякло.

– Вы освободили её, Доктор! – крикнул Утнапиштим. – Вы молодец!

– Не сейчас, бригадир. Я ещё не закончил.

Он нагнулся и внимательно изучил имплантат. Эйс теперь поправится, но связь между Иштар и бомбой теперь поддерживалась телепатическими контурами ТАРДИС и лежавшим на них кусочком металла. Если связь будет утеряна, кобальтовая бомба взорвётся у них

на борту, что может спасти Землю, но тем, кто внутри ТАРДИС, это на пользу не пойдёт. Усилил сигнал и набирая коды команд, Доктор начал переносить умственную связь в контуры ТАРДИС. Это было непросто. Если он потеряет сигнал, связывающий имплантат с Иштар хотя бы на наносекунду, всё будет кончено.

Имплантат исчез.

На секунду Доктор подумал, что он уже мёртв. Затем он понял, что бомба не взорвалась. Каким-то образом то, что случилось, не подорвало бомбу. Не веря своей удаче, Доктор широко улыбнулся. Приборы показывали, что линия связи с Иштар всё ещё была открыта. Он не вполне понимал, что произошло, но раз уж всё закончилось хорошо, не было смысла признаваться в этом другим.

– Похоже, что всё в порядке, – сказал он, подходя к ящику с инструментами. Вынув из него электронный набор, он подошёл к бомбе. – Осталось только отсоединить детонатор, и всё будет в порядке, – не оборачиваясь к ним, он махнул рукой: – Мне потребуется полная тишина, не нужно аплодисментов.

Нагнувшись над бомбой, он выбрал один из приборов и начал вскрывать внешнюю оболочку.

Иштар извивалась и дёргалась в агонии, а затем её тело внезапно застыло, от платиновых волос до кончика хвоста. Крикнув в последний раз, она медленно растворилась, от неё в комнате не осталось и следа.

Агга посмотрел на Энкиду, не в силах понять что происходит.

– Всё... кончено?

Обезьяно-человек пожал плечами.

– Кто знает? Мы должны делать, как нам сказано – ждать новостей от Доктора.

Доктор занимался сборкой корпуса бомбы.

– Ну что же, – сказал он, вставая на ноги, – этого должно быть достаточно, – улыбаясь, он швырнул бомбу Уршанаби, и тот рефлексивно поймал её. – Теперь можно стереть Иштар из телепатических контуров. Бомба обезврежена, сержант Бентон.

– И что мне с ней делать? – испугано спросил лодочник.

– Думаю, она может помочь вам обеспечить ваш корабль энергией, – сказал ему Доктор, похлопав его по плечу. – Вместе с остальными приборами из храма Иштар, думаю, вы сможете сделать так, чтобы ваш корабль снова полетел. Я помогу, разумеется. Таким образом, эта проблема тоже будет решена. Люблю доводить дело до конца.

Эйс очнулась и застонала.

– Кто бил меня по голове? – бормотала она, потирая виски.

Уршанаби помог ей сесть. И тогда она поняла, где она находится.

– Что происходит, Профессор?

– Профессор? – надменно сверкнул взглядом Доктор. – Моя дорогая Лиз, называйте меня, пожалуйста, «Доктор».

– Лиз? – поражённо смотрела на него Эйс. – Что с тобой случилось? Кажется, у тебя проблемы с головой.

– Спасибо, Джо, но я в полном порядке. Просто для решения возникших проблем пришлось вернуть одно из моих старых воплощений, вот и всё.

Он потёр руки, и принялся изучать странные показания, мелькавшие на приборах консоли.

– Меня зовут Эйс, Профессор, – вспомнив призрака, которого она видела в ТАРДИС пред тем, как начался этот кошмар, она спросила: – Ты сейчас тот парень, которого мы видели? Лохматый и зубастый?

– Этот шут? Ни в коем случае, – собрав остатки достоинства, Доктор взялся руками за отвороты своего пиджака. – Я вернулся к своему третьему воплощению. Которое я всегда считал лучшим... Кажется. Во всяком случае, самым компетентным.

У Эйс, наконец, перестала кружиться голова, и она выпрямилась и спросила:

– Так, что я пропустила?

– Почти всё, – ответил он. – Мне удалось обезвредить бомбу, а сейчас я собираюсь стереть мозговые волны Иштар из телепатических контуров.

– Ты поместил её в них? – поразилась Эйс. – Профессор, ты же знаешь, что плохо умеешь ими пользоваться!

– Ерунда, Сара Джейн. И с моей памятью, и с моим кораблём всё в порядке, – он с любовью похлопал по консоли. – Она хорошая девочка... Чего не скажешь о некоторых людях.

– Ты же уже терял там мои воспоминания, – напомнила она.

– Небольшой просчёт, не более того, – вздохнув, Доктор повернулся к консоли. – Смотри, я от неё избавлюсь прямо... Мать честная!

– Что случилось? – спросила Эйс, боясь услышать ответ.

– Я нигде её не вижу... – он нагнулся над приборами, просматривая показания. – Там, куда я её перенёс, её нет.

Это не предвещало ничего хорошего.

– Ты напортачил, – сказала Эйс, чувствуя, как холодеет спина. – И в этот раз всерьёз.

– Не говори глупости. Я прекрасно знаю, что я...

Появился запах чего-то горелого, и между его пальцами и панелью возникла электрическая дуга. Взяв в рот обожжённые пальцы, он смотрел на показания приборов.

– Но это же невозможно, – жаловался он. – Сейчас я...

Как только он снова попытался что-то сделать, на приборах затрещала ещё одна дуга.

– Это не очень ободряет, Профессор, – мрачно сказала Эйс. – Что происходит?

– Наверное, ничего, – ответил Доктор, но уверенности в его голосе не было. – Моей старушке уже много лет, наверное, ей уже пора на капремонт.

Где-то в глубине ТАРДИС раздался взрыв, и корабль пошатнулся. Пытаясь удержаться на ногах, Эйс указала на включившийся экран.

С экрана им улыбалось серебристое лицо Иштар.

– Доктор! Я должна тебя поблагодарить. Какое у тебя интересное устройство!

– Что случилось? – крикнул Утнапиштим, размахивая руками, чтобы восстановить равновесие после очередного взрыва.

Сглотнув, Доктор в ужасе смотрел на консоль.

– Похоже, я совершил ужасную ошибку, – сказал он. – Каким-то образом Иштар всё ещё с нами... в буквальном смысле. Она в контурах управления ТАРДИС...

22. АПОФЕОЗ

Эйс налетела на большое кресло и вцепилась в него, чтобы не упасть.

– Почему так тяжело стоять? – закричала она.

Доктор вцепился руками в вешалку для шляп.

– Она меняет внутреннюю гравитацию, – объяснил он. – Разминает, так сказать, свои ментальные мускулы. Создает локальные положительные и отрицательные гравитационные волны. Делает всё очень нестабильным.

Уршанаби проскользил по полу и врезался в стену. Вцепившись в одно из её круглых углублений, ему удалось задержаться на месте.

– Доктор, что пошло не так?

Доктор неохотно признался:

– Я допустил небольшую ошибку. Я думал, что переношу в телепатические контуры только тип мозговых волн Иштар. Но она, должно быть, как-то воспользовалась этим для того, чтобы перенести себя всю. Теоретически это невозможно, но невозможен и полёт шмеля, а он летает неплохо.

Вцепившись в другую часть стены, Утнапиштим крикнул:

– Но как же тот вирус, который должен был её уничтожить?

– Видимо, он подействовал не полностью.

У Доктора было чем занять свой мозг и без разговоров. Ему нужно было как-то восстановить контроль над своей ТАРДИС. Но как, если прикосновение к панели может его убить?

Глядя на них с экрана, Иштар смеялась:

– Глупые вы! Думали, что можете меня уничтожить!

– У нас почти вышло! – крикнула в ответ Эйс, пытаясь подавить тошноту, вызванную флуктуацией гравитации.

– Нет, – ответила Иштар. – Этот вирус Утнапиштима меня не уничтожил, он сделал меня сильнее! Не могла же я попасться во второй

раз на такую простую уловку. Мои каналы защищены от такого вторжения. Всё, чего удалось добиться вирусу – временная потеря контроля над механическими придатками. А теперь я свободна и могу принять новую, замечательную форму.

Засмеявшись, Иштар начала баловаться органами управления на консоли. Рычали и переключатели смещались, кнопки нажимались. Мигали огни, ротор начал вращаться.

– Управляя таким устройством, – хвасталась она, – я больше не буду привязана к одному пространству и времени. Теперь я вольна странствовать по всей Вселенной! Скоро всё мироздание будет знать лишь одно сознание, одну волю, одну истинную богиню!

Проигнорировав возможные последствия, Доктор бросился на консоль и попытался взять управление на себя. В первую секунду ничего не происходило. А затем, под аккомпанемент её хохота, сквозь него прошёл огромный заряд электричества. Он вскрикнул и отшатнулся от панелей.

– Нет, Доктор, – огрызнулась Иштар. – Тебе не вернуть свой корабль. Он мой, отныне и навсегда!

В храме была тишина. Гильгамеш и Энкиду угрюмо расхаживали по комнате. Эн-Гула и Агга продолжали сидеть рядом с принцессой.

Застонав, Нинани открыла глаза. Посмотрев перед собой, она заговорила:

– Отец?

Он прижал её холодную ладонь к своим губам:

– Дочь. Тебе стало лучше?

– Я... я теперь снова я, – она попыталась встать, но снова упала. – Только я очень слаба.

Она посмотрела на Эн-Гулу, избегая взглядом отметин на её шее.

– Прости меня, – прошептала она. – Иштар была намного сильнее меня. Я не могла сопротивляться ей.

– Тихо, – сказала ей Эн-Гула. – Отдохни. Всё кончено.

– Да, – счастливым голосом сказал Агга. – Ты цела, а Иштар больше нет. Всё будет хорошо.

Помещение по-прежнему тряслось. Эйс, шатаясь, подошла к упавшему Доктору. К счастью, он был жив, лишь немного оглушён.

– Ну же, – сказала она ему. – Вставай! Давай...

Наконец, его глаза сфокусировались.

– Мы что, в море? – спросил он, оглядываясь.

– Навсегда, – ответила она, пытаясь помочь ему встать.

– Надеюсь, каюты первого класса, – пробормотал он, выпрямившись. Покачиваясь, он обвёл комнату взглядом. – Так лучше. Приятно снова вернуться. На какое-то время я заблудился.

Глядя на него, Эйс начала понимать:

– Тот, другой ты... он исчез.

– Надеюсь, – сказал он. – Надоел он мне своими самодовольными манерами. Кто бы мог поверить, что я когда-то был таким надменным, правда? – Эйс ничего не ответила, и он скривился: – Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

– Ничего себе повезло, – возразила она. – Иштар до сих пор контролирует ТАРДИС, забыл?

– Ах, да, – он задумался. – Хоть бы она прекратила баловаться. У меня уже голова кружится, – он усмехнулся и громко добавил: – Думаю, она не может остановить флуктуации гравитации. Она не настолько хорошо всё контролирует, как ей кажется, – он подмигнул Эйс: – «Братец Кролик и Смоляное Чучелко».

– Чего?

Внезапно пол снова стал твёрдым, и Доктор смог выпрямиться во все свои 168 сантиметров.

– Наконец-то, – проворчал он, глядя на изображение Иштар на сканере. – Даже с гравитацией так долго не могла разобраться?

– Дразни меня сколько хочешь, Доктор, – улыбнулась Иштар. – Теперь я тут главная, а не ты. И никогда ты свой корабль обратно не получишь.

– Ну, и что это тебе даст? – ухмыльнулся он и постучал себя по голове: – Без того, что находится вот тут, ты не добьёшься от ТАРДИС работы.

Иштар презрительно засмеялась, и её изображение исчезло с экрана.

– Ты забыл, Доктор, – раздался шёпот, который доносился отовсюду, и у каждого в голове отдавался эхом. – Я могу быть тут. Телепатические контуры находятся под моим контролем, как и всё остальное в ТАРДИС. Всё, что ты знаешь, я могу найти в их банках памяти.

– Попробуй, – тихо сказал Доктор. – От этого у тебя будет такая головная боль, на которую ты не рассчитывала.

– Ты насмехаешься надо мной, Доктор! – голос Иштар был исполнен ярости. – Я могу убить тебя мгновенно! Всё, что мне нужно – выключить системы жизнеобеспечения этого корабля, и ты со своими друзьями погибнешь в мучениях! Медленно, болезненно, без надежды на спасение.

– Она может это сделать, Доктор? – спросил Уршанаби.

Хотя гравитация уже стабилизировалась, он продолжал сидеть у стены. Эйс заметила, что он прижал к груди сломанную и опухшую кисть руки.

– Отсюда не сможет, – ответил Доктор. – Я уже давным-давно перенёс управление системами жизнеобеспечения в запасной отсек управления.

– Чего? – Эйс понятия не имела, о чём он говорит.

– Запасной отсек управления, – объяснил он. – С милой деревянной мебелью. Примерно полмили в ту сторону, – он указал на внутреннюю дверь. – Какое-то время я пользовался им, но затем привык к этому. В

общем, так никогда руки и не дошли до того, чтобы перенести сюда управление жизнеобеспечением, так что мы в безопасности, несмотря на её угрозы.

В их сознаниях раздался вздох, словно пронёсся ветер.

– Дурак! – прошептала Иштар. – Я тут, в твоём кораблике, значит, и туда могу попасть. Сейчас проверим, сможешь ли ты жить без воздуха.

Её голос пропал, и Доктор быстро вскочил на ноги.

– Вот дура! – воскликнул он. – Обвёл её вокруг пальца.

Прыгая вокруг центральных панелей, он быстро щёлкнул несколькими переключателями, а затем улыбнулся, глядя в их озадаченные лица.

– Она направилась туда, куда я хотел.

Эйс задала вопрос, ответ на который хотели знать все:

– Ты о чём вообще?

– Ты что, не читала про Братца Кролика? – укоризненно спросил он, осторожно продолжая работать на панели управления. – Однажды его поймал Братец Лис, и хотел убить. Братец Кролик умолял его сделать что угодно, только не кидать на минное поле... или в терновый куст, не помню уже. В общем, он умолял так долго и громко, что в конце концов именно туда его Лис и швырнул. А Братцу Кролику только это и нужно было, он поскакал домой.

Эйс сказала:

– Ты какую-то чушь несёшь.

– Слушай, – терпеливо сказал он. – Я сказал Иштар, что системой жизнеобеспечения она сможет управлять только из другого отсека управления. Думая, что я этого не хочу, она переползла туда. А я именно этого и хотел, и отделил тот отсек от всего остального. Теперь она там заперта.

– А воздух она не выключит? – спросил Утнапиштим.

– Пускай, – ответил Доктор. – Пока это на нас скажется, я уже очищу от неё корабль. Теперь она нам ничего не сделает.

– В последний раз, когда ты так говорил, – заметила Эйс, – ТАРДИС оказалась...

ТАРДИС задрожала, и освещение начало гаснуть. Было такое ощущение, что они оказались в эпицентре землетрясения. Корабль скакал и вертелся.

– Опять ты ошибся! – яростно заревела Эйс.

– Она установила парочку своих защит, – уныло признал Доктор, рассматривая панель. – Она поразительно быстро приспосабливается, в этом ей не откажешь. Из-за этих защит она скоро снова вернётся в главные контуры. Если только... – он с беспокойством посмотрел на индикаторы мощности.

– Если только что?

– Ну, – сказал он медленно, – есть архитектурная конфигурация. Но это рискованный шаг.

– А умереть не рискованно? – заорала она.

– Верно, – пальцы Доктора нерешительно замерли над панелью. – Хорошо, – он запустил программу, и объяснил, как она работает: – Для того, чтобы полностью вырвать её из контуров, мне нужна большая мощность, в нормальном режиме ТАРДИС столько обеспечить не может. Поэтому я сейчас изменяю конфигурацию, внутренние размеры, теряю часть массы ТАРДИС, которая преобразуется в нужную нам энергию.

– Хочешь сказать, что ты расходуешь кусок ТАРДИС, чтобы получить энергию?

– В грубых чертах, да. Е равно эм-цэ-квадрат, или что-то в таком духе. Или в кубе? В общем, при помощи этой энергии я смогу вышвырнуть за борт, в Вихрь, те части ТАРДИС, которые захватила Иштар. Это её прикончит раз и навсегда.

– Вихрь? – переспросил Утнапиштим.

– Это что-то вроде водоворота из энергии и прочего, лежащего в основе времени и пространства, – объяснила ему Эйс. – Поразительно

разрушительный, если только у вас нет специального оборудования для управления потоком, — она посмотрела на Доктора. — Но если мы выбросим эти части контуров, не окажемся ли и мы без защиты?

— Нет. В этих контурах полно избыточных частей. Она сейчас преимущественно во вторичных механизмах, мне ни один из них не жалко. А другие части я скоро смогу заменить. Поверьте мне, вышвырнуть её в Вихрь — лучшее решение.

— И это уничтожит Катаку? — спросил Утнапиштим.

— Это уничтожит что угодно, — заверил его Доктор. — Это грубое, примитивное звёздное вещество. Неуправляемые силы, которые тянут одновременно во все стороны. Мы там выживаем только под защитой ТАРДИС. Её это погасит, как свечку ураганом.

Ухмыльнувшись, он щёлкнул последними рычагами.

— Всё!

ТАРДИС ещё раз дёрнулась и замерла. Освещение начало мерцать, затем погасло, и включилось как обычно. Ротор времени завертелся, и комнату наполнил ревущий звук. Казалось, что материя корабля рвётся, и на секунду Эйс показалось, что её и саму раздирает на части. Корабль ещё раз вздрогнул, а затем всё снова стало как обычно.

— Это всё? — спросила Эйс, всё ещё не веря.

— Это всё, — улыбался Доктор, проверяя приборы. — Её тут больше нет, и она не вернётся. Её задуло, как свечу, космическими ветрами. Вымерла, как ходо.

— Додо, — не задумываясь, поправила его Эйс.

Доктор нахмурился и посмотрел на неё.

— Ты уверена? — спросил он. — Я думал, что тебя зовут Эйс. Или Джо? — он покачал головой. — Я всё ещё не совсем тот, кем я был, и кем я стану. Но со временем всё нормализуется. Всё всегда приходит в норму.

Покачивая головой, Эйс улыбнулась Утнапиштиму:

— Что же, кажется, что всё, наконец, завершилось.

Старик благодарно кивнул:

– Надеюсь. Но однажды я уже считал Катаку погибшей. Она очень живучая.

– Не настолько, – ответил Доктор, перенастраивая консоль. – Ну что, отправимся завершать незаконченные дела? Кто хочет прогуляться? Свежий воздух очень полезен. Может быть, даже попируем с царями?

Доктор со стены Киша рассматривал горизонт.

– Примерно вон там, наверное, – сказал он, указывая на юго-восток.

– Утнапиштим и его техники должны быть уже почти готовы к отлёту.

Аврам прикрыл глаза рукой от солнца и всмотрелся вдаль.

– Они возвращаются на небеса?

Его рука с явным удовольствием обнимала талию Эн-Гулы.

– Да, примерно так, – Доктор усмехнулся Эйс: – Я знал, что с моей помощью у них всё получится.

Они оба провели несколько дней за работой на корабле Утнапиштима. Доктора заставили воздержаться от улучшения исходной конструкции корабля и ограничиться лишь его заправкой. В качестве последнего подарка он порылся в базе данных ТАРДИС и выбрал для беженцев с Ану место назначения – планету, на которой в данный момент не было жизни.

– Как ты думаешь, у них получится? – спросила его Эйс.

Он широко улыбнулся ей.

– Мне не нужно думать, – важно заявил он. – Я знаю. По сведениям моей базы данных, они колонизируют ту планету, на которую отправляются. Экспедиция с Земли пересечётся с ними где-то в тридцать втором веке. Если я кому-то помогаю, то делаю это как следует.

– Точно, – ответила Эйс. – А я тут не при чём, да?

– Ты тоже немножко помогала.

Эйс ударила его кулаком по руке, и Доктор притворно скривился от боли.

– Ну ладно, много помогала. Ты хорошо поработала.

– И не только я, – Эйс кивнула туда, где общались Гильгамеш, Энкиду, Агга, и Нинани. – Похоже, они нашли-таки общий язык... – она не успела закончить свою мысль.

– Смотрите! – крикнула Эн-Гула, радостно указывая вдаль.

Доктор сверился со своими карманными часами и ухмыльнулся:

– Чётко по расписанию.

На горизонте сиял яркий фонтан света, поднимающийся над землёй. Поднимаясь вверх, доминировавший жёлтый цвет сияния начал изменяться, вспыхивать пурпурным, красным, оранжевым. Продолжая так мигать, свет поднимался вверх, пока не сжался до неразличимой точки.

Снова повернувшись к Доктору, Эйс рассмеялась.

– Они улетели на ту планету, которую ты им предложил. Теперь Утнапиштиму не нужно переживать о войне с человечеством.

– О войне не нужно, – задумчиво согласился Доктор. – Только о возрождении своей расы. Что же, не преодолевая трудностей, ничего не добьёшься. Он справится.

Он посмотрел на Эйс.

– Ты выглядишь невыносимо довольной чем-то.

Она усмехнулась и указала на Аврама и Эн-Гулу. Посмотрев отлёт в небеса корабля Утнапиштима, они незаметно уходили вдвоём.

– Правда, здорово? Если бы не мы, они бы никогда не встретились.

– Ну, я в этом не уверен, – он сосредоточился на глубоких частях своего сознания. – Знаешь, судьба и время всегда находят способ всё наладить.

– А как тебе это? – Эйс кивнула головой в сторону Агги и Гильгамеша, пожимавших друг другу руки, и хлопавших друг друга по

спинам. На них смотрели Энкиду и покрасневшая Нинани. – Два старых врага теперь подружились. Обожаю хэппи-энды.

Доктор пристально посмотрел на неё.

– Ты меня никогда не слушаешь, Эйс, – вздохнул он. – Я думал, что ты уже научилась видеть больше, чем лежит на поверхности.

– Да ты просто ворчишь, потому что до сих пор обижен, что я на тебя кричала.

Она не хотела позволять ему разрушить это ощущение тёплого сияния.

– Хэппи-энды! – насмешливо сказал он. Он указал на двух царей. – Агга, по сути, продал свою дочь Гильгамешу, чтобы скрепить союз. Никого не интересует, хочет ли она замуж за этого болвана. Да и всё равно ничего из этого не выйдет. Гильгамеш нарушит договор, нападёт на Киш, и завоюет их. Буквально через пару лет, как только Нинани ему надоест. Он очень непостоянный. Хэппи-энды!

У Эйс с лица пропала улыбка, она повернулась к Доктору.

– А что будет с остальными?

– Энкиду? Он скоро умрёт от изнуряющей болезни, именно это и спровоцирует плохое поведение Гильгамеша, хотя это, конечно, не оправдание. Аврам... ну, он пойдёт служить придворным музыкантом Гильгамеша. Он напишет свою версию этого приключения... И она станет древнейшей известной сказкой в твоём мире. Никто, конечно, не вспомнит, что это он её сочинил, но ты можешь купить себе её экземпляр в любом хорошем книжном магазине в Перивейле, – он улыбнулся, – если в Перивейле вообще есть хорошие книжные магазины. Кстати, учитывая, что оплатит ему это сочинение Гильгамеш, угадай, кто там в итоге главный герой?

– Понятно, – хмуро сказала Эйс. – А что насчёт Аврама и Эн-Гулы?

– История молчит. В историческом масштабе музыкант и его жена не считаются важными фигурами. Можешь, если хочешь, считать, что у них был хэппи-энд.

– Ну, спасибо, – она снова посмотрела на горизонт. – Что же, наверное, нам пора отправляться.

– Так быстро надоело?

– Не совсем. Просто соскучилась по более разнообразной диете. Надоели мне уже эти печёные фазаны. А от ячменного пива меня просто тошнит.

Доктор снова улыбнулся.

– Значит, возвращаемся в ТАРДИС, к пищевой машине? – он ещё раз посмотрел на беседовавших царей. – Думаю, нам тоже пора незаметно скрыться. Пойдём.

К разочарованию Эйс, их уход никто не заметил. Ей нравилось то внимание, которое к ней проявляли в последние несколько дней. Но кишотов можно понять – им предстоит долго восстанавливать город.

Они с Доктором быстро шагали по полям к тому оазису, где их ждала ТАРДИС. Когда они уже почти пришли, Эйс кое о чём вспомнила.

– Эй, Профессор! А как же этот Времяточец? О нём за всё это время ни слуху, ни духу.

– Да, я тоже об этом думал. Единственное, чем я могу это объяснить – я запустил сообщение, которое было предназначено для другого раза. Когда я ковырялся в телепатических контурах, должно быть, запустил его слишком рано.

Эйс пожала плечами:

– Это как раз в твоём духе.

– Бессовестная! – Доктор открыл ТАРДИС и затолкал Эйс вовнутрь. – Надо тебя тут оставить, негодница неблагодарная.

– И кто же тогда будет тебе говорить о том, какой ты гений? – сказала она. – Кстати о гениях, ты уже снова прежний? Пока ты был старым собой, ты постоянно что-то путал.

– Это не удивительно, – ответил он, подходя к консоли. Начав задавать координаты, он добавил: – У личности есть и физические

аспекты. Моё третье воплощение было недовольно тем, в какой внешности оно оказалось. В те годы я был очень самовлюблённый. Должно быть, его это сильно огорчило. Но теперь я снова цел и здоров. Он вернулся на своё место, в чуланы моего сознания, а я снова царь в своей голове.

– Кстати говоря, – сказала Эйс, – что-то я не припоминаю, чтобы ты извинился за то, что стырил мои воспоминания. Я тебя за это ещё не простила.

Он посмотрел на неё сквозь стеклянный столб ротора времени. Его рот скривился в озорной улыбке.

– А ты уверена, что я не извинился? Может быть, ты просто забыла об этом?

– Не начинай, – попросила она. – Мои воспоминания важны для меня, – она пожала плечами. – Это было просто ужасно, когда я проснулась и не знала кто я такая.

– Да, – согласился он. – Воспоминания – важная часть нас. Без них мы лишь мусор на волнах морей времени, – задумавшись на мгновение о чём-то своём, он хлопнул по консоли: – Иногда я даже задумываюсь над тем, стоит ли мне стирать мои старые воспоминания. Когда я регенерирую, я и так многое забываю, – он поднял взгляд на неё. – Мой тебе совет – никогда так не делай. Цена, которую за это платишь, пожалуй, слишком высока для большинства существ. Тебе, наверное, было сложно ощущать себя кем-то, лишившись воспоминаний, но представь на минутку, что чувствую я, когда все мои воспоминания на самом деле принадлежат кому-то другому, яркой личности, которая когда-то пользовалась тем же телом, что и я.

– Тяжело, да?

– Терпимо, – сказал он. – В общем, чем больше твои возможности, тем выше твоя ответственность.

Эйс усмехнулась:

– Это ты опять своего Гегеля цитируешь?

– Нет. Кажется, это из комиксов, – он улыбнулся. – Я уже не помню.

Эйс засмеялась. На него невозможно было обижаться долго. Его донкихотская природа была слишком заразительна. Кроме того, как она сказала Энкиду, Доктор был одним из немногих людей, чьи цели она почти полностью одобряла. Во всяком случае, тогда, когда он удосуживался рассказать ей о том, что происходит.

– Ну что, – спросила она, – куда мы теперь отправимся?

Он снова начал работать с органами управления.

– Ну, думаю, что после всех этих событий мы заслужили небольшой отпуск. Я подумывал о... – он замолчал и посмотрел на неё.
– Нет. Ты хорошо там поработала, Эйс. Выбирай ты. Любое место, любое время.

Она ненадолго задумалась.

– Ну, есть одно место... Но тебе там, наверное, будет скучно.

– Да ты что! – ответил он. – Везде можно найти что-нибудь интересное.

– В общем, у меня всегда была мечта попутешествовать на пароходе по Миссисипи, – она вздохнула. – Все эти азартные игры, дамы в шикарных платьях, пианист играет хонки-тонк, – у неё заблестели глаза.

– Что же, почему бы и нет? – он закончил вводить место назначения. – Я тоже всегда мечтал попробовать мятный джулеп.

Он лихо запустил ротор времени. В сопровождении привычной какофонии ТАРДИС рассталась с Землёй и снова оказалась в водовороте Вихря.

– Что же, я рада, – Эйс нахмурилась и добавила: – Эй, у тебя карман пищит.

Доктор посмотрел на карман.

– Странно. Чего это он вдруг?

Он засунул в него руку и вынул оттуда небольшое устройство. В такт с писком на нём мигал красный огонёк.

– Индикатор пути во времени...

Эйс уже почти забыла об этом устройстве.

– Ты, кажется, говорил, что он срабатывает тогда, когда что-то движется во времени прямо к нам?

– Да, – он начал лихорадочно присоединять прибор к консоли.

– Значит, это должен быть Времяточец, так?

Он кивнул, и она увидела в его взгляде радостный блеск.

– Наконец-то!

23. ВРЕМЯТОЧЕЦ!

Писк индикатора пути во времени становился всё громче и выше. Красный огонёк мигал, как стробоскоп на дискотеке, на него больно было смотреть. Отвернувшись, Эйс спросила:

– Это значит, что у нас проблемы?

– Думаю, что это верное предположение, – он завершил подключение прибора к консоли. – Ну что, давай посмотрим, что это за тварь такая?

Не дожидаясь её ответа, он принялся за работу. Индикатор продолжал пищать. Доктор нахмурился:

– Это очень странно.

– Что там не так?

Доктор задумчиво покусывал губу:

– Старт с Земли должен был дать нам небольшую фору. Но этот Времяточец, чем бы он ни был, похоже, наверстал почти мгновенно. Что теоретически невозможно, – затем он широко улыбнулся: – Но ты же знаешь, как ненадёжны теории.

– Я знаю, как ненадёжны *твои* теории, – согласилась Эйс. – Значит, мы всё ещё по уши в... беде?

– Ты выразилась очень образно, но по сути правильно, – он начал изучать принимаемый сигнал. – Что ещё за ерунда? Судя по показаниям, к нам движется эта ТАРДИС.

Эйс пыталась понять:

– Ты хочешь сказать, что за нами летит другой повелитель времени? Может быть, Мастер?

– Эйс, – раздражённо сказал Доктор, – я не сказал «другая ТАРДИС», я сказал «эта ТАРДИС». Та, в которой мы находимся.

– Но это же бессмыслица, Профессор. Правда?

– Во всём есть смысл, когда обладаешь полной информацией. Просто у меня сейчас нет полной информации, вот и всё, – он постучал

по прибору пальцем, но показания не изменились. – Может быть, это что-то время-отражающее, оно отражает на нас наш собственный сигнал?

– Или прибор сломался и отслеживает сам себя?

Он сердито посмотрел на неё:

– Я могу отличить внутреннюю неполадку от внешней загадки. Мы имеем дело с последним. Ладно, мы всё узнаем примерно через шестнадцать секунд.

– Почему ты так решил?

– Потому что, – наставительно ответил он, – эта ТАРДИС к тому времени материализуется.

– Минуточку, – сказала Эйс. – Я думала, что у нас есть силовое поле вокруг корабля, которое защищает нас от таких вторжений?

– Есть, – согласился Доктор, – но в данном случае оно нам не поможет. Этот объект движется на нашей частоте. Он пройдёт сквозь наше силовое поле как горячий нож сквозь масло.

Это очень насторожило Эйс.

– Так что же нам делать?

– Ждать!

В считанные секунды они услышали точно такое же завывание, которое издавала при материализации их ТАРДИС. Что-то начало проявляться между консолью и дверью. Что-то высотой больше двух метров, металлическое, отдалённо похожее на женщину.

– Иштар! – закричала Эйс. – Это Иштар! Я думала, что ты её уничтожил!

– Я тоже так думал, – сказал Доктор, стараясь не выдать своё удивление. Давать врагу знать о своей неуверенности никогда не было хорошей тактикой.

Презрительно скривив губы, Иштар материализовалась полностью. Она запрокинула голову и довольно расхохоталась. Затем она посмотрела на них.

– Ну что, – мурлыкала она, – думали, что уничтожили меня, да?

– Да, нам приходила в голову такая мысль, – согласился Доктор. – Но, вынужден заметить, что ты, как для трупа, в очень хорошей форме.

– Я в отличной форме, Доктор! – Иштар подползала всё ближе, не сводя с них горящих красных глаз. – Никогда себя так хорошо не чувствовала. Ты думал, что разделался со мной, выбросив меня в Вихрь, да? Что меня порвут на части его силы?

– А отчего же они тебя не порвали, мразь? – прорычала Эйс.

– Потому что я ко всему приспосабливаюсь. А теперь я ещё и стала почти бесконечно сильной, – она улыбалась им, уверенная, что им от неё не сбежать. – Когда я была в Вихре, я слышала, как ко мне обращались голоса. Там вовсе не огромный бушующий адский хаос, Доктор! Он может показаться таким твоему маленькому, жалкому мозгу, но там есть порядок, и есть мрачная красота в ветрах времени. И есть существа, которые там живут. Я слышала, как они питаются.

– Хроноворы, – пробурчал Доктор себе под нос. Увидев удивлённое лицо Эйс, он объяснил: – Это существа, которые живут за пределами понятных нам пространства и времени. Каким-то образом они пожирают время и этим живут. Прямо как Третий Закон Термодинамики воплоти. Когда-то я встретил одного из них, – вспомнив, он вздрогнул. – И больше надеюсь с ними не встречаться. Это очень странные, очень загадочные, и очень могущественные существа.

– И очень логичные, в некотором смысле, Доктор, – сообщила Иштар. – Я, будучи механической, тоже очень логична. Когда я почувствовала, что силы времени рвут мою плоть, я задействовала свой ум, я адаптировалась к силам Вихря. Благодаря тем частям ТАРДИС, которые ты выбросил вместе со мной, я начала управлять потоками. И, как ни странно, даже старый дурак Утнапиштим помог мне. Тот компьютерный вирус, которым он пытался меня уничтожить, оказался

гибким и адаптивным. Вместо того, чтобы уничтожить меня, он слился со мной.

– Иштар... – начал было Доктор, но она оборвала его резким взмахом руки.

– Нет, Доктор, я больше не Иштар. Точно так, как когда-то я была Катакой, а затем стала Иштар, теперь я переросла сущность, которая когда-то была Иштар. Теперь я больше, чем гуманоид, больше, чем компьютерная программа... Больше, даже, чем стихийные силы самого Вихря. Я слышала, как хроноворы шепчут в ветрах времени. Они дали мне новое имя. Времяточец.

Эйс попыталась усмехнуться:

– А ты опоздала, – пошутила она. – Мы тебя ждали с самого нашего прибытия на Землю.

– Правда? – это её заинтересовало. – И откуда вы знали о том, кем я стану?

– Я предупредил себя об этом заранее, – ответил Доктор. – И теперь я понял почему. Потому что, вмешиваясь в ход времени, я сам тебя и создал, так ведь?

– Ты, Доктор? – засмеялась Времяточец. – Нет, ты всего лишь создал *возможность* меня. Меня создал Вихрь. Я больше не ограничена одним маленьким сегментом времени и пространства. Теперь я могу странствовать где пожелаю, и делать что хочу. Нет никого во всём мироздании, у кого бы хватило сил не дать моей воле воплотиться в реальность.

– Ты опять за своё? – недовольно спросил Доктор. – Скажи нам уже, наконец, зачем сюда явилась, и заткнись!

Если он надеялся этим её разозлить, у него ничего не вышло. Времяточец медленно насмешливо улыбнулась:

– Доктор, ты что, забыл? Я обещала тебя съесть, значит, съем. Всё, что ты со мной делал, не уничтожало меня. Оно сделало меня сильнее. И теперь, когда я испробую все мысли твоего мозга, я буду знать всё,

что ты знаешь, поглощу всё, чем ты есть, — в предвкушении, она облизнулась. — Ты должен радоваться, Доктор. Ты станешь частью того, чем есть я; хотя и очень маленькой.

— Спасибо, не надо, — ответил он, отпрыгивая за консоль. — У меня есть полно других планов в жизни. Я не собираюсь стать закуской жестяной богини-высочки, — он начал менять настройки на консоли.

— Доктор, сделай что-нибудь, — прошипела Эйс, двигаясь боком к нему, и не сводя при этом ни на секунду глаз с Времяточца. — Она правда такая опасная, какой себя считает?

— Нет, — ответил он, лихорадочно работая. — Она, возможно, намного опаснее, чем сама думает. Так что... прости меня за то, что я вынужден сделать. Приятно было с тобой общаться... большую часть времени.

Заподозрив худшее, Эйс попыталась повернуться к нему, но в этот момент Времяточец начала действовать. Немного растворившись и став почти прозрачной, сверкающая женщина-змея бросилась сквозь ротор. Она протянула свою призрачную руку, и рука погрузилась в грудь Эйс. У Эйс возникло чувство, будто ей в кожу вгоняют ледяные иглы, она закричала от ужаса.

— Я не связана теми измерениями, которыми связаны вы, — злорадствовала Времяточец. — Я могу стать бестелесной... или смертельно плотной...

При этих её словах её рука снова начала обретать цвет и плотность. Боль в груди Эйс стала ещё сильнее, она почувствовала, что ледяные пальцы становятся стальными. Боль растекалась по всему телу, перед глазами у неё бушевали языки пламени. Она попыталась закричать, но не смогла. Казалось, что её грудную клетку разрывают изнутри.

Всё прекратилось. Времяточец закричала, растворившись до едва заметного призрака. Эйс рухнула на пол и лежала, всхлипывая. Её грудь тяжело вздымалась, снова насыщая лёгкие воздухом. Доктор, бледный, как смерть, закончил нажимать последовательность клавиш.

Где-то в глубинах ТАРДИС монастырский колокол начал свой похоронный звон: *Бум... Бу-ум... Бу-у-ум...*

– Что происходит? – закричала призрачная Времяточец, схватившись за голову.

– Временной таран, – сказал Доктор. – Ты сама выбрала оружие, Времяточец. Ты задействовала имеющиеся в тебе части ТАРДИС, чтобы получить новые возможности. А теперь ты прочувствуешь побочные эффекты баловства со временем. Я настроил свою ТАРДИС так, чтобы она материализовалась там, где находишься ты. Как только мощность вырастет, размерности точно совпадут. А затем бум! – он хлопнул в ладоши. – Взаимная аннигиляция, – он посмотрел на Эйс: – Прости, но это единственный выход. Я создал эту мерзость, и это единственный способ её уничтожить.

Эйс с трудом приподнялась, опираясь на локоть. Она посмотрела на женщину-змею.

– Если это её убьёт, оно того стоит.

Стены, казалось, теряли свою форму, они расплывались и сливались с телом Времяточца. Эйс уже не могла расслышать звон монастырского колокола. Визг центральной консоли стал невыносимо громким. Было ощущение, что становится жарко. Или ей это только казалось? ТАРДИС непреклонно двигалась к своему разрушению, пол начал выгибаться.

– Нет! – закричала Времяточец. – Нет, я не могу так погибнуть. Не могу! Только не от руки такого хилого существа, как ты. Я Времяточец... – её извивающееся тело и шипящий голос одновременно пропали.

Внезапно всё вернулось в норму. ТАРДИС снова была цела.

Эйс облегчённо вздохнула, но Доктор бросился к консоли.

– Нет! – кричал он, разочарованно стуча кулаком по приборам. – Вернись и сражайся! Ты слышишь меня?!

Эйс осторожно встала, опираясь на край консоли. Когда комната перестала вращаться перед её глазами, она схватила Доктора за руку и сильно её тряхнула.

– Остынь уже, Профессор! – закричала она. – Времяточца нет. Всё кончено. Мы в безопасности.

ЭПИЛОГ

Вокруг неё кружились цвета и формы Вихря. В её сознании шуршали голоса. Она начала анализировать себя и свои возможности. Повелитель времени не победил, вовсе нет. Ему повезло, что он ушёл живым.

Времяточец ликовала. Столько всего удалось получить! Такая чудесная возможность проходить через порталы времени, нырнуть в любую эпоху, в любое сознание, в которое она захочет. А были ещё и другие возможности, которые ждали своего открытия. Нет, Доктор не победил. Закончился первый раунд их схватки. Доктор освободил Киш и его жителей, но Времяточец получила гораздо больше, чем потеряла. Мысленно она видела протяжённые участки пространства и времени, доступные её взору.

С чего начать? Нужно было столько всего сделать! Столько возможностей! И она знала, что её пути с Доктором ещё пересекутся. Эти угрызения совести рано или поздно заставят его возобновить схватку. Что же, в следующий раз ему не удастся застать Времяточца врасплох.

А тем временем нужно испытать полученные способности. Где-нибудь неподалёку, на какой-нибудь лёгкой жертве, которую можно просто взять...

Да, вот это годится...

– В безопасности? – Доктор исполненными вины глазами смотрел на Эйс. – Времяточец не умер. Он вырос. Он научился менять частоту. Он пользуется тем, что получил от ТАРДИС. Он сбежал! – он пальцами массажировал лоб. – Теперь, когда мы упустили эту мерзость, никто во всей Вселенной не может быть в безопасности! Это вирус в потоке времени, Эйс. Он может скрываться где угодно и наносить удар в

любой момент. Мы не будем в безопасности до тех пор, пока я его не уничтожу.

Со свойственным ему всплеском лихорадочной активности он снова принялся колдовать над консолью. Координаты начали меняться, ТАРДИС рывком полетела, а он продолжал что-то настраивать на панели.

Схватившись, чтобы не упасть, за край консоли, Эйс спросила:

– Что ты делаешь?

– Во Времяточце всё ещё есть части ТАРДИС. Я взял часть одного из имплантатов – того, который вынул из твоей головы – и установил его в телепатический контур. Я настроил контур так, чтобы он следил за перемещением Времяточца в Вихре. Теперь, куда бы он ни направился, мы сможем направиться следом.

– И?

– Ты что, не слушала? Уничтожить его нужно. Мы выпустили этот ужас на Вселенную. Теперь наш долг уничтожить его.

– Что значит «мы»? – возмутилась Эйс. – Ты мне не рассказывал, что ты делаешь, как ты можешь обвинять меня в...

– Тихо! – резко сказал Доктор, указывая на индикатор пути во времени. Индикатор позеленел и тревожно завывал, словно собака, просившая, чтобы её выпустили. – Где-то и когда-то оно приземлилось.

– Где? Когда?

Он пожал плечами:

– Какая разница? Нужно лететь туда же!

Он вернул органы управления в исходное положение и, возмущённо застонав, ТАРДИС навелась на сигнал и понеслась сквозь Вихрь.

Едва Эйс успела вернуться к своей комнате, как услышала голос Доктора, эхом гуляющий по коридорам ТАРДИС, зовущий её обратно. Она вернулась в отсек управления и тотчас увидела ответ на свой ещё

не заданный вопрос: ротор времени перестал двигаться; ТАРДИС приземлилась.

– Ну что, посмотрим, куда мы попали? – сказал Доктор и щёлкнул выключателем сканера.

Экран загорелся, погас... а затем отобразил серый пейзаж с туманом и морозящим дождём.

Эйс сразу узнала этот ландшафт.

– О нет! – сказала она. – Промозглые выходные в Уигане... или что-то похожее.

– Лондон, – сказал Доктор. – Вон тот грязный водоём – Темза. Мне так кажется. А местные жители такие же жизнерадостные, как всегда, правда?

Эйс угрюмо смотрела на людей в плащах, которые невозмутимо брели под дождём.

– Профессор... А что это за башня там вдали?

Доктор всмотрелся в экран.

– О да, – сказал он с довольной улыбкой. – Значит, мы в Лондоне. Похоже, снаружи мне пригодится мой зонт.